

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ISSN 0130-2620

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

196

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА НОВОСТРОЙКАХ

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

196

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА НОВОСТРОЙКАХ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

ББК 63.4
А79

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

кандидат исторических наук
А. Е. ЛЕОНТЬЕВ, Г. Н. ПРОНИН

А79 **Археологические** исследования на новостройках. — М.: Наука, 1989. — 105 с.: ил.
ISBN 5 02-009425-0

Материалы археологических памятников на территории нашей страны позволяют специалистам-археологам рассматривать самые различные вопросы по истории народов в период от первобытного общества до средневековья. Статьи и публикации сборника широко представляют новые материалы, полученные при раскопках на территории новостроек.
Для археологов.

А 0504000000--094 167—89. Кн. 1
042(02)-89

ББК 63.4

Научное издание

Археологические исследования на новостройках

КСИА, вып. 196

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян
Художественный редактор И. Д. Богачев. Технический редактор М. Ю. Соловьева.
Корректор В. А. Алешкина
ИБ № 37937

Сдано в набор 31.01.89. Подписано к печати 14.03.89. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага книжно-журнальная импортная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 9,10. Усл. кр. отт. 9,3. Уч.-изд. л. 9,9. Тираж 1 550 экз. Тип. зак. 37.
Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., б. Заказ 3236.

ISBN 5-02-009425-0

© Издательство «Наука», 1989

СТАТЬИ

Г. Е. АФАНАСЬЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА НОВОСТРОЙКАХ
И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Расширяющиеся с каждым годом масштабы народнохозяйственного строительства в нашей стране усиливают значение специфической функции археологической науки — охранных археологических исследований в зонах новостроек. Важнейшей составной частью новостроечных работ является археологическая разведка. Как правило, она проводится научно-исследовательской организацией, получившей от генпроектировщика задание на разработку раздела проекта, посвященного мероприятиям по обеспечению сохранности памятников археологии в зоне строительства. В задачу археологической разведки, осуществляемой на стадии проектирования того или иного народнохозяйственного объекта, входит выявление всех археологических памятников на территории предполагаемого строительства, как предварительное условие последующего определения объема работ, необходимых затрат и сроков проведения мероприятий по обеспечению сохранности археологических памятников. Она служит источником получения исходного материала для обоснованного выбора вариантов обеспечения сохранности исторических памятников, определения технической возможности и экономической целесообразности того или иного варианта.

Наряду с выполнением сугубо производственных задач археологическая разведка на новостройках резко увеличивает информационный банк, создавая весомую основу для проведения фундаментальных исследований¹. Задача повышения исторической информативности источников, полученных в процессе археологических разведок на новостройках, тесно связана с поиском новых приемов интерпретации археологического материала.

Одним из перспективных путей в этой области является применение методов экономической географии, что привело к появлению в науке нового направления — «пространственной археологии»². В ее функции входит получение исторической информации из зафиксированных на археологическом материале пространственных связей (изучение схемы человеческой деятельности внутри и между постройками, поселениями, ресурсными зонами и т. д.).

Д. Кларк выделяет три основных уровня системных структур, на которых моделируются пространственные связи. На микроуровне изучаются схемы человеческой деятельности внутри отдельных построек, жилищ, пещер и т. д. Семи-микро уровень подразумевает исследование связей между элементами, образующими отдельное поселение, стоянку и т. д. На макроуровне анализируются пространственные отношения между всей совокупностью мест человеческой деятельности, которая позволяет реконструировать схему расселения древнего населения обследуемого региона³, — между городищами, поселениями, стоянками и т. д. Рассмотрим некоторые приемы анализа пространственных археологических связей между объектами на макроуровне.

С конца 60-х годов все возрастающий интерес в археологии получают исследования взаимоотношений между человеком и природой при

выборе местоположения поселения, в частности методы анализа территорий, окружающих селища. За исходное принимается предположение, что основным определяющим фактором при выборе места поселения являются наличие и продуктивность природных ресурсов, а также расстояние до них. Поселение рассматривается как точка в центре территории, на которой ведется хозяйство и с которой обитатели функционального центра добывают средства для существования. Логическое обоснование метода анализа окрестностей поселений, как справедливо отмечает Д. Ропер, является относительно простым. Оно предполагает, что люди в поисках средств к существованию уходят от своих жилищ и возвращаются обратно. Экономическую зону вокруг населенных пунктов они используют по-разному в зависимости от времени года и географического положения участков, но так, чтобы в целом как минимум сохранить энергию⁴, затраченную на поиск средств к существованию. Анализ окрестностей поселений начинается прежде всего с определения конкретной территории, где происходила хозяйственная деятельность населения. Естественно, что, чем дальше человек уходит от своего жилища, тем больше энергии ему приходится затрачивать на добычу ресурсов. Поэтому при определении экономической зоны функциональных центров подразумевается, что с удалением от жилищ уменьшается интенсивность эксплуатации окружающей территории. Как показали М. Джармен, Ч. Вита-Финци, Э. Хиггс⁵ и ряд других исследователей, для оседлого земледельческого населения затраты на эксплуатацию территории достигают неприемлемой величины уже на расстоянии более часа ходьбы от жилища. Иными словами, на спокойном, непересеченном рельефе местности экономическая зона населенного пункта теоретически должна иметь вид круга с радиусом около 5 км. Однако определяющим фактором здесь все же является не абсолютная величина расстояния, а время и усилия, затрачиваемые на преодоление этого расстояния⁶. Поэтому для определения экономической зоны земледельческого поселения целесообразно применять метод пространственных контуров фиксированных 5-километровых радиусов в сочетании с временным контуром часовой ходьбы.

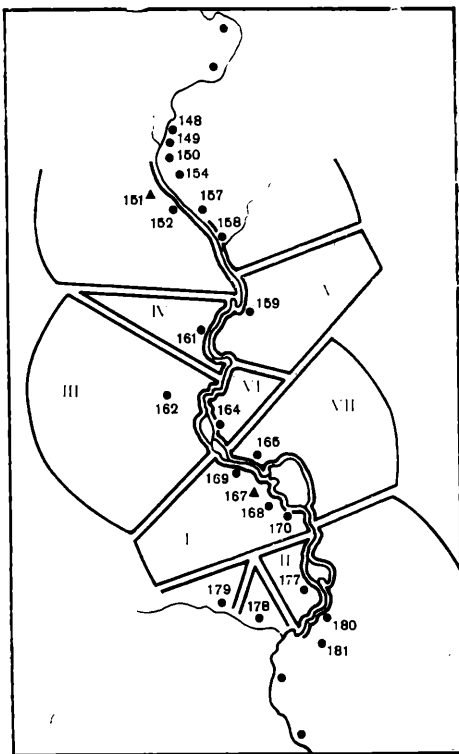
На практике довольно часто наблюдаются ситуации, когда земледельческие поселения располагаются на значительно меньшем расстоянии друг от друга, чем дистанция, образованная двумя 5-километровыми радиусами или двумя часами ходьбы. В этих случаях Д. Л. Россман предлагает проводить границу между экономическими зонами двух близлежащих функциональных центров по прямой линии, соединяющей точки пересечения окружностей, очерченных вокруг селищ⁷.

Рассмотрим процедуру определения потенциальных экономических зон земледельческих поселений на примере группы памятников лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в окрестностях пос. Волоконовка Белгородской обл. Здесь в долине р. Оскол на участке между с. Афоньевка и устьем правого притока Оскола — р. Манджоха обнаружено 2 городища и 20 селищ, расположенных на обоих берегах реки и в ряде случаев напротив друг друга (рис. 1). Совершенно очевидно, что Оскол представлял естественную физико-географическую границу потенциальных экономических зон правобережных и левобережных населенных пунктов. Постоянная и интенсивная эксплуатация жителями правобережья территорий на левом берегу реки и наоборот требовала бы ежедневных больших усилий по преодолению крупного водного рубежа. Обработка полей, расположенных на другом берегу реки, нецелесообразна, так как разность между затраченной и полученной энергией была бы слишком велика. Следовательно, есть основания допускать, что обитатели рассматриваемой группы функциональных центров воспринимали Оскол как своего рода границу условных экономических зон левобережных и правобережных поселений.

Для определения возможных хозяйственных территорий поселений, расположенных на одном берегу реки, был применен способ построе-

Рис. 1. Схема расположения поселений салтово-маяцкой культуры в окрестностях Волоконовки

Селища: 148 — Ново-Ивановка I; 149 — Ново-Ивановка II; 150 — Ново-Ивановка III; 152 — Афоньевка; 154 — Коровино III; 157 — Коровино I; 158 — Старо-Ивановка; 159 — Ново-Рождественка; 161 — Столбище-северное; 162 — Столбище-южное; 164 — Заломное-северное; 165 — Заломное-южное; 168 — Ютановка-южная; 169 — Ютановка-северная; 170 — Нижняя Лубянка; 177 — Средняя Лубянка-северная; 178 — Средняя Лубянка-юго-западная; 179 — Евдокимовка; 180 — Пятницкий Питомник; 181 — Пятницкое-северное; городища; 151 — Афоньевка; 167 — Ютановка

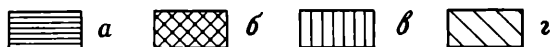
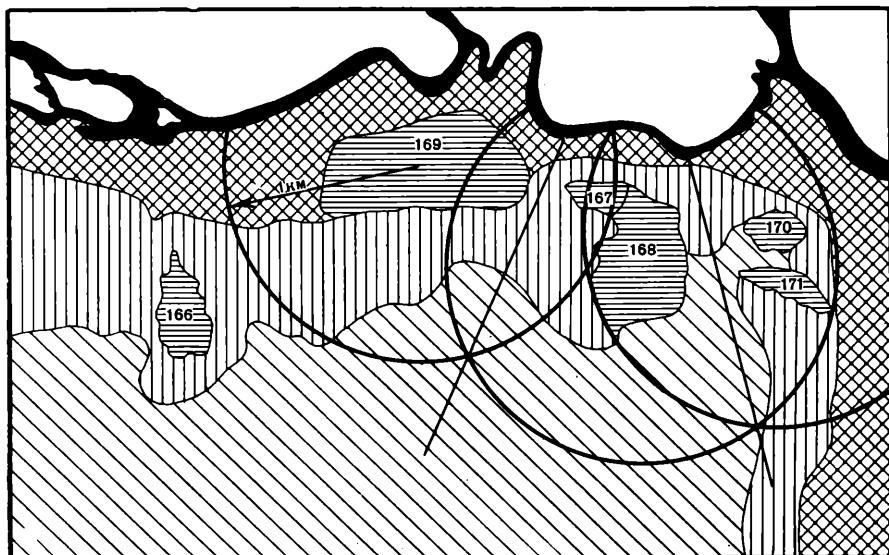

ния окружностей с 5-километровым радиусом, которые при пересечении разделялись по методу Д. Л. Россмана. В данном случае использование окружностей с 5-километровым радиусом имеет и эмпирическое обоснование. Проведенный в районе Ютановского городища хронометраж показывает, что в условиях Приосколья расстояние, покрываемое за один час спокойного пешего маршрута в сторону водораздела, приближается к 5 км, т. е. пространственный контур 5-километрового радиуса здесь полностью совпадает с временным контуром часовой ходьбы.

В итоге удалось наметить группу из семи замкнутых потенциальных экономических зон поселений на левом и правом берегу Оскола (рис. 1). Ограниченная со всех сторон левая хозяйственная территория выделяется вокруг группы почти смыкающихся поселений, окружающих Ютановское городище,— Ютановского-северного (№ 169), Ютановского-южного (№ 168) и Нижне-Лубянского (№ 170). На правобережье с юга-востока к ней примыкает потенциальная экономическая зона поселения Средне-Лубянского-северное (№ 177). К северо-западу от Ютановского городища расположена обширная хозяйственная территория поселения Столбищенское-южное (№ 162), граничащая на севере с зоной поселения Столбищенское-северное (№ 161). В этом же микро-регионе на левобережье Оскола выделяются очерченные со всех сторон хозяйственные территории селищ Ново-Рождественское (№ 159), Заломное-северное (164) и Заломное-южное (№ 165).

Понятно, что рассматриваемые хозяйственные территории носят в определенной степени приблизительный характер. Их гипотетичность определяется прежде всего нерешенным вопросом: все ли анализируемые поселения существовали одновременно? К сожалению, хронология салтовских поселенческих древностей до сих пор практически не разработана. Поэтому при исследовании взаимосвязей между древними населенными пунктами мы вынуждены пока допускать, что все они или по крайней мере подавляющее число крупных салтовских поселений в долине Оскола функционировали одновременно на протяжении всего 200-летнего периода существования салтово-маяцкой культуры и имели соответственно условно разграниченные экономические зоны.

Второй аспект этой проблемы, влияющий на достоверность рассмотренной модели,— это степень изученности микро-региона. В описанном случае предполагается, что благодаря плановым археологическим разведкам, проведенным Оскольской экспедицией Института археологии АН СССР и местными краеведами, на участке между с. Афоньевка и р. Манджоха выявлены практически все салтовские поселения. Следо-

Рис. 2. Потенциальные однокилометровые экономические зоны поселений Ютановского комплекса

167 — Ютановское городище; 168 — Ютановка-южная; 169 — Ютановка-северная; 170 — Нижняя Лубянка; 166 — Ютановский катакомбный могильник; 171 — Нижне-Лубянский катакомбный могильник

а — территория памятников; б — высокопродуктивные сельскохозяйственные угодья и пастбища; в — малопродуктивные пастбища; г — сельскохозяйственные угодья и пастбища средней продуктивности

вательно, информация о системе размещения салтовских поселений в рассматриваемом микрорегионе, которой мы располагаем в настоящее время, достаточно полно отражает реальную ситуацию в прошлом.

Как известно, оценка потенциальных экономических зон функциональных центров основана на анализе природных факторов, влияющих на их географическое положение, — воды, пахотных земель, пастбищ, топлива, строительных материалов и т. д. Ценность ресурсов менялась в зависимости от размещения на различных участках потенциальной экономической зоны поселений. Для определения величины ценности расположения ресурсов Ч. Вита-Финци и Э. Хиггс вполне обоснованно предлагают применять систему концентрических окружностей. Площадь в округе 1 км ими оценивается в 100 %; 1—2 км — 50; 2—3 км — 33; 3—4 км — 25; 4—5 км — 20 %⁸, что соответствует степени уменьшения интенсивности эксплуатации территории по мере удаления от поселения.

Для предварительной характеристики потенциальной продуктивности наиболее важных в экономическом отношении однокилометровых зон трех поселений (Ютановское-южное, Ютановское-северное, Нижне-Лубянское), примыкающих к Ютановскому городищу и образующих с ним фактически единую агломерацию (рис. 2), было рассчитано, какой процент этой площади приходится на высокопродуктивные сельскохозяйственные угодья и пастбища, сельскохозяйственные угодья средней продуктивности, малопродуктивные пастбища (табл. 1).

Оказалось, что однокилометровые зоны селищ Ютановское-северное и Ютановское-южное имеют резко отличающиеся ресурсные потенциалы. Территория, окружающая первое поселение, значительно более благоприятна для занятий земледелием, чем вторая. Более того, минимальное расстояние к источнику воды — Осколу от поселения Ютановское-северное составляет всего 100 м по спокойному рельефу

Таблица 1

Процентные соотношения продуктивности земель однокилометровых зон группы поселений Ютановского комплекса

Поселение	Высокопродуктивные с-х угодья и пастбища, %	С-х угодья средней продуктивности, %	Малопродуктивные пастбища, %
Ютановское-северное	55	12,5	32,5
Ютановское-южное	5,3	67,5	27,2
Нижне-Лубянское	48,8	14	37,2

первой надпойменной террасы, а расстояние от Ютановского-южного — 350 м по крутому 70-метровому склону коренного берега Оскола.

Такое неблагоприятное для занятий земледелием расположение поселения Ютановское-южное вовсе не связано с отсутствием в этом микрорегионе подходящих земель. Ведь вверх по течению Оскола на первой надпойменной террасе простираются потенциальные высокопродуктивные сельскохозяйственные угодья, а рядом луговые пастбища, т. е. имеется достаточно природных ресурсов для создания еще одного поселения с такой же характеристикой земель, как и в однокилометровой зоне селища Ютановское-северное. Следовательно, определяющим фактором при выборе места поселения Ютановское-южное было не наличие высокопродуктивных сельскохозяйственных угодий, пастбищ и удобного спуска к реке, а какие-то другие причины. Есть основания полагать, что, примыкающее к Ютановскому городищу с напольной стороны, это поселение выполняло для своего региона функции центрального⁹, которые обуславливаются уже не системой связей «человек — природа», а системой связей «человек — человек». Иными словами, используя метод анализа территорий, окружающих эти селища, можно прийти к выводу о различии их функций в общей системе Ютановского комплекса памятников.

Уже в конце XIX в. некоторые экономисты обратили внимание на зависимость передвижений населения от расстояний между населенными пунктами. Несколько позже Рейли показал, что общий объем связей между двумя центрами должен быть пропорционален произведению численности их населения и обратно пропорционален квадрату расстояния между ними:

$$M_{ij} = P_i \cdot P_j (D_{ij})^{-2},$$

где M_{ij} — взаимодействие между поселками i и j ; P_i и P_j — численность населения обоих центров; D_{ij} — расстояние между ними¹⁰. Предпосылки этой, так называемой гравитационной модели сводятся к двум основным положениям. Во-первых, допускается, что все исследуемые пункты населены в основном людьми с одинаковыми потребностями и контактами. Во-вторых, интенсивность взаимодействия между поселениями убывает симметрично с увеличением расстояния во всех направлениях.

Высказывались предположения, что если этот метод с успехом применяется для исследования современных поселений, то он может быть вполне применим и для анализа связей между памятниками прошлого¹¹. По мнению К. Л. Крамли, использование гравитационной модели приводит к хорошим результатам при оценке экономического взаимодействия двух древних центров в том случае, если изучаемый регион считается социально однородным, а влияние неэкономических факторов на связь двух центров сводится к нулю. На следующем этапе работы выявленная этим методом схема связей функциональных центров может быть откорректирована возможным влиянием других факторов¹².

При первоначальном знакомстве с археологической картой поселений салтово-маяцкой культуры в окрестностях пос. Волоконовка (рис. 1) складывается впечатление, что памятники в долине Оскола распределены в общем-то равномерно, без явно выделяющихся скоплений. Они предстают в виде непрерывной цепочки сменяющих друг друга поселений с одинаковой степенью связей между близлежащими древними населенными пунктами, протянувшимися на возвышенностях вдоль реки и тяготеющими к пойменным сельскохозяйственным угодьям и пастбищам. Однако анализ их отношений с помощью гравитационной модели резко меняет визуальную картину.

Практическое применение этого метода для расчетов величины связей между функциональными центрами салтово-маяцкой культуры сталкивается прежде всего с трудностями в определении единовременной численности населения. Известно, что в археологических исследованиях для оценки численности населения, проживающего на поселении, используются преимущественно такие характеристики, как общее число единовременных жилищ и число лиц, приходящихся на одно жилое помещение.

Для получения ориентировочных данных о количестве жилищ на сопоставляемых памятниках долины Оскола можно было бы использовать сведения о средней плотности жилых построек на тех объектах, где проводились раскопки большими площадями. К примеру, на Маяцком селище одна жилая постройка приходится на 225 кв. м, на Дмитриевском — 125 кв. м, на Ютановском — 180 кв. м. В среднем на салтовских поселениях лесостепной зоны одна жилая постройка приходится на 175 кв. м. Однако естественно возникают вопросы: может ли эта археологически зафиксированная плотность построек характеризовать единовременную численность жилищ, все ли они существовали одновременно и какова продолжительность функционирования жилищ подобного типа?

Вопрос о продолжительности использования жилых сооружений в памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры в литературе не ставился и является предметом специальных будущих исследований. В настоящее время в качестве параллели можно лишь сослаться на интересные наблюдения М. Венделя, ведущего раскопки раннесредневекового поселения близ с. Кривина в Северной Болгарии, где при наличии хорошей стратиграфии и узко датированных материалов удалось установить, что средняя продолжительность использования жилых полуземлянок была около 30 лет¹³, т. е. приблизительно соответствовала одному поколению жителей.

Если такой срок использования жилищ применим для типологически близких и одновременных болгарским салтовским полуземлянок, то мы должны признать, что в населенных пунктах, функционирующих с середины VIII в. по середину X в., могут быть зафиксированы жилища 6—7 поколений. А если на всем протяжении своего существования поселение сохраняло одни и те же физические границы, то средняя плотность одновременных жилищ теоретически должна составлять одну постройку на 1050—1225 кв. м.

Не менее сложен и вопрос о средней численности обитателей салтовского лесостепного жилища, решаемый во взаимосвязи с площадью жилого помещения. Рядом исследователей предпринимались попытки определить средний размер жилой площади, необходимой в древности на одного человека. Так, изучение взаимосвязи между размерами жилой площади и числом ее обитателей у 18 этнокультурных общностей в различных географических районах мира привело Р. Наролла к выводу, что для проживания одному человеку требовалось в среднем 10 кв. м¹⁴, но этот размер площади считается завышенным¹⁵. С. Касселберри на базе этнографического анализа 8 различных культур пришел к заключению, что численность популяции жилища может быть приравнена к числу, составляющему одну шестую от площади по-

ла, измеренной в квадратных метрах¹⁶. По мнению И. Хилла, более обоснованной может считаться площадь жилого пространства в 4,55 кв. м на одного человека. Иные цифры приводит С. Кук, используя материалы Северной и Южной Калифорнии: от 1,86 до 2,32 кв. м на одного человека¹⁷.

Как же соотносятся эти лимиты с площадью салтовских лесостепных полуземлянок? Полевые исследования на территории Маяцкого городища, Маяцкого селища и Ютановского показали, что площадь жилых построек на этих памятниках колеблется в пределах 4—31 кв.м. Средняя площадь жилищ Маяцкого городища составляет 18,5 кв. м, Маяцкого селища — 14, Ютановского селища — 11 кв. м. Используя эти усредненные размеры жилищ и лимиты площади на одного человека, предложенные упомянутыми исследователями, получаем следующие соотношения численности обитателей одной жилой постройки для названных памятников (табл. 2).

Таблица 2
Сравнительная численность обитателей одного жилища
Маяцкого городища, Маяцкого и Ютановского селищ

Сведения по	Маяцкое городище, чел.	Маяцкое селище, чел.	Ютановское селище, чел.	Сведения по	Маяцкое городище, чел.	Маяцкое селище, чел.	Ютановское селище, чел.
Р. Нароллу	1,8	1,4	1,1	И. Хиллу	4,1	3,1	2,4
С. Кассел-берри	3,1	2,3	1,8	С. Куку	9,9—8	7,5—6,3	5,9—4,7

Есть основания полагать, что в климатических условиях Восточной Европы более реальна для рассматриваемого периода средняя величина жилой площади на одного человека, находящаяся в пределах между лимитами И. Хилла и С. Кука. Мне уже приходилось высказывать предположение, что в обществе носителей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры полуземляночные жилища предназначались в основном для малой семьи численностью около 5 человек¹⁸. Отсюда нетрудно вычислить, что в подобных постройках на одного человека приходилось в среднем 2,8 кв. м площади.

Таким образом, в процессе определения единовременной численности населения салтовских селищ долины Оскола мы вынуждены оперировать целым рядом в значительной степени условных характеристик и вариации каждой из них могут сильно повлиять на конечный результат работы. Как видим, гравитационной модели в ее первоначальном виде присущи серьезные практические ограничения при использовании для изучения археологических объектов на макроуровне. Однако значительная часть этих ограничений снимается, если модель несколько преобразовать путем замены численности населения сравниваемых пунктов (P_1 и P_j) площадью поселений (S_1 и S_j). Теоретически такая замена вполне оправдана: в условиях социально-экономической однородности двух сопоставляемых пунктов их площадь является функцией численности населения.

Итак, анализируя взаимосвязь между поселениями посредством гравитационной модели, целесообразно использовать такие характеристики, как площадь памятников и расстояния между ними. Площадь рассматриваемых поселений долины Оскола определялась соответственно ареалу подъемного материала. Данные о расстояниях между ними были получены путем промеров на топографических картах. Исчисление величины гравитационной связи между каждой парой из 20 салтовских поселений позволило составить матрицу их взаимосвязи (табл. 3).

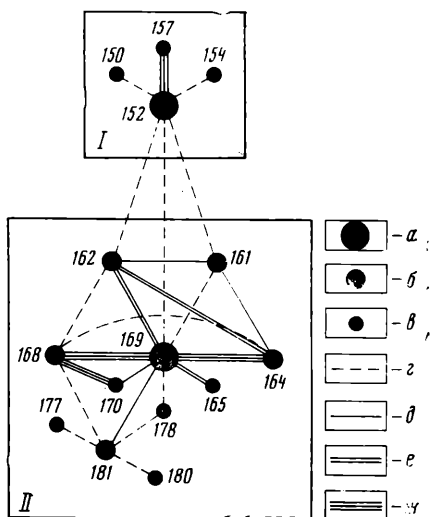
Таблица 3

Матрица гравитационной связи поселений в окрестностях пос. Волоконовка

№ памятника	148	149	150	154	152	157	158	159	161	162	164	165	169	168	170	177	178	179	180
149	1,7																		
150	1,1	3,8																	
154	0,2	0,3	2,3																
152	3,9	4,6	19	18															
157	0,2	0,2	0,3	0,9	127														
158	<0,1	<0,1	0,1	<0,1	3	1													
159	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	1,6	0,2	0,1												
161	0,2	0,2	0,5	0,3	29	2,1	0,6	4											
162	0,2	0,1	0,4	0,2	19	1,2	0,3	1,2	34										
164	0,1	0,1	0,2	0,1	9,5	0,7	0,1	0,8	14	64									
165	<0,1	<0,1	<0,1	0,1	0,8	0,1	<0,1	0,1	0,8	2,1	6,7								
169	0,2	0,2	0,5	0,3	21	1,5	0,3	1,5	21	63	189	73							
168	0,1	0,1	0,2	0,1	7	0,5	0,1	0,4	5,6	13	22	8	315						
170	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	1,7	0,1	<0,1	0,1	1,3	2,8	4,2	1,4	40	172					
177	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	0,6	<0,1	<0,1	<0,1	0,4	0,8	0,9	0,2	5,7	5,8	2,3				
178	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	1,3	0,1	<0,1	0,1	0,8	1,7	1,7	0,3	11	8,5	2,5	5,4			
179	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	0,4	<0,1	<0,1	<0,1	0,2	0,6	0,6	0,1	3,7	2,4	0,6	0,6	5,9		
180	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1	0,3	<0,1	<0,1	<0,1	0,2	0,4	0,4	0,1	2,5	2	0,7	3,5	2,2	0,2	
181	<0,1	<0,1	0,1	<0,1	3,6	0,2	<0,1	0,2	2	3,9	4	0,7	22	16	5,3	15	25	2,7	45

Рис. 3. Граф связей поселений салтово-маяцкой культуры в окрестностях Волоконовки.

а — поселения площадью от 31 до 50 га; б — площадью от 11 до 30 га; в — до 10 га; г — гравитационная связь 10—31; д — гравитационная связь 31—60; е — гравитационная связь 61—90; ж — гравитационная связь более 90

Построенный на базе матрицы граф (рис. 3) наглядно показывает ошибочность предположения, основанного на видимом относительно равномерном распределении памятников на местности, что салтовские поселения не образуют здесь существенных агломераций. В графе четко локализируются две группы объектов, тяготеющих к двум крупнейшим поселениям региона. Ядро первой группы составляет Афоньевское поселение (№ 152) площадью 44 га, имеющее очень сильную связь с поселением Коровино I (№ 157) площадью 2,9 га. С Афоньевским поселением слабо связаны селища Ново-Ивановка III (№ 150) площадью 1,6 га и Коровино III (№ 154) площадью 0,7 га.

Вторую группу, значительно более сильную по сравнению с первой, образуют памятники, тяготеющие к поселению Ютановское-северное (№ 169) площадью 45,5 га. Оно имеет очень сильные связи с поселением Ютановское-южное (№ 168) площадью 20 га и с поселением Заломное-северное (№ 164) площадью 13,5 га. Прослеживаются сильные связи между поселением Ютановское-северное и селищами Заломное-южное (№ 165) площадью 1,6 га, Столбищенское-южное (№ 162) площадью 18,9 га. Кроме того, фиксируются ощутимые связи между поселением Ютановское-северное и селищами Нижне-Лубянское (№ 170) площадью 5,5 га, Пятницкое-северное (№ 181) площадью 22,5 га. У поселения Ютановское-северное намечаются слабые связи с селищами Столбищенское-северное (№ 161) площадью 13 га, Средне-Лубянское-юго-западное (№ 178) площадью 6,5 га. Локальность памятников второй группы подчеркивают и слабые связи поселения Ютановское-южное с селищами Пятницкое-северное, Столбищенское-южное, Заломное-северное, а также связь между поселениями Столбищенское-северное, Столбищенское-южное и Заломное-северное.

Некоторые объекты во второй группе памятников практически не проявляют связей с поселением Ютановское-северное, но явно тяготеют к Пятницкому-северному: Средне-Лубянское-северное (№ 177) площадью 3 га, Пятничный Питомник (№ 180) площадью 2 га. В данном случае мы, вероятно, наблюдаем процесс отпочкования, образования новой агломерации на базе поселения Пятницкое-северное.

Итак, анализируемый граф связей памятников салтово-маяцкой культуры на участке долины Оскола в окрестностях пос. Волоконовка показывает ведущую роль поселения Ютановское-северное в системе экономических отношений между функциональными центрами этого региона. Несмотря на то что селища Афоньевское и Ютановское-северное очень близки по размерам площади, их отношения с окружающими древними населенными пунктами, как показывает гравитационная модель, были различными. Понятно, что использованные нами характеристики (размеры населенных пунктов и расстояния между ними) не могут исключить из регионального анализа поселений другие характеристики, отражающие культурные, социальные и политические аспекты жизни общества, которые со своей стороны также могли влиять на экономические связи между функциональными центрами.

Таким образом, тотальные археологические разведки в зонах новостроек, изучение пространственных связей между открытыми поселениями с помощью методов анализа территориального распределения ресурсов и построения гравитационной модели открывают широкие возможности получения из археологического материала новой исторической информации о сложном процессе формирования схемы древнего заселения того или иного региона.

- ¹ *Массон В. М.* Археологические работы на новостройках и изучение древних культур // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 3, 4.
- ² *Clarke D. L.* Spatial information in archaeology // Spatial archaeology. L., 1977. P. 1—32.
- ³ *Rouse I.* Settlement patterns in archaeology // Man, settlement and urbanism. Duckworth, 1972. P. 95—107.
- ⁴ *Roper D. C.* The method and theory of site catchment analysis // Advances in archaeological method and theory. Vol. 2. N.Y., 1979. P. 119—140.
- ⁵ *Jarman M., Vita-Finzi C., Higgs E.* Site catchment analysis in archaeology // Man, settlement and urbanism. P. 61—66.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Rossmann D. L.* A site catchment analysis of San Lorenzo // The early Mesoamerican village. N.Y., 1976. P. 95—103.
- ⁸ *Vita-Finzi C., Higgs E. S.* Prehistoric economy in the Mount Carmel area of Palestine: site catchment analysis // Proc. Prehist. Soc. 1970. Vol. 36. P. 1—37.
- ⁹ *Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2.
- ¹⁰ *Хаггер П.* Пространственный анализ в экономической географии. М., 1968. С. 51—57.
- ¹¹ *Butzer K. W.* Archaeology as human ecology: method and theory for a contextual approach. Cambridge, 1982. P. 215—216.
- ¹² *Crumley C. L.* Three locational models: an epistemological assessment for anthropology and archaeology // Advances in archaeological method and theory. N.Y., 1979. Vol. 2. P. 141—173.
- ¹³ *Вендель М.* Результаты раскопок раннесредневекового поселения и городища под Кривиной в Северной Болгарии в свете перехода от античного периода к средневековому // Тез. докл. делегации ГДР на IV Междунар. конгр. славян. археологии. Берлин, 1980. С. 29.
- ¹⁴ *Naroll R.* Floor area and settlement population // Amer. Antiquity. 1962. Vol. 27, N 4.
- ¹⁵ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 112, 113.
- ¹⁶ *Casselberry S. E.* Further refinement of formulae for determining population from floor area // World Archaeol. 1974. Vol. 6. N 1. P. 118—122.
- ¹⁷ *Hassan F. A.* Demographic archaeology // Advances in archaeological method and theory. N.Y., 1978. Vol. 1. P. 49—103.
- ¹⁸ *Афанасьев Г. Е.* Большая семья у алан // СА. 1984. № 3. С. 66—82.

А. С. СМЕРНОВ, А. Н. СОРОКИН

ДЕСНИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1984—1985 гг.

Деснинская экспедиция ИА АН СССР продолжала работы на юго-западе и востоке Нечерноземной зоны РСФСР — в Верхнем и Среднем Подесенье в пределах Брянской обл., в верхнем Поочье в границах Калужской обл., а также в бассейне Среднего течения Оки в пределах Рязанской обл. Работы были преимущественно направлены на изучение археологических памятников в зонах мелиоративно-ирригационного строительства. Раскопки велись также в зоне затопления Владимирского водохранилища на р. Десне в Брянской обл.

Всего за два сезона разведками обследовано более 100 мелиоративных объектов, выявлено около 30 археологических памятников, главным образом стоянки эпохи мезолита, неолита, бронзы. Средневековые селища обнаружены преимущественно в пределах Калужской обл. и на юге Брянской обл. Обследованы также единичные курганные могильники и городища.

Диапазон раскапываемых памятников достаточно широк и охваты-

вает стоянки каменного и бронзового веков, поселения раннего железного века, славянские селища, городища, курганные могильники. В составе экспедиции ежегодно действовали четыре-пять отрядов, специализирующихся на изучении памятников определенного периода.

Мезолитический отряд под руководством А. Н. Сорокина проводил работы на объектах мелиорации Рязанской обл. Параллельно с разведками осуществлены раскопки четырех памятников: Исток 1, Задне-Пилево 2 и 8 в Спас-Клепиковском и Пургасово 3 в Кадомском р-не. Впервые на широких площадях была отработана новая полевая методика фиксации материала по трем координатам с последующим вынесением в камеральных условиях всех находок на вертикальные профили. Вынесение кремней на продольные и поперечные профили позволило выявить структуру не расчлененного по окраске культурного слоя памятников. В результате удалось подтвердить присутствие на стоянке Исток 1 двух разновременных культурных горизонтов, разделенных прослойкой в 0,10—0,30 м.

Нижний слой стоянки Исток 1 содержал своеобразные асимметричные наконечники с боковой выемкой и скошенным пером, напоминающие аренсбургские, косые остря, резцы с ретушированной и неподработанной площадкой скола, концевые скребки. Комплекс может быть датирован финальным палеолитом — ранним мезолитом. Верхний горизонт дал обычный для позднего этапа бутовской культуры набор изделий: постсвидерские наконечники стрел, концевые и округлые скребки, резцы на естественном окончании заготовки, симметричные и косые остря, пластины с приостряющей краевой ретушью, вкладыши, микролиты с затупленным ретушью краем, плечиковые сверла, рубящие орудия. Интересна находка четырех высоких трапеций.

На стоянке Задне-Пилево 2, где вскрыто свыше 200 кв. м, исследовано компактное, слабо насыщенное находками пятно культурных остатков, включавшее около 800 предметов. Найдены конические и подконические нуклеусы, резцы с неподработанной площадкой скола, подовальное тесло, долотовидные формы, вкладыши, косые остря, четыре иволистных постсвидерских наконечника стрел и всего два скребка. Поселение носит ярко выраженный кратковременный характер.

Стоянка Задне-Пилево 8 к моменту раскопок оказалась уничтоженной песчаным карьером. Однако полученный материал, включающий высокую трапецию, микролиты с затупленным ретушью краем, косые остря, резцы на естественном окончании пластины, концевые скребки и т. д., достаточен для отнесения памятника к позднему этапу бутовской культуры.

Новые находки трапеций на мешчерских стоянках подтверждают высказанную ранее мысль об их стадийном характере и о том, что Волго-Окский бассейн входит в зону распространения микролитов геометрической формы.

На стоянке Пургасово 3, открытой Б. А. Фоломеевым в 1983 г., вскрыто около 70 кв. м. Материал распределяется в виде двух скопелений. Памятник характеризуется пластинчатой и отщеповой техниками первичной обработки. Нуклеусы призматической и пирамидальной формы, сработаны до предела. Орудия составляют более 40 % комплекса. Наиболее многочисленны среди них резцы, отличительной чертой которых служит присутствие плоских сколов. Выразительны концевые скребки, сверла и развертки часто с плоской ретушью на брюшке, комбинированные орудия, пластины с приостряющей ретушью, тесла со следами шлифовки, абразивы, так называемые «выпрямители древков стрел». Имеются два обломка грузил со сверлинами и грузило с краевыми пропилами для привязывания. Встречены микролиты с притупленным ретушью краем, косые остря, пластинки с поперечно срезанными ретушью концами и выемками на конце. Вкладыши из фрагментов пластин единичны и, вероятно, случайны. Среди наконечников стрел, помимо традиционных для Волго-Окского бассейна постсвидерских

иволистных и черешковых форм, найдены не встречавшиеся ранее два оригинальных типа: остря с пильчатой краевой ретушью и вогнутым ретушированным основанием и крупные поперечно-лезвийные черешковые наконечники, боевой конец которых оформлен двусторонней полукрутой и пологой ретушью прямо или в виде выемки.

Несмотря на определенные черты сходства с материалами бутовской культуры, комплекс Пургасово 3 своеобразен и не имеет аналогов в материалах эпохи мезолита не только Волго-Окского междуречья, но и лесной зоны европейской территории нашей страны. Все это позволяет выделить его в особый самостоятельный культурный тип. Таким образом, Нижнее Поочье, так же как Верхнее и Среднее, не может считаться в настоящее время монокультурным. Открытие нового типа памятников наряду с уже известными семью заставляет отказаться от идеи «контактных зон» и объяснять эту разницу в первую очередь генезисом и хронологией.

Это подтверждают исследования А. Н. Сорокина в Ржевском Поволжье, где пять раскопанных памятников дали как традиционный для Волго-Окского мезолита бутовский комплекс (Суконцево 7), так и материалы новой раннемезолитической рессетинской культуры (Суконцево 3, 8, 9).

Усложнение культурно-исторической картины Волго-Окского бассейна в финальном палеолите и мезолите ставит на повестку дня задачу разработки детальной характеристики указанного этапа.

Основной отряд экспедиции (начальник А. С. Смирнов) раскапывал памятники неолита и бронзы в бассейнах верхней Десны и Оки. В последние годы исследовались неолитические поселения Витховка и Пионерская на Десне и продолжены исследования стоянки Красное X на Оке.

Стоянка Витховка изучалась И. Г. Розенфельдт и М. Е. Фосс в 1949 и 1954 гг. К сожалению, отчеты отсутствуют. Анализ имеющихся коллекций позволил выделить среди материалов развитого неолита комплекс раннеолитического времени. Раскопки это подтвердили. На памятнике вскрыто 300 кв. м.

В раскопе V, расположенном на уступе склона боровой террасы, обнаружены материалы раннего неолита. Они представлены фрагментами сосудов с гребенчатой орнаментацией, сопровождаемыми кремневым инвентарем с преобладанием отщеповой техники расщепления. Учитывая, что в раннем неолите лесного Подесенья известны раннеолитические комплексы с чисто накольчатым орнаментом на керамике, можно достаточно уверенно говорить о двух линиях развития раннеолитической керамики. Одна из них представляла традиции развития гребенчатой орнаментации, вторая — накольчато-отступающей. Керамика этих двух типов достаточно различается по составу теста. На определенном этапе развития происходит синтез, это прослеживается не только в появлении гребенчато-накольчатой орнаментации, но и в выработке единого состава формовочных масс. Исследования последних лет позволяют связывать традиции накольчато-отступающей орнаментации с территориями лесостепного и степного Подонья и нижнего Поволжья. Гребенчатый орнамент более характерен для лесного неолитического населения.

Основная масса находок на стоянке Витховка относится к периоду развитого и позднего неолита. Это традиционная для лесного Подесенья керамика, украшенная ромбоямочным, «лапчатым», гусеничным и гребенчатым штампами. Примечательной представляется серия сосудов с ромбоямочной орнаментацией, обнаруженная на памятнике. Наиболее ранние горшки широко открытые, шлемовидной формы, с выраженным перегибом тулова в нижней трети. Украшены исключительно ромбическим штампом с пирамидальным дном, нанесенным в шахматном порядке. Какие-либо другие элементы орнамента отсутствуют, за исключением пояaska гребенчатых оттисков под венчиком. Более позд-

ние сосуды закрытых форм, с округлым или биконическим туловом. Украшены ромбической ямкой аморфных очертаний. Появляются пояса лежащих ромбов по шейке, горизонтальный зигзаг по плечикам. Гораздо шире употребляется гребенчатый штамп, в ряде случаев играющий не менее важную роль, чем ямочные элементы орнамента. Вновь полученные материалы позволяют более детально и обоснованно проследить эволюцию форм и приемов орнаментации наиболее характерной для Десны керамики с ромбоямочным узором.

Поздние находки на памятнике представлены керамикой почепской культуры, а также вещами эпохи средневековья — втульчатой сулицей, ножами, серпами и сопровождающей их круговой керамикой.

На близрасположенной стоянке Пионерская вскрыто 40 кв. м слоя, в котором совместно с находками эпохи поздней бронзы залежали кремневые орудия и фрагменты сосудов развитого неолита.

В Верхнем Поочье продолжались раскопки стоянки Красное X близ одноименной деревни на левобережье р. Ресеты в Хвастовичском р-не Калужской обл. Памятник открыт в 1982 г. разведками Деснинской экспедиции. В том же году на нем было раскопано 130 кв. м. В 1985 г. вскрыто еще 120 кв. м. В прибрежной части на склоне обнаружены две торфяниковые прослойки, разделяющие культурный слой. Найдено удалось обнаружить и за пределами современной возвышенности, перекрытые метровым стерильным слоем торфяных пойменных отложений. Среди полесских стоянок верхней Десны и Оки с песчаными грунтами Красная X выгодно отличается наличием торфяных отложений, дающих возможность радиоуглеродного и палинологического датирования. Раскапываемый памятник находится в пределах верхнересетинского прогиба, где теперь известно большое количество неолитических поселений, это дает основание надеяться на открытие новых торфяниковых стоянок.

Наиболее древние находки на Красной X представлены мезолитическими наконечниками стрел на пластинах, пластинами и их сечениями. Материалы этого времени концентрируются в нижних слоях прибрежной части раскопа. На памятнике достаточно многочисленна раннеолитическая керамика. В основной своей массе она украшена оттисками гребенчатого штампа, нанесенного в отступающей манере. В качестве разделителей орнаментальных зон использовались наколы различной формы. Меньшая часть керамики этого времени украшена только подтреугольными отступающими наколами. В тесте — органическая примесь, поверхность хорошо заглажена, часто ангобирована.

Раннеолитическая керамика с гребенчатым орнаментом напоминает аналогичные материалы как на севере — в Волго-Окском междуречье, так и на юге — в Деснинском бассейне. Накольчатая керамика практически аналогична сосудам раннеолитических стоянок Подесенья. На верхневолжских памятниках такая керамика отсутствует.

Находки развитого неолита представлены типами, характерными для культур бассейна Верхнего Поднепровья. Это главным образом сосуды с ромбоямочным, «лапчатым» и гребенчатым орнаментами. Фрагменты с ямочно-гребенчатым орнаментом играют подчиненную роль. Белемнитная ямка отсутствует. Вдавления мелкие, неправильные, с остроконическим дном, нанесены наклонно. Подобный тип орнамента характерен для наиболее поздних льяловских памятников и стоянок Украины.

За пределами современного суходола под слоем торфа обнаружен развал остродонного S-видного сосуда, украшенного горизонтальными рядами крупной отступающей лопаточки, точнее, щепы. Форма и орнамент характерны для энеолитической репинской культуры Подонья.

Исследования памятников неолита в 1984—1985 гг. дали существенные результаты. В раннем неолите Подесенья доказано существование двух линий развития керамики — с кольчатой и гребенчатой орнаментацией. Кольчатая раннеолитическая керамика Верхнего

Поочья деснинского, а не верхневолжского типа. Вновь полученные материалы развитого неолита позволили детализировать и обосновать типологию сосудов с ромбоямочной орнаментацией. Продолжены исследования неолитических памятников Верхней Оки, для которых еще раз подтверждена их связь с деснинской культурой. Впервые в Поочье обнаружены материалы энеолитической репинской культуры.

Памятники раннебронзового времени экспедицией в последнее время практически не изучались, если не считать обнаруженного погребения на могильнике Стайки II на водоразделе Десны и Оки. В 1982 г. на нем было исследовано пять погребений.

В Рогнединском р-не Брянской обл. в верховьях Десны раскопан комплекс памятников второй половины II тысячелетия до н. э. Это поселения Ново-Хотмирово I, Ново-Хотмирово II и синхронный курганный могильник Смолино II.

На стоянке Ново-Хотмирово II, расположенной на невысокой возвышенности в левобережье поймы Десны, раскопано 384 кв. м. Обнаружены хозяйственные ямы и открытые очаги. Находки представлены почти исключительно керамикой, редко отщепами и кусками кремня. Материал концентрируется в нескольких хорошо выраженных скоплениях, стратиграфически разделяющихся на два горизонта.

Керамика нижнего горизонта представлена сосудами с широким дном, короткой, слегка отогнутой суженой шейкой. Изготовлена из глины с примесью песка и кварца. Орнаментирована чаще всего рядом ямок или жемчужин, мелких насечек под венчиком, реже — прочерченными узорами по плечикам: косыми насечками, зигзагами, треугольниками. Встречены фрагменты сосудов баночной формы, не орнаментированные или украшенные под венчиком прочерченными линиями, насечками, наколами.

В верхнем горизонте залежали фрагменты плоскодонных баночных горшков с выраженной шейкой. Сосуды толстостенные, грубого обжига. Большая часть горшков орнаментирована только под венчиком рядом ямок или жемчужин, мелкими ямочными вдавлениями, образующими треугольные фестоны с опущенной вниз вершиной.

Типологические различия в материалах двух горизонтов, подтверждаемые стратиграфическими наблюдениями, позволяют предположить два периода в жизни поселения, синхронизируемые со временем развитого и позднего этапов сосницкой культуры. Отсутствие хозяйственных сооружений и долговременных жилищ свидетельствует о временном, сезонном характере поселений.

Кроме керамики типично сосницкого облика, в слое обнаружены фрагменты закрытых сосудов с прямым или слабо отогнутым венчиком и расширенным туловом, украшенных геометрическим гребенчатым орнаментом. Форма и способ орнаментации сосудов ближе всего к материалам поздняяковской культуры.

На соседнем поселении Ново-Хотмирово I раскопано 75 кв. м. Материал близок описанному выше.

В 4 км от него по течению р. Десны раскопана курганный группа Смолино II, насчитывающая пять насыпей. Выделяются два периода существования могильника. Курганы 1 и 3 датируются средним, а 2, 4 и 5 — поздним этапом сосницкой культуры.

Курган 1 был окружен кольцевым ровиком (погребен под оплывшей насыпью). Обнаружены четыре ямы без следов погребений и четыре развала плоскодонных сосудов с округлым туловом и срезанным венчиком. Орнамент в виде вдавлений располагался по плечикам.

Курган 2 содержал остатки одного погребения — развал крупного плоскодонного горшка, украшенного по всей поверхности жемчужинами, а по плечикам и шейке оттисками штампа.

В кургане 3 было два погребения. Первое совершено по обряду трупосожжения на стороне. Следов могильной ямы не обнаружено. Сопровождалось небольшим плоскодонным сосудом баночной формы,

украшенным по плечикам жемчужинами и прочерченным орнаментом. От второго погребения сохранился развал сосуда баночной формы с жемчужинами и прочерченным зигзагообразным орнаментом.

Курган 4 самый богатый. Два погребения совершены в общих ямах. В заполнении первого обнаружены обломок четырехугольного стержня из оловянисто-мышьяковистой бронзы волго-камской группы и два височных бронзовых кольца в полтора оборота с расширенными концами из мышьяковистой бронзы (табл. 1); кроме них, два развала

Таблица 1

Предмет, № анализа	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Кольцо, 34397	0,005	0,01		0,002	0,1	0,005	2,5	0,6	0,02		0,001
Кольцо 2, 34398	0,005	0,0035		0,002	0,007		5,5	0,35	0,009	0,001	
Стержень, 34399	25,0	0,01	0,02	0,003	0,15 0,2	0,01	2,5	0,25	0,2	0,01	

сосудов баночной формы, украшенных жемчужинами, фестонами из неправильных ямок, насечками. В яме находились перемешанные кальцинированные кости: людей — взрослого и ребенка (определение Г. П. Романовой) и животных — мелкого рогатого скота и крупного копытного (определение В. П. Данильченко). В заполнении могильной ямы погребения 2 на разных глубинах залегали фрагменты плоскодонного сосуда вытянутых пропорций, украшенного жемчужинами, и фрагменты неопределимых кальцинированных костей. Судя по положению находок, погребение было ограблено еще в древности. В насыпи кургана встречены развалы двух горшков позднесосницкого времени.

В центре кургана 5 найдено труположение без следов могильной ямы. Судя по сохранившимся костям, покойник (взрослый мужчина) лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. В голове стоял неорнаментированный сосуд баночной формы, в ногах лежали кости мелкого рогатого скота. Второе погребение совершено в яме. В северной части ее стоял баночный сосуд, орнаментированный по плечикам ямочными вдавлениями.

Сочетание различных погребальных обрядов, выявленных при исследовании курганного могильника Смолино II, в целом характерно для сосницкой культуры и может служить одним из свидетельств ее многокомпонентности. Обращает на себя внимание тот факт, что обнаруженный в кургане 4 обряд трупосождения в могильных ямах ранее в позднесосницких могильниках не встречался.

Исследованный комплекс памятников — поселения и могильник — имеет большое значение для характеристики развитого и позднего этапов сосницкой культуры в наиболее северной части ее распространения.

Погарский отряд (начальник Шенаков Е. А.) начиная с 1984 г. исследует комплекс из четырех селищ Борки I—IV на р. Судость у г. Погара на юге Брянской обл. Ранее здесь было раскопано поселение эпохи бронзы Курово II и славянское селище Курово I. Предполагается исследование неолитической стоянки Суворово и Курово III.

Комплекс поселений Борки I—IV располагается на дюнных всхолмлениях левобережной поймы р. Судость в месте ее озерного расширения. Поселение Курово I раскопано на площади 400 кв. м. Полученный керамический материал представлен разными фрагментами сосудов эпохи поздней бронзы. Основная масса принадлежит сосудам почепской культуры.

Поселение Борки II раскопано на площади 42 кв. м. Основная масса материала относится к эпохе поздней бронзы. Кроме лепной керамики со штампованным орнаментом, в незначительном количестве встречены фрагменты глиняных ядер, терочник, каменная белая круглая бусина с синими глазками. В дерновом слое обнаружен железный ланцетовидный наконечник копья IX—X вв. до н. э. Очевидно, он оказался на поселении случайно и связывается с материалами поселения Борки III, расположенного поблизости.

На последнем раскопано 430 кв. м. Памятник двуслойный. В нижних горизонтах слоя обнаружены фрагменты сосудов эпохи бронзы и колочинской культуры. Примечательно большое количество кремневых изделий. Основная же часть материалов нижнего слоя относится к роменскому времени и представлена как керамикой, так и значительным вещевым инвентарем. Среди железных изделий имеются ножи, скобели, ланцетовидный и ромбовидный наконечники стрел. Многочисленны украшения из бронзы и стекла, в их числе крестопрорезной бубенчик, пронизки, стеклянная бусина-тройчатка. К роменскому времени, помимо хозяйственных и столбовых ям, относятся два подпрямоугольных котлована полужемлянок без печей.

В верхнем горизонте культурных отложений поселения содержится гончарная керамика XIII—XIV вв., возможно, XV в. н. э. Найдена монета с изображением всадника. Помимо глиняных пряслиц, грузил, железных и костяных изделий различного назначения, обнаружен бронзовый крест-складень с серебряной инкрустацией, бронзовый пластинчатый браслет с орнаментом «волчий зуб», стеклянные браслеты. Из предметов вооружения встречены пластинки железного панциря, наконечник стрелы.

Брянский отряд (начальник Г. П. Поляков) два полевых сезона исследовал древнерусское городище и курганный могильник у д. Антоновка Брянского р-на. Укрепленное поселение возникло в конце X в. н. э., но просуществовало недолго, не далее середины XI в. Вновь городище было заселено лишь в конце XII в. В XIII в. поселение переживает период своего расцвета, и в первой четверти XIV в. жизнь здесь прекращается. В ходе раскопок исследована полужемлянка производственного назначения послемонгольского времени. В котловане площадью 15,5 кв. м найдены жернова, железные ножи, ключ от навесного цилиндрического замка типа «В», точильные бруски, фрагмент крицы, железные скобы и свинцовые листы. Комплекс керамики и вещей датирует сооружение второй половиной XIII—XIV вв.

Курганный могильник, состоящий из двух насыпей, расположен севернее городища. Раскопанный курган содержал погребение первой трети XI в., совершенное в могильной яме на глубине 0,3 м. Ориентировка западная. Умерший был положен в гроб, обитый коваными гвоздями. Левая рука положена на грудь, правая вытянута вдоль туловища. У пояса находилась железный нож, на левой руке обнаружено несомкнутое биллоновое кольцо из округлого в сечении дрота, в головах — развал горшка.

Этот же отряд проводил раскопки древнерусских памятников на севере Брянщины, в верховьях Десны. Исследовались селище и курганный могильник у д. Красный Маяк при устье р. Сеща в Дубровском р-не. На поселении вскрыто 400 кв. м. Самые древние находки представлены небольшим количеством фрагментов лепных сосудов колочинской и волынцевской культуры.

К более позднему времени относятся фрагменты криц, шлифованные пряслица, рыболовные крючки, точильные бруски, фрагменты железных ножей и кос. По керамическому инвентарю селище датируется концом XII—XIV в. Расцвет поселения приходится на послемонгольское время. Значительное количество керамики домонгольского времени (в том числе с клеймами на днищах) аналогично находкам из рас-

копок Б. А. Рыбакова во Вщиже, находящихся в 40 км ниже по течению р. Десны.

Начаты исследования обширного курганного могильника (61 насыпь) Красный Маяк III, расположенного рядом с селищем. В раскопанных курганах обнаружены труположения в ямах и на горизонте, датированные XI в.

В этом же районе на левом берегу р. Сеща раскапывалось городище Загорье. Вскрыто 120 кв. м слоя. Обнаруженный материал относится к почепской культуре и датируется II—III вв. н. э.

Л. В. КОЛЬЦОВ, М. Г. ЖИЛИН

ИТОГИ РАБОТ КАЛИНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1984—1985 гг.

Калининская экспедиция ИА АН СССР проводила в 1984—1985 гг. охранные раскопки памятников археологии в Ржевском и Удомельском районах Калининской обл. В 1984 г. были также проведены их охранные раскопки на территории Тверского кремля в г. Калинин. Экспедицией исследованы разновременные памятники, датирующиеся от раннего мезолита до средневековья. В составе экспедиции работало в 1984 г. пять отрядов, а в 1985 г. — 11, возглавляемых специалистами из Института археологии, Калининского университета, Калининского государственного музея.

М. Г. Жилин раскопал стоянки Усть-Тудовка 1 и 4. Первая расположена на мысу первой надпойменной террасы правого берега Волги и левого берега Тудовки. Исследовано 258 кв. м, получена богатая коллекция каменных изделий: скребки, в основном концевые, резцы разных типов, скобели, проколки, сверла, наконечники стрел, острия, вкладыши, рубящие и комбинированные орудия. По характеру материала стоянку можно отнести к мезолиту.

Стоянка Усть-Тудовка 4 расположена в пойме правого берега Волги, в 40 м к востоку от предыдущей, на ней вскрыто 127 кв. м. Памятник трехслойный. В верхнем культурном слое выявлены два подовальных очага, обложенные камнями. С ними связано основное скопление находок — отщепов, пластин, нуклеусов и орудий: концевых скребков, различных резцов, вкладышей, острий, скобелей, рубящих, комбинированных и других орудий позднемезолитического облика. В среднем слое остатки сооружений не найдены, каменные изделия немногочисленны, близки к находкам верхнего слоя. Нижний слой залегает в хорошо выраженной погребенной почве, в нем встречены три легких кострища и несколько скоплений — мест расщепления кремня. Орудий немного: концевые скребки, резцы, сверло, острие, пластины и отщепы с ретушью, заготовки рубящих орудий. Вероятно, этот слой тоже относится к мезолиту.

А. Н. Сорокиным проведены раскопки четырех мезолитических стоянок. На поселении Суконцево 3 на площадке первой надпойменной террасы левого берега Волги вскрыто 32 кв. м. Следов сооружений нет. Среди каменных изделий встречены резцы, концевые и округлые скребки, скребло, косые острия, вкладыши, наконечник стрелы, пластины с ретушью, заготовки рубящих орудий. Вероятно, материал из этого раскопа относится к мезолиту. В пойменной части этого памятника вскрыто 30 кв. м. Находки залегают в пойменном аллювии, в слоях суглинка. Резко преобладают отходы производства. Среди орудий встречены резцы, скребки, косые острия, рубящие орудия. Такой инвентарь характерен для финала мезолита.

Стоянка Суконцево 7 занимает мыс первой надпойменной террасы левого берега Волги, вскрыто более 350 кв. м. По мнению А. Н. Соро-

кина, памятник разрушен, среди орудий встречены концевые скребки, скребла, резцы разных типов, косые острия, рубящие орудия, иволистный наконечник стрелы. Автор раскопок относит памятник к раннему мезолиту, к бутовской культуре.

Стоянка Суконцево 8 расположена на краю той же террасы, вскрыто 150 кв. м, исследовано компактное скопление находок, связанное с ямой. Среди орудий округлые и концевые скребки, различные резцы, косые и симметричные острия, острия с шипом, миниатюрные наконечники с боковой выемкой, микрорезцы, вкладыши и рубящие орудия.

Стоянка Суконцево 9 расположена на краю той же террасы, вскрыто 38 кв. м. Орудия близки предыдущей стоянке, но менее развиты. А. Н. Сорокин относит оба памятника к мезолиту, к выделенной им ресетинской культуре.

А. В. Мирецким раскопаны три стоянки и один курган. Стоянка Хрипелево 1 расположена на краю первой надпойменной террасы левого берега Волги, вскрыто 312 кв. м, исследовано место расщепления кремня. Среди орудий резко преобладают концевые скребки, есть ножи, вкладыши, резцы, наконечник, острие и рубящие орудия. Стоянка датируется финальным мезолитом.

Стоянка Хрипелево 2 расположена в 100 м от предыдущей на мысу той же террасы и сильно разрушена окопами. Вскрыто 48 кв. м, инвентарь малочислен. По форме нуклеусов стоянку можно отнести к раннему мезолиту. Там же найдены фрагменты поздненеолитического сосуда.

Стоянка Горки I расположена на мысу первой надпойменной террасы правого берега Волги, вскрыто 40 кв. м. В верхней части культурного слоя встречен незначительный материал эпохи бронзы, с ним связаны две ямы. Нижняя часть слоя с четырьмя хозяйственными ямами относится к мезолиту. Среди кремневого инвентаря встречены два черешковых наконечника стрел на пластинах.

Курган, насыпанный на стоянке Хрипелево 1, содержал остатки двух трупосожжений, в одном обнаружен фрагмент бронзовой накладки, а в ровике — фрагменты лепных сосудов последней четверти I тысячелетия н. э.

А. С. Фроловым раскапывалась стоянка Дорки 3, расположенная на площадке первой надпойменной террасы правого берега Волги. Вскрыто 98 кв. м. Исследованы два гумусных пятна со скоплениями кремня, в одном из них обнаружено кострище. Среди кремневых изделий резко преобладают отходы производства, встречены концевые скребки, единичные резцы, пластины и отщепы с ретушью, рубящие и комбинированные орудия, два черешковых постсвидерских наконечника. Стоянку можно датировать поздним мезолитом.

Е. В. Бодуновым вскрыто 24 кв. м на стоянке Рогово 2, расположенной на уступе высокой поймы левого берега Волги, перекрытой селищем XI—XIII вв. Культурный слой стоянки в непотревоженном виде прослежен в двух линзах, содержавших в основном отходы производства. Среди орудий скребки и скобели, черешковый наконечник на пластине. Памятник относится к финалу мезолита — началу неолита.

В. М. Воробьевым проведены раскопки двух стоянок. Стоянка Дорки 10 расположена на второй или склоне третьей надпойменной террасы правого берега р. Волги, вскрыто 78 кв. м. Каменный инвентарь представлен почти исключительно отходами производства; среди орудий концевые скребки, резцы, острие. Стоянка может датироваться мезолитом,

Близка к ней и стоянка-мастерская Петрищево II, расположенная на площадке поймы левого берега Волги, на которой вскрыто 130 кв. м. В инвентаре практически отсутствуют морфологически выраженные орудия. Вероятно, эту «мастерскую» можно отнести к финалу мезолита — раннему неолиту.

И. Н. Черных раскапывал стоянку Дорки 9, расположенную на мысу высокой поймы правого берега Волги, вскрыто 96 кв. м. В верхней части слоя встречены находки эпохи бронзы — мелкие фрагменты керамики и кремневые орудия: наконечники стрел и дротиков, тесла, скребки, ножи, резцы, сверла. В нижних горизонтах обнаружены очаг и несколько скоплений кремня, связанных с изготовлением исключительно рубящих орудий, преимущественно тесел, заготовки которых на разных стадиях оформления встречены в большом числе. Эту стоянку-мастерскую следует датировать временем позднего неолита — бронзы.

А. Д. Максимовым раскапывалось селище Суходол 2, перекрывшее кратковременную стоянку с ямочно-гребенчатой керамикой. Вскрыто 32 кв. м. Поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. было также кратковременным, найдена только керамика. В раскопе обнаружено женское погребение XI в., судя по сохранившимся ровикам курганное, хотя насыпь не прослежена. Погребение по обряду трупоположения сопровождалось богатым инвентарем: две гривны, два браслета, 20 бубенчиков, височная подвеска, 72 бусины, цепочка, нож, наконечник стрелы, раннегончарный сосуд.

В. П. Фроловым исследован ряд древнерусских памятников: две курганные группы на левом берегу Волги и отдельно стоящий курган у устья р. Тудовки. В Хрипелевской группе из пяти насыпей раскопано четыре, следов погребения не обнаружено, в ровиках прослежено по несколько углисто-золистых прослоек и собраны фрагменты лепной и раннегончарной керамики. В Першинской группе раскопаны три из пяти курганов, в одном — мужское захоронение, в насыпи — череп лошади, бронзовое кольцо и крестовидная подвеска, в другом — ложноплетеное бронзовое кольцо в насыпи и яма без погребения, в третьем — в яме под насыпью разрозненные человеческие кости. Усть-Тудовский курган погребения не имел.

На селище Першино вскрыто 120 кв. м, культурный слой нарушен поздней деревней, найдена лепная и раннегончарная керамика. В слой селища врезаны три погребения, в одном из которых обнаружена бронзовая крестовидная подвеска. Селище нарушило мезолитическую стоянку, среди находок которой нуклеусы, пластины и галька с гравировкой.

И. В. Ислановой и О. М. Олейниковым раскопаны курганный могильник и селище у погоста Благовещенье на левом берегу Волги. На селище вскрыто около 150 кв. м, прослежен фундамент наземной постройки и 11 хозяйственных ям, в восточной части раскопа расчищены остатки сооружения X—XI вв. Находки селища богаты и разнообразны: бронзовый складной крест, стиль, накладки, обломки пластинчатых браслетов, шумящие подвески, ключ, ножи, удила, обломки топоров, пряслица, оселки, костяные гребни и амулеты, стеклянные пронизки, бусы и бисер, керамика X—XII вв. Найдены также керамика эпохи неолита, бронзы и железа, дьяковский грузик и кремневые изделия.

В курганной группе раскопаны четыре насыпи, содержащие от одного до трех погребений по обряду трупоположения. Мужские погребения без инвентаря, в женских найден богатый набор украшений — серебряные подвески с изображением орла, с лунницей и крестом, височные кольца, браслеты, перстни, золотостеклянные и прозрачные бусы. Курганы датируются XI—XII вв. Прошурфовано селище Струйское X—XII вв.

А. Н. Хохловым раскапывались Суходольская курганная группа и селище Суходол 3 на правом берегу р. Волги. Раскопаны пять насыпей, в двух из которых были погребения, а в одном еще и впускные захоронения. В женских погребениях найдены стеклянные бусы, глиняные пряслица, бронзовые и серебряные украшения, железные гривны и браслет. В одном мужском погребении найдена железная подковообразная фибула. Особо интересны остатки головного убора в женском погребении кургана 2, состоящие из бронзовых бляшек и много-

лепестковых цветков. В насыпях обнаружены кремневые изделия из разрушенной неолитической стоянки.

На селище вскрыто 16 кв. м, найдены железная цепочка, стеклянная бусина, серебряная якоревидная привеска, бронзовая булавка и раннегончарная керамика. Под напластованиями селища сохранился слой мезолитической стоянки.

Ф. Х. Арслановой раскапывались курганы Усть-Суходолка. Вскрыты три кургана с труположениями XI—XII вв., в одном — три погребения, в другом — два и в третьем — одно, сильно разрушенное женское погребение, при которых найдены две бипирамидальные сердоликовые бусы. В других курганах встречены горшки, а во втором еще и обломки железного ножа.

Е. М. Черных велись исследования курганного могильника близ с. Большая Коша на левом берегу Волги, сплошным раскопом изучена площадь 1400 кв. м, раскопано 16 курганов. Под насыпью находилось по одному погребению, в одном — два, а в двух случаях — три погребения по обряду труположения. Инвентарь включает стеклянные бусы, бронзовые украшения: витые и круглопроволочные гривны, различные браслеты, перстни, височные подвески. Встречены шумящие привески. В насыпях найдены керамика, ножи, единичные бронзовые украшения. На окраине могильника обнаружены три грунтовых погребения, отдаленных от курганов стеной, выложенной из камней. Курганами был разрушен слой стоянки-мастерской, вероятно, эпохи неолита. Встречена и керамика эпохи бронзы.

В Удомельском р-не исследовано 10 памятников. В. В. Сидоровым раскопаны две мезолитические стоянки — Васильево I и Акулово I и два многослойных поселения — Стан I и Троица I.

На стоянке Васильево I на оз. Удомля при истоке р. Съежи вскрыто 220 кв. м, прослежены остатки наземного жилища с хозяйственными ямами. Вокруг жилого участка располагались мастерские по обработке кремня. Орудия представлены концевыми скребками, пластинами, сверлами, теслами, в том числе с шлифовкой.

На стоянке Акулово I, расположенной на мысу оз. Удомля, вскрыто 80 кв. м. Характерны грубые рубящие орудия, малое число пластин, сильная патинизация кремня.

Стоянка Стан I, расположенная на островке при истоке р. Съежи, раскопана полностью, вскрыто 440 кв. м. Нижний слой, позднельяловский, перекрывается слоем с гребенчатой керамикой, выше залегает пористая керамика с сетчатым орнаментом. Из слоя эпохи бронзы опущено 10 ям, в центре острова найден череп человека.

Стоянка Троица I — многослойное поселение на створе озер Удомля и Песьво. Вскрыто 236 кв. м. Последовательность слоев та же, что и на предыдущей, в слое эпохи бронзы, помимо сетчатой, есть и фатьяноидная керамика. В верхних слоях найдена лепная керамика железного века, грузик дьякова типа, железные ножи, шилья, обломок рала. Прослежена землянка железного века, прорезавшая неолитический слой. Открыты еще семь стоянок, селища железного века и средневековое. Под селищем XVII в. обнаружен сохранившийся неолитический культурный слой.

И. В. Ислановой изучены шесть средневековых памятников. Сопка у д. Мергулино сооружена в несколько приемов, расчищены сложные каменные конструкции и ровики. В центре насыпи обнаружено погребение — сожжение на стороне. В инвентаре — мелкая бусина и пряжка с вогнутыми краями. В центре сопки под камнями прослежено 11 ямок, две содержали кости животных. Под насыпью обнаружены остатки мезолитического жилища, углубленного в материк на 0,3—0,4 м.

На селище I у с. Стан заложен рекогносцировочный раскоп, вскрывший слой X—XIII вв., сильно разрушенные селищем XIV—XVI вв.

В кургане у д. Лубенькино на оз. Удомля открыто два погребения;

в мужском был железный боевой топор и пряжка, в женском — обломок бусинного височного кольца. В насыпи и ровике обнаружены два каменных топора и керамика эпохи бронзы.

В верховьях р. Съежи на могильнике третьей четверти I тысячелетия н. э. у д. Юрьевская Горка вскрыто более 200 кв. м и обнаружено три погребения по обряду сожжения в материковых ямах. В одном найден обломок бронзового браслета, в другом — глиняное пряслице и бронзовая спиралька. Могильник перекрыт селищем, близким ему по времени. Расчищены остатки двух углубленных построек, столбовые и хозяйственные ямы. Найдены глиняные биконические пряслица, обломки тиглей и льячки, железный нож, синяя стеклянная бусина и лепная керамика.

В восточной части селища вскрыто 22 кв. м, обнаружено углубленное в материк прямоугольное жилище 2,6×3,6 м с остатками печки-каменки. Найдены лепная керамика, пряслица, бронзовая треугольная подвеска, обломок глинны с петлевидным концом.

Проведены рекогносцировочные работы на городище Юрьевская Горка, поселении эпохи бронзы Мишнево 2.

Н. В. Жилиной продолжены исследования древнерусского города Твери (ныне Калинин) в районе работ по реконструкции Староволжского моста. Раскоп площадью 108 кв. м был прирезан с запада к раскопу 1983 г., общая площадь раскопа 3 на берегу Волги в районе мыса при впадении в нее р. Тьмаки составила 216 кв. м. Мощность культурного слоя 3,8—4 м. Под слоями XIX—XX вв. залегал слой пережженной глины конца XVII — начала XVIII в., образовавшийся в результате ремонта старого вала Твери в этот период. Ниже залегал слой, также представлявший собой остатки вала XIV—XV вв., толщиной 0,6 м, с остатками крепостных укреплений, вероятно городен. Сверху и внутри деревянных сооружений лежит слой сырой глины с керамикой XIV—XV вв. В верхней части слоя найдены нательный каменный крест, серебряная монета тверского князя Бориса Александровича (1425—1461 г.). Ниже залегают однородные слои суглинка и навоза со щепой мощностью около 1 м, с которыми связаны три строительных яруса с очень хорошей сохранностью дерева. Второй ярус, вероятно, представляет собой остатки крепостных сооружений середины — второй половины XIII в. В третьем ярусе, связанном со слоем первой трети XIII в., прослежены остатки срубного жилища, система частоколов, ремесленные сооружения.

Слой богат вещевыми находками, в особенности на глубине, соответствующей третьему ярусу и ниже. Среди находок железные ключи, ножницы, бронзовые проволочные браслеты, множество стеклянных браслетов, стекло киевского производства. Впервые в домонгольском слое Твери обнаружены шиферные пряслица из розового овручского шифера. Керамика слоя относится к XII—XIII вв. Среди находок кожаной обуви преобладают детали сапог, имеются находки ажурных туфель, интересна находка целой мягкой туфли. В числе деревянных вещей найдены весла, ложки, чекмари, а также сделанная, вероятно, детской рукой заготовка кораблика из сосновой коры.

Наиболее нижний слой раскопа относится к концу XII в. Этим слоем заполнено большинство из восьми материковых ям. Одна из ям оказалась мусорной, в ней обнаружено большое количество поломанных женских украшений и бытовых предметов, среди них костяной и деревянный грести, стеклянные бусины, обломки браслетов, пряслица.

Стратиграфия раскопа 3, а также стратиграфия, выявленная при наблюдениях, дают представление о залегании культурного слоя по берегам Волги на протяжении около 120 м. Проведены также наблюдения в г. Калинин на левом берегу Волги, на правом берегу Волги, на территории городского сада.

На основе проведенных исследований предварительно можно сделать следующие выводы.

1. Обнаруженные мезолитические памятники относятся к разным археологическим культурам. Часть из них не укладывается в разработанную ранее систему культурно-хронологического членения мезолита Волго-Окского междуречья, что позволяет надеяться на выделение в процессе дальнейших исследований новой мезолитической культурной единицы.

2. Неолит представлен рядом памятников льяловской культуры и стоянками с гребенчатой керамикой.

3. Памятники эпохи бронзы пока исследованы незначительно, выделяются специализированные мастерские по производству рубящих орудий.

4. Средневековые памятники разнообразны, на поселениях и могильниках наряду с типично славянскими выделяются и финно-угорские или балтские элементы. Отмечена существенная разница в погребальных памятниках.

5. При раскопках Твери зафиксирован культурный слой, городской по характеру, что позволяет с уверенностью говорить о существовании города с конца XII в. на правом берегу Волги, на мысу, при впадении в нее р. Тьмаки.

В. С. ФЛЕРОВ

КЛИН-ЯРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В 1983—1985 гг.
(памятники VIII—VII вв. до н. э. и II—VIII вв н. э.
в Кисловодске)

Объектом исследования экспедиции¹ является комплекс археологических памятников уроч. Клинь-Яр (г. Кисловодск). Первые раскопки провел здесь в 1968 г. А. П. Рунич, раскопавший несколько ямных и катакомбных погребений, из которых самые ранние относятся к первым векам нашей эры². К сожалению, А. П. Рунич не сделал даже схематического плана расположения раскопанных погребений и лишь указал, что они находятся в 150 м на юго-восток от городища Клинь-Яр (г. Паровоз)³. К настоящему времени место раскопок Рунича определено. По разным поводам Клинь-Яр упоминается в работах Г. Е. Афанасьева, В. Б. Ковалевской, В. А. Кузнецова, А. П. Рунича, Я. Л. Федорова, Г. С. Федорова и других исследователей.

В настоящей статье нет возможности изложить все основные сведения об итогах работ в Клинь-Яре в 1983—1985 гг. Дается лишь информация по отдельным вопросам.

Раскопки в уроч. Клинь-Яр вызваны начатым здесь в 1982 г. строительством животноводческого комплекса, сразу разрушившим серию погребений и сотни квадратных метров культурного слоя кобанского поселения⁴. За 1983—1985 гг. экспедиция раскопала более 3000 кв. м.

До начала работ экспедиции в уроч. Клинь-Яр были известны два памятника: одноименное городище⁵, которое находится на окраине зоны строительства, и могильник, открытый А. П. Руничем и названный им Клинь-Яр III. Площадь и границы последнего были неизвестны. В связи с тем что наши раскопки фактически продолжают раскопки А. П. Рунича, а открытые здесь разновременные погребальные сооружения и поселение занимают единую территорию, за ними сохранено наименование комплекса Клинь-Яр III.

Комплекс расположен с южной стороны городища. Его площадь не менее 10 га при длине около 700 м и ширине до 200 м. Центральную часть занимает поселение кобанской культуры протяженностью около 400 м. С востока и запада к нему примыкает синхронный могильник, при этом многие погребения располагаются непосредственно на терри-

тории поселения, что дает основание предполагать неустойчивость его границ на разных этапах существования. Инвентарь погребений позволяет датировать могильник и поселение в пределах VIII—VII вв. до н. э. Домостроительство на поселении представлено каменными наземными постройками, среди которых выделяется жилище 2 размерами 6×4,5 м с очагом и каменной вымосткой в центре. На отдельных участках зафиксированы вымостки «улиц», усыпанные фрагментами керамики и кухонными отбросами. Кроме жилищ, раскопаны жертвенники двух типов: 1) в виде массивного камня, обложенного по периметру мелкими со следами огня; 2) в виде корытообразной ямы, заполненной костями домашних животных (преобладают нижние челюсти свиней) и камнями. В числе находок на поселении более 10 тыс. фрагментов керамики, поделки из кости и камня, тысячи костей домашних животных. Примечательно, что кости диких животных представлены единицами. Культурный слой поселения присутствует на всей вскрытой площади, а следы домостроительства встречены минимум на 1500 км. м. Учитывая, что поселения кобанской культуры в районе Кавминвод, как и в целом по ареалу культуры, изучены в несравненно меньшей степени, нежели могильники, раскопки Клин-Ярского поселения являются важнейшим результатом работы экспедиции.

За три года исследовано 12 погребений кобанской культуры, но они дают определенное представление о погребальном обряде. Представлены погребения в каменных ящиках, грунтовых прямоугольных ямах и ямах, одна или две стенки которых оформлены камнем. Поза погребенных во всех случаях скорченная, руки уложены перед грудью, ноги сильно подогнуты. Преобладает северная ориентировка. Вероятно, правостороннее положение является характерным для мужчин, а левостороннее — для женщин. Среди инвентаря миски, кубки, железный серповидный нож, оселок с отверстием для подвешивания, глиняные биконические пряслица, орнаментированные «гусеничным» штампом, бронзовая фибула с елочным орнаментом на дужке, полусферические бляхи женского головного убора, бронзовые браслеты — массивный литой с несомкнутыми концами и плоский с концами, закрученными спиралью, булавки с гладким и витым стержнем и т. д. К числу важнейших относится находка пары бронзовых трехпетельчатых псалий с широкой загнутой лопастью. Разнообразны бусы: гешировые, стеклянные, сердоликовые. В целом погребения уроч. Клин-Яр, их обряд и инвентарь имеют многочисленные аналогии, в том числе в ближайших могильниках — Белореченский 2, Индустрия 1, Кисловодская мебельная фабрика, Березовский⁶.

Во II в. н. э., а возможно и несколькими десятилетиями ранее в уроч. Клин-Яр возникает могильник сарматского облика.

Большинство из раскопанных на нем 30 погребений датируется II—III вв. н. э. Могильник возникает на восточной половине кобанского поселения, а отдельные погребения встречаются по всей его площади. Погребальные сооружения разнообразны: катакомбы с одной или двумя камерами при одном дромосе, простые грунтовые ямы и ямы с подбоем в длинной стенке, большие, но мелкие ямы округлых очертаний.

Среди катакомб семь овальных с короткими (в среднем около 2 м) узкими дромосами. Оси камер и дромосов пересекаются под прямыми углами. Лишь одна камера удлинённых очертаний имеет общую с дромосом ось (катакомба 28). Камеры закрывались каменными закладными плитами и содержали от одного до пяти погребенных. В большинстве их скелеты в той или иной степени нарушены, причины чего еще предстоит выяснить. Во всяком случае, таковыми не являются ограбления. Две катакомбы имели по две камеры при одном дромосе.

Следующие семь погребений находились в подбоях, устроенных в длинной стенке узкой входной ямы. Подбой в них закрывался стенками из вертикально установленных плоских камней. Подбой всегда со-

держали по одному погребенному. Только два погребения совершены в простых узких ямах.

Интересны шесть погребений в больших (диаметром до 2 м) овальных ямах, глубина которых не превышает в большинстве случаев 1,5 м. Как правило, в них содержится не менее двух погребенных. Для этих захоронений характерны каменные набросы в заполнении.

Для всех четырех групп погребений преобладающей является широтная ориентировка, что резко отличает их от катакомб последующего периода, дромосы которых ориентированы по линии север — юг, при этом камеры располагались у северного конца дромосов.

Основанием для датирования погребений сарматского времени являются прежде всего лучковые пружинные фибулы с подвязанным приемником и бронзовые пряжки разных типов.

В V — начале VIII в. в Клинь-Яре функционирует обширный преимущественно катакомбный могильник, причем его погребения располагаются на той же площади, что погребения кобанского и сарматского времени. Раскопано около 30 раннесредневековых катакомб, которые в большинстве своем по конструкции и инвентарю не отличаются от могил многочисленных синхронных погребальных памятников Кисловодска и его округи. Это овальные с полусферическим сводом камеры, соединенные лазом с узкими дромосами длиной от 2 до 5 м. Входы в камеры закрывались каменными плитами, а сами камеры заполнены грунтом. Иногда в стенках дромосов устраивались подбои с дополнительным погребением.

К числу нерешенных относится вопрос о преемственности кладбищ сарматского и раннесредневекового. Расположение их на единой площади, чрезвычайная редкость случаев пересечения разновременных погребений позволяют предположить непрерывность захоронений с I—II вв. вплоть до начала VIII в., однако этот вывод требует подтверждения на основе массового материала, который пока не накоплен.

Для более подробного освещения выбрано одно из открытий экспедиции — обряд ритуального разрушения скелетов в раннесредневековых катакомбах.

Обряд ритуального разрушения скелетов уже давно известен по раскопкам могильников салтово-маяцкой культуры (Саркельский, Подгорский, Дмитриевский, Нетайловский и др.), но наиболее подробно освещен только в недавнее время на материалах Маяцкого могильника⁷. Позволю себе напомнить основные данные. После совершения захоронения погребальная камера катакомбы оставлялась не заполненной грунтом, но закрывалась деревянной или каменной закладной плитой, а дромос полностью засыпался. Через определенный промежуток времени грунт из дромоса частично извлекался, преимущественно из передней его части, вплоть до проникновения к закладной плите. Значительная часть первичного заполнения дромоса при этом не затрагивалась. Плита открывалась, проникающие в камеру родственники умершего (умершей) частично или полностью нарушали нормальное положение костей скелета, после чего и камера и дромос засыпались грунтом. При этом совершались определенные обряды, следами которых в заполнении камеры и во вторичном заполнении дромоса могли быть угли, фрагменты или целые сосуды, кости животных. Суть этого обряда состоит в обезвреживании умершего путем частичного или полного нарушения скелета. Степень разрушения, надо полагать, зависела от «опасности», которую погребенный представлял для живых. Сама система признаков обряда довольно устойчива и при условии тщательного проведения самих раскопок и фиксации устанавливается совершенно определенно. Ниже предлагается в качестве примеров описание нескольких катакомб Клинь-Ярского III могильника.

Катакомба 3. Стратиграфия дромоса катакомбы является типичной для катакомб с разрушением скелетов. Первое: в продольном разрезе дромоса очень четко выделяются два слоя (рис. 1, А). Слой 1 является

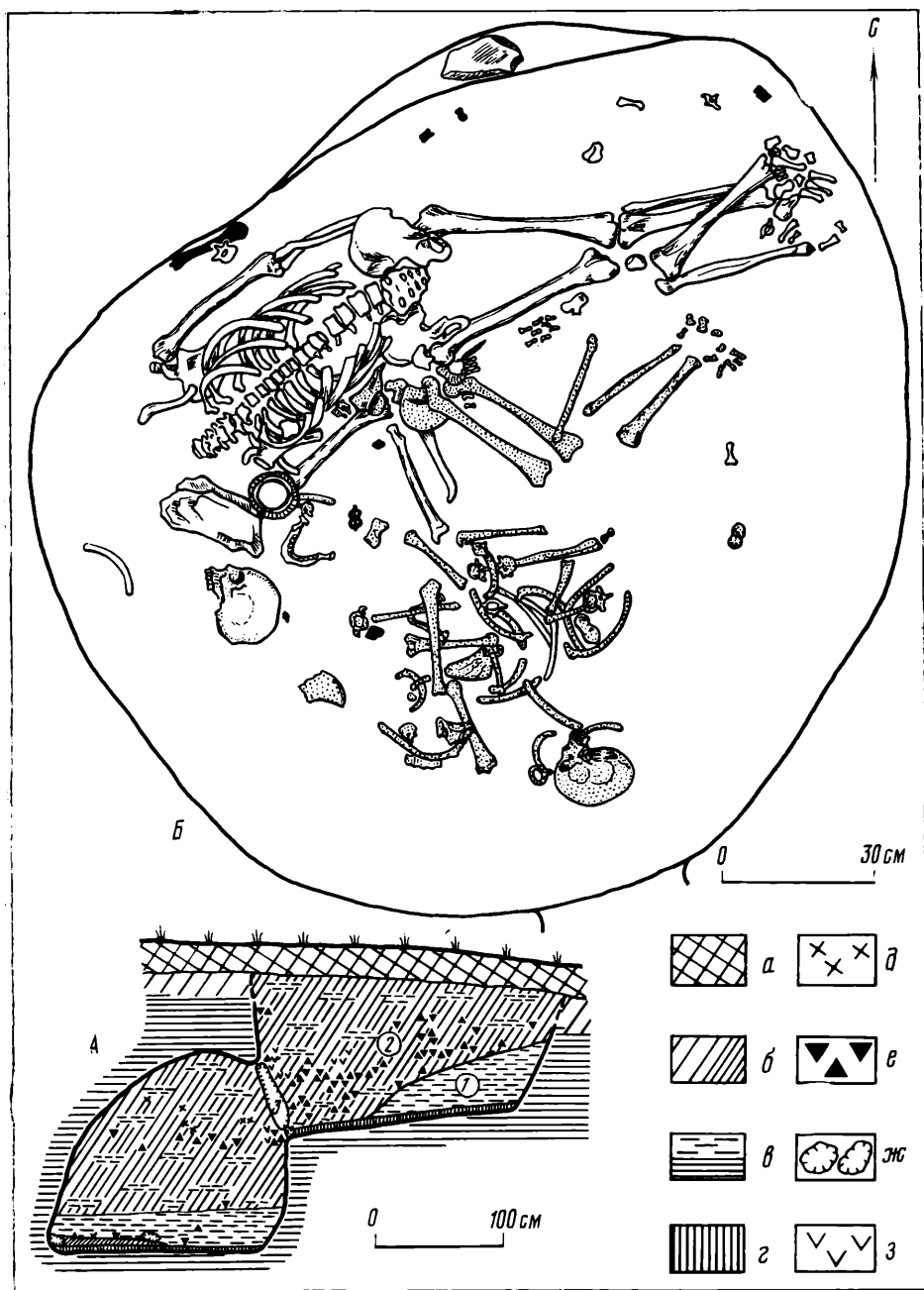

Рис. 1. Могильник Клинь-Яр III, катакомба 3

А — продольный разрез катакомбы (1 — остатки первичного заполнения дромоса, 2 — вторичное заполнение, 3 — закладная плита); Б — план погребальной камеры
 а — пахота; б — супесь; в — суглинок; г — зеленоватая глина; д — фрагменты костей домашних животных; е — фрагменты керамики; ж — камни; з — древесные угли

остатками первичного заполнения дромоса, в нем полностью отсутствуют фрагменты керамики, кости, угли. В основе состава этого слоя плотный суглинок без существенных примесей. Слой 2 — рыхлый, перемешанный, в нем присутствуют значительное количество фрагментов керамики и костей домашних животных, древесные угли. Второе: горизонт таких же находок присутствует и в заполнении камеры на уровне дна дромоса. Аналогичные находки составляют горизонт у пола камеры. Третье: сама камера закрыта известняковой плитой.

В камере два скелета, оба подверглись ритуальному разрушению (рис. 1, Б). Скелет мужчины лежал вытянуто вдоль задней стенки камеры. Разрушения: череп отброшен вправо с первоначального места, нижняя челюсть отделена и лежит у правого плеча; смещены обе ключицы, причем правая оказалась перед черепом; нарушен верхний отдел грудной клетки; кости таза несколько растянуты в противоположные стороны; смещены берцовые кости правой ноги, перемешаны кости обеих стоп. Женский скелет вообще полностью разрушен, почти все кости перемешаны, особенно верхней части скелета; лишь по костям ног можно определить их первоначальное положение (согнуты в коленях). С обрядом разрушения, видимо, связан и обломок известняка, брошенный на место черепа.

Катакомба 20 (рис. 2, 1). Слои заполнения дромоса имели ярко выраженный наклон в направлении к камере и содержали десятки фрагментов керамики, камера закрыта известняковой плитой. На полу камеры спиной к задней стенке в скорченной позе погребена женщина, у черепа которой на полу лежал солид императора Ираклия, отчеканенный в Константинополе между 613—614 гг.⁸ Скелет носит хорошо выраженные признаки искусственного разрушения. Расчленен левый плечевой сустав, левая плечевая кость оказалась перед грудью. Расчленен правый локтевой сустав, кости предплечья вместе с кистью в нерасчленном (!) состоянии перемещены в направлении к коленям. При этом даже не сместился находящийся на запястье бронзовый браслет. Наконец, отсутствуют на месте все кости стоп обеих ног. Некоторые из них обнаружены были оксло передней и правой стенок камеры.

Катакомба 6 (рис. 2, 2). Вероятно, является наиболее ранней среди рассматриваемых. В камере, закрытой каменной плитой и имевшей в заполнении фрагменты керамики, в вытянутом на спине положении погребен мужчина. Разрушения этого скелета в основном близки разрушениям мужского скелета в катакомбе 3. У него также перекрещены в голенях ноги. Разрушения: сдвинут череп, и у него отделена нижняя челюсть; разрушен верхний отдел позвоночника; перемешаны ребра, а грудинная кость отброшена на правую сторону грудной клетки; перемещены ключицы, левая лопатка; смещена к задней стенке левая плечевая кость; расчленен правый коленный сустав (как в катакомбе 3): смещены и частично отсутствуют кости стоп.

Катакомба 9 (рис. 3, 1). Скелет мужчины лежит в аналогичной позе на спине с перекрещенными в голенях ногами. Наиболее заметно разрушена грудная клетка: ребра левой половины смещены, а большинство правых отсутствует. Отсутствуют кости правой кисти, лежащей ближе ко входу (!), и часть левой кисти, кости обеих стоп, за исключением пяточных.

Катакомба 11 (рис. 3, 2). Обряд разрушения носит особо выраженный характер: ни одна из костей не оставлена на месте, но в отличие от катакомбы 3 здесь все кости аккуратно сложены в одну кучу в центре камеры. Примечательно и то, что набор оставшихся в камере костей не полон. Среди них череп без нижней челюсти, отдельные позвонки и ребра, не все длинные кости конечностей, одна лопатка, кости таза, отдельные кости стоп. Прочие кости из камеры удалены.

Ограничусь кратким описанием еще нескольких разрушений. Подбой катакомбы 4: смещен череп, отделена нижняя челюсть, полностью разрушена ближайшая ко входу (!) правая половина грудной клетки, отсутствуют кости стоп. Катакомба 17: череп женщины отброшен к животу, челюсть отделена, смещены кости правой, ближней ко входу (!) руки, полностью разрушен таз, расчленены коленные суставы, перемешаны кости стоп. Катакомба 49: у вытянутого на спине скелета полностью разрушены грудная клетка (ребра и позвонки перемешаны) и таз, череп отброшен к правому тазобедренному суставу, перевернута вокруг оси правая бедренная кость (ближайшая ко входу!), у этой же

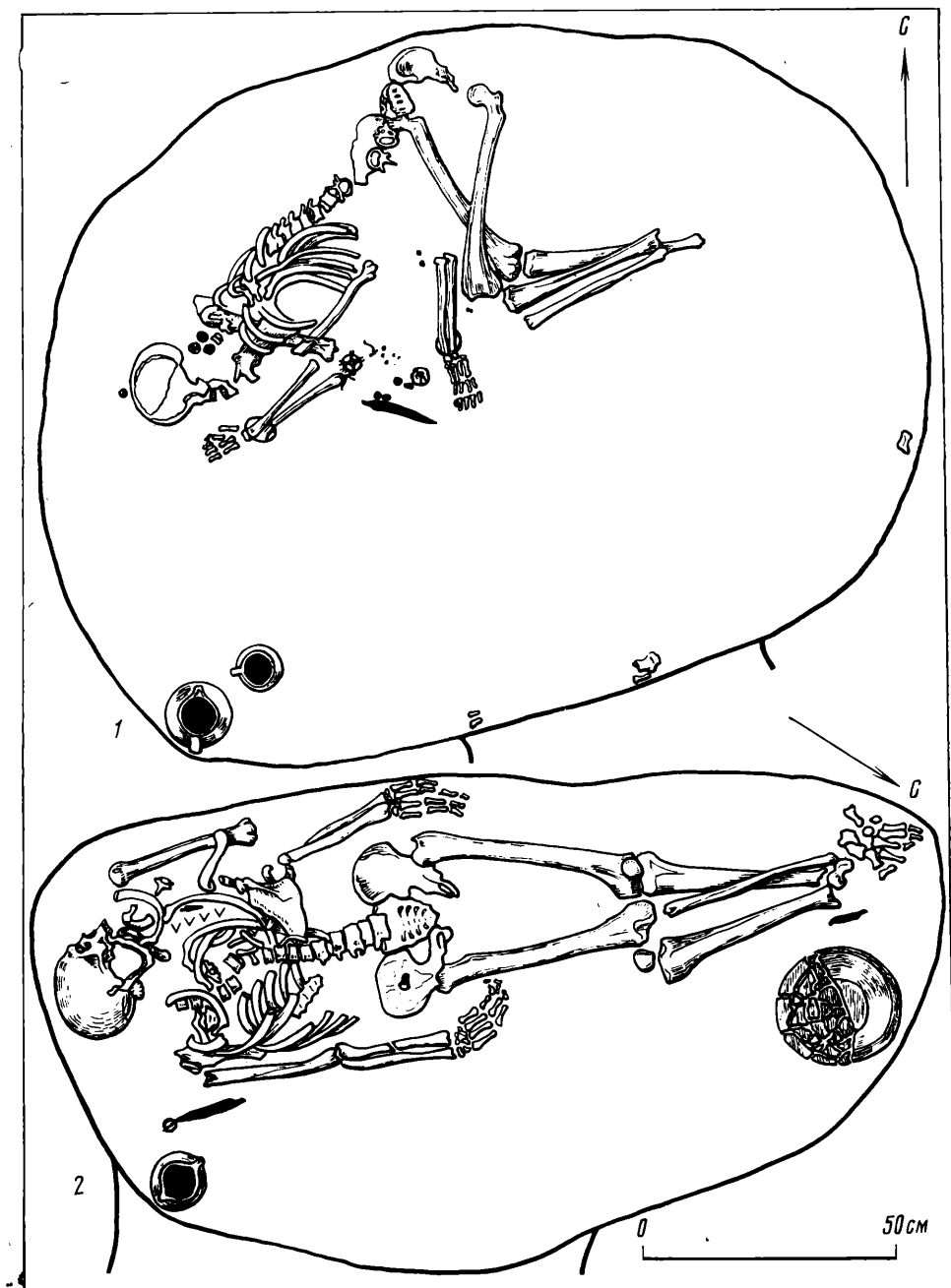

Рис. 2. Могильник Клин-Яр III

1 — катакомба 20; 2 — катакомба 6

ноги удалены кости стоп. Катакомба 52: у женского скелета нарушена грудная клетка, ряд ребер и одна ключица отброшены ко входу, нет костей стоп, кроме пяточных. Это далеко не полный список разрушенных скелетов. Следует упомянуть наиболее интересный и пока уникальный. В катакомбе 5 при вторичном проникновении в камеру первичное заполнение дромоса было почти полностью выбрано, на дне осталась лишь тонкая прослойка суглинки, на которую из камеры были выкинута все кости скелета, исключая кости стоп, которые были оставлены в камере в ненарушенном анатомическом порядке у правой боковой стенки. Судя по тому, что кости верхней половины скелета оказались в

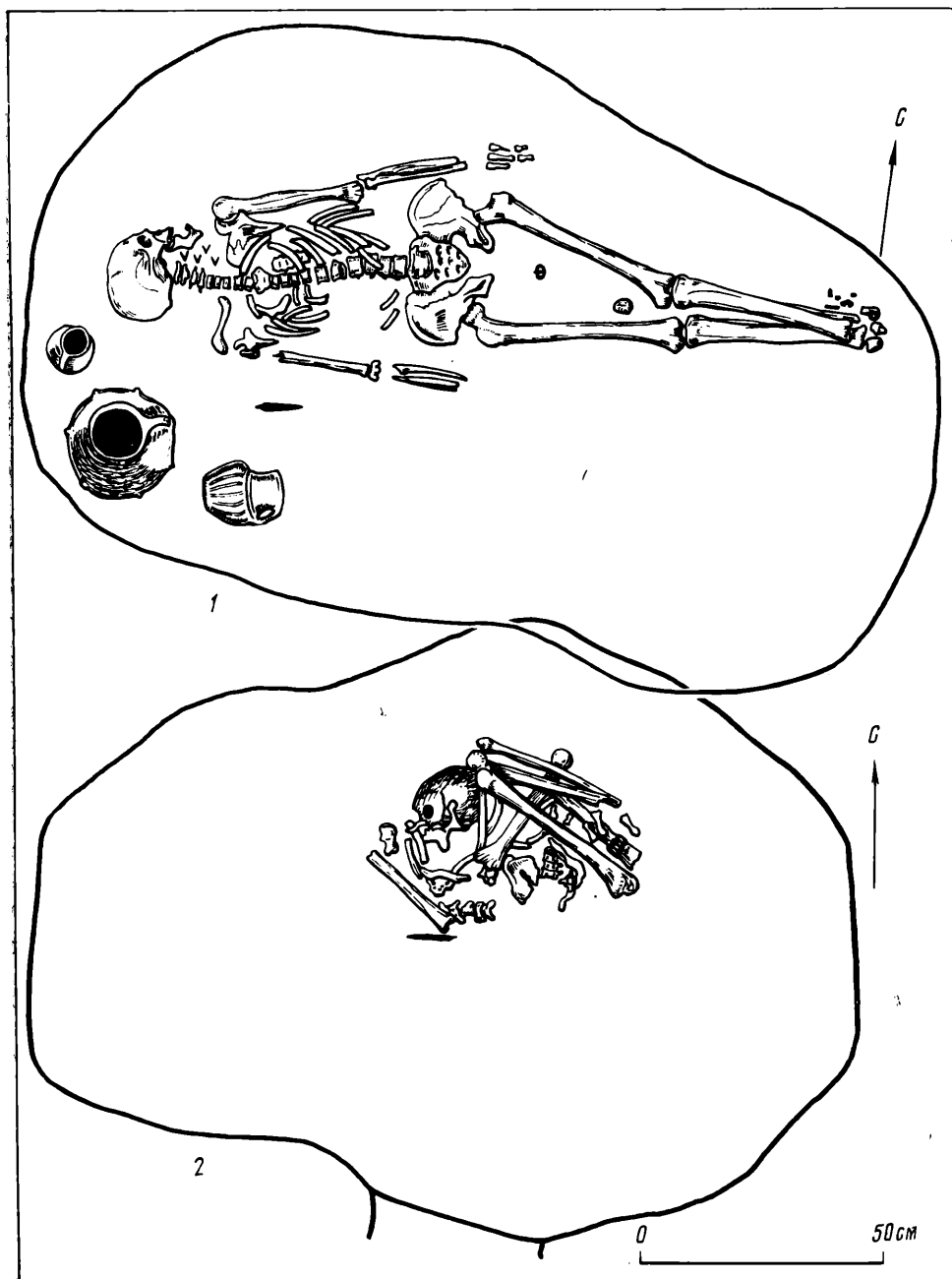

Рис. 3. Могильник Клин-Яр III

1 — катакомба 9; 2 — катакомба 11

нижней части груди костей в дромосе, а кости ног сверху, разрушение скелета начиналось с его верхней части. Самого черепа не оказалось — была лишь нижняя челюсть. Положение костей стоп показывает, что ноги были перекрещены в голених. Итак, скелет в катакомбе 5 был не только полностью разрушен и выброшен из камеры в дромос, но и расчленен на три части: череп вообще удален из катакомбы, часть костей свалена в дромосе, а кости стоп оставлены в камере на месте. И еще одна примечательная деталь: кости стоп в камере были засыпаны суглинком, который затем был плотно утрамбован. После завершения всех перечисленных манипуляций со скелетом камера и дромос опять

были засыпаны, но плита на прежнее место уже не была установлена, так как в этом не было необходимости. Она была обнаружена в верхней части заполнения дромоса, куда была брошена после его засыпки.

Обращаю особое внимание на тот факт, что ни одна из катакомб не имела ни малейших признаков ограбления или деятельности грызунов.

В заключение отмечу, что сам по себе разрушенный скелет — только один из признаков описанного обряда и не менее, а в большинстве случаев и более важным является весь комплекс признаков. Прежде всего это касается стратиграфических наблюдений, анализа состава и состояния находящихся в заполнении камер и дромосов находок. Выявление обряда в первую очередь зависит от методики и качества раскопок⁹.

¹ В работе принимали участие Ф. Х. Арсланова (Калининский университет), Я. Б. Березин (Кисловодский музей), О. Р. Дубовская (Донецкий музей), К. И. Красильников (Ворошилоградский пединститут), В. Е. Нахапетян (ИА АН СССР), С. Н. Савенко (г. Грозный), Н. А. Фоякова (Гос. Эрмитаж), М. Л. Швецов (г. Донецк). Обработка антропологического материала производится Т. С. Кондукторовой (Музей антропологии МГУ), остеологического — В. П. Данильченко (ИА АН СССР).

² *Виноградов В. Б., Рунич А. П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. Т. 3. С. 118—120.

³ Есть сведения, что какие-то раскопки здесь проводил краевед Н. Н. Михайлов, но документации о его работах найти не удалось. Устная традиция хранит сведения о грабительских раскопках в Клин-Яре местного казачества; то же сообщил и А. П. Рунич.

⁴ В урочище Клин-Яр строится животноводческий комплекс Управления санаториями на Кавминводах Четвертого главного управления при Минздраве СССР.

⁵ Схематичный план городища впервые опубликовал А. П. Рунич. См.: *Рунич А. П.* Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Т. 1. С. 100, рис. 2.

⁶ *Дударев Л. С., Березин Я. Б.* Работы Кисловодского отряда // АО 1977 г. М., 1978. С. 117—119; *Афанасьев Г. Е., Козенкова В. И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // СА. 1981. № 2. С. 161—177; *Виноградов В. Б., Дударев Л. С., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев, 1980; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 186—210.

⁷ *Флеров В. С.* Маяцкий могильник // Маяцкое городище: Тр. Сов.-Болг.-Венг. экспедиции. М., 1984. С. 142—199.

⁸ Определение сотрудника Отдела нумизматики ГИМ А. Б. Никитина.

⁹ Как показало ознакомление с многочисленными публикациями и отчетами о полевых работах, обряд обезвреживания скелетов присутствует не только на могильнике Клин-Яр III, но и на многих других катакомбных могильниках Северного Кавказа, однако остался там незамеченным ввиду отсутствия необходимых стратиграфических и иных наблюдений.

Н. Ф. ЛИСИЦЫН

К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ КАМНЯ НА НОВОСТРОЙКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ (1975—1985 гг.)

Широкий размах строительства на Среднем Енисее, вызванный созданием агропромышленных и территориально-производственных комплексов в Хакасии, потребовал в последнее десятилетие резкого увеличения поисковых и спасательных археологических работ. Наряду с исследованиями стоянок, разрушаемых Красноярским водохранилищем¹, возникла необходимость срочного изучения памятников каменного века в зонах строительства мелиоративных систем, новых городов и поселков, путей сообщения, освоения новых сельскохозяйственных угодий в Минусинской межгорной области.

Исследования проводились автором в 1975 и 1976 гг. в составе Красноярской (начальник М. П. Грязнов), в 1977 г. Среднеенисейской

(начальник М. Н. Пшеницына) комплексных новостроечных экспедиций, а в 1978 г. в составе Красноярской палеолитической экспедиции (начальник З. А. Абрамова) Ленинградского отделения ИА АН СССР. С 1980 по 1984 г. автор возглавлял работы Среднеенисейской хозяйственной экспедиции². В настоящее время изучение стоянок ведется отдельным палеолитическим отрядом, выделившимся из ее состава.

В 1975 г. в зоне водохранилища собирался подъемный материал на разрушенных в процессе абразии берегов стоянках левобережья Енисея, у сел Даурское, Приморск, Ижуль, Куртак, Дивный; на правобережье — у с. Лебяжье. Всего исследовано 11 палеолитических и 1 неолитическое местонахождения³. В 1976 г. наряду с изучением ранее известных по сборам З. А. Абрамовой палеолитических стоянок Крутогорское, Первомайское 1, 2, Подгорново, Тарачиха на западном берегу водохранилища открыт ряд новых пунктов: Дивный 2, Куртак 2, 3, Чергак, Афанасьева Гора. На трех последних стоянках выявлен культурный слой, заложены небольшие разведочные раскопы⁴. В правобережной части Енисея обследованы дюны у с. Комарково, у бывшего с. Потрошилово, у горы Тепсей и собраны изделия послепалеолитического облика.

В 1977 г. на водохранилище найдена стоянка финального палеолита у с. Аешка. Во время обследования Новоселовской оросительной системы в Ширинской степи открыты две неолитические стоянки на побережье горько-соленых озер у сел Толстый Мыс и Интикуль. В следующем году, кроме сборов подъемного материала на разрушенных водохранилищем стоянках, производились раскопки на площади в 25 кв. м верхнепалеолитического поселения Куртак 3 в Чулымо-Енисейской котловине.

При обследовании оросительных систем в 1980 г. в Койбальской и Уйбатской степях Хакасии на побережье озер, которые планируется превратить в резервуары пресной воды для нужд сельского хозяйства, открыто 10 разрушенных дюнных стоянок, датируемых в пределах голоцена периодом мезолита — неолита⁵. На Означенской оросительной системе под г. Саяногорском выявлены три пункта находок каменных изделий близ с. Калы. В следующий полевой сезон в Койбальской степи найдено еще восемь стоянок, среди которых выделяются памятники финального палеолита на оз. Сосновом⁶.

В 1982 г. основные работы производились на территории Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса, где на площади в 252 кв. м доследовалась первая в Назаровской котловине палеолитическая стоянка Березовый ручей 1. В зоне Красноярского водохранилища в районе Батеневского кряжа найдена верхнепалеолитическая стоянка в устье речки Сидорихи. В Хакасии в Ширинской степи открыта неолитическая стоянка на горько-соленом оз. Джирим. В районе строительства очистных сооружений Салнского алюминиевого завода близ с. Новоенисейска на берегу Енисея собрана коллекция подъемного материала мезолитического времени.

В 1983 г. основное внимание было уделено раскопкам палеолитической стоянки Новоселово 13, открытой З. А. Абрамовой в 1974 г. Вместе с раскопом 1984 г. исследованная площадь на памятнике составила 79 кв. м.

В 1985 г. на Новоселово 13 исследована площадь в 80 кв. м, выявлен многослойный характер этого поселения. В южной части Хакасии открыто местонахождение каменного века на берегу опресненного оз. Бугаево. При разведочных работах в долине р. Абакан осмотрен ряд дюнных стоянок, открытых Хакасским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции СО АН СССР⁷. Основная часть памятников разрушена в связи с расширением сельскохозяйственных угодий.

Таким образом, за период 1975—1985 гг. в Минусинской межгорной области проводились исследования более чем на 60 памятниках каменного века, из которых автором открытого около 40. По материалам

раскопок на Красноярском водохранилище выделяются памятники, в хронологическом и культурном отношении близкие комплексам мальтинско-бурятской общности. Получены некоторые данные, позволяющие выдвинуть гипотезу о формировании кокоревской верхнепалеолитической культуры Енисея на местной основе и ее генезис от памятников типа Тарачиха. Значительно расширены сведения о памятниках афонтовской и кокоревской культур, существовавших во второй половине сарганского оледенения. Очень интересны материалы, освещающие малоизвестный период финала верхнего палеолита на Среднем Енисее.

Работы на склонах горного обрамления долины Енисея позволили получить данные о практически неизвестной до исследований в зоне водохранилища деятельности древнего населения, жившего в разные периоды каменного века на высоких террасах вдалеке от береговых пляжей. Прослежены все циклы хозяйственной деятельности от изготовления орудий до утилизации охотничьей добычи. По составу коллекций стоянок можно проследить развитие охотничьего вооружения во времени и особенности хозяйственной деятельности в разные периоды эпохи камня. Все стоянки на высоких террасах Енисея носят сезонный или временный характер и занимают промежуточное положение между поселениями на низких террасах рек и памятниками аридной зоны Минусинской котловины.

Исследование группы стоянок на побережье горько-соленых озер степной части Хакасии показало, что освоение этого региона началось не с появлением производящего скотоводческого хозяйства, а еще на стадии финала верхнего палеолита, причем именно для конца плейстоцена — начала голоцена фиксируются следы относительно долговременного обитания на одном месте. Получены очень важные данные о практически неизвестной в Хакасии эпохе мезолита и неолита. Интересной особенностью является открытие ряда стоянок с неолитическим составом каменного инвентаря, но без керамики.

Культурная принадлежность памятников аридной зоны определяется по коллекциям Соснового озера, которые датируются самым концом существования афонтовской верхнепалеолитической культуры Среднего Енисея. Широкое использование отщепы в качестве заготовки для изготовления орудий, характерное для комплексов этой культуры, прослеживается в инвентаре стоянок и голоценового времени. Фаунистические остатки свидетельствуют о смене в начале голоцена объектов охоты, когда вместо северного оленя и зубра основной добычей становятся лошадь и кулан.

По археологическим данным прослеживается, что после ледникового периода происходит неуклонное иссушение степной части Минусинской межгорной области. Об этом свидетельствует топографическое положение археологических памятников. Если стоянки финального палеолита занимают наиболее высотные отметки (до 100 м) на склонах горных хребтов, у подошвы которых ныне расположены остатки когда-то обширных водоемов, то мезолитические местонахождения концентрируются на высоте не более 50 м, а неолитические находки встречаются на современных побережьях горько-соленых озер в непосредственной близости от воды.

¹ *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979. С. 8—12.

² *Лисицын Н. Ф.* Краткие итоги работ Среднеенисейской экспедиции // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 66—70.

³ *Лисицын Н. Ф.* Новые местонахождения каменного века на высоких террасах Енисея // БКИЧП. М., 1979. № 49. С. 136—144; *Пяткин Б. Н., Лисицын Н. Ф.* Местонахождения каменного века у с. Лебяжье на Енисее // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 76—81.

⁴ *Лисицын Н. Ф.* Палеолитические стоянки в районе Батеневского кряжа на Енисее // СА. 1980. № 3. С. 270—276; *Он же.* Палеолитическая стоянка Чегерак // Палеолит Сибири. Новосибирск, 1983. С. 76—80; *Он же.* Мезолитическая стоянка Куртак 2 на Енисее // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 97—102.

⁵ Лисицын Н. Ф. Местонахождения каменного века в районе степных озер Минусинской котловины // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 24—32.

⁶ Павлов П. Г., Лисицын Н. Ф. Озерные стоянки Койбальской степи // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 123—127.

⁷ Худяков Ю. С. Работы Хакасского отряда в 1975 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935—1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 97—122.

С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ, М. А. РОМАНОВСКАЯ

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА у хут. ВЕСЕЛАЯ РОЩА В СТАВРОПОЛЬЕ

Курганный могильник у хут. Веселая Роща находится в Александровском р-не Ставропольского края. В статье рассматриваются изделия на медной основе, обнаруженные в погребениях эпохи ранней и средней бронзы при раскопках Ставропольской экспедиции в 1978 и 1979 гг. в группах II и III, а также из кургана 1975 г., доследованного в 1979 г.¹

Древнейшим подкурганном захоронением в могильнике оказалось основное погребение I кургана 15. В яме находился скелет в скорченном на спине положении. При нем обнаружена костяная пластина и с ней четыре медные подвески-скорлупки, напоминающие раковины (рис. 1, 31)². Скорлупки имели по одному отверстию для привешивания к пластине или костюму. Среди украшений эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа аналогий таким вещам нет. Похожие предметы из раковины найдены в Хвалынском могильнике Куйбышевской обл.³, Нальчикском могильнике в Кабардино-Балкарии⁴. В Чаплинском могильнике Днепропетровской обл. находятся близкие по форме медные подвески-скорлупки (рис. 1, 32)⁵. Эти параллели позволяют отнести рассматриваемое погребение кургана 15 к эпохе восточноевропейского энеолита, времени хвалынско-среднестоговской общности⁶, и датировать второй половиной IV тысячелетия до н. э.

Облик энеолита в Предкавказье пока крайне неясен. Нет еще достоверного ответа на вопрос, древнее этот период или в какой-то степени одновременен майкопским подкурганном захоронениям. Погребальный инвентарь малочисленных захоронений энеолита имеет аналогии как в памятниках майкопской культуры, так и в памятниках энеолита Восточной Европы хвалынско-среднестоговского времени. В Прикубанье погребения энеолитического времени выделяются В. А. Трифоновым в особую хронологическую группу. В захоронениях также отмечены медные подвески в виде раковины. В Центральном Предкавказье синхронными памятниками этой группы является Нальчикский бескурганый могильник, где обнаружены костяные нагрудные пластинки, аналогичные пластине ставропольского захоронения. К данному кругу памятников по инвентарю относится основное погребение II из кургана у с. Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии⁷. Таким образом, намечающаяся по археологическим источникам эпоха энеолита в Центральном Предкавказье, видимо, может характеризоваться как курганным, так и бескурганном обрядом захоронения и разнообразными позами погребенных (скорченные погребения на спине с восточной ориентацией в курганах у хут. Веселая Роща и с. Верхний Акбаш, скорченные погребения на боку в Нальчикском могильнике). Находки в захоронениях у хут. Веселая Роща позволяют сделать наблюдение, что в данный период у местного населения в инвентаре погребений появились украшения из металла. По форме они напоминают изделия племен энеолита Восточной Европы и Балкано-Карпат. Аналогичные медные скорлупки-подвески найдены и в Прикубанье.

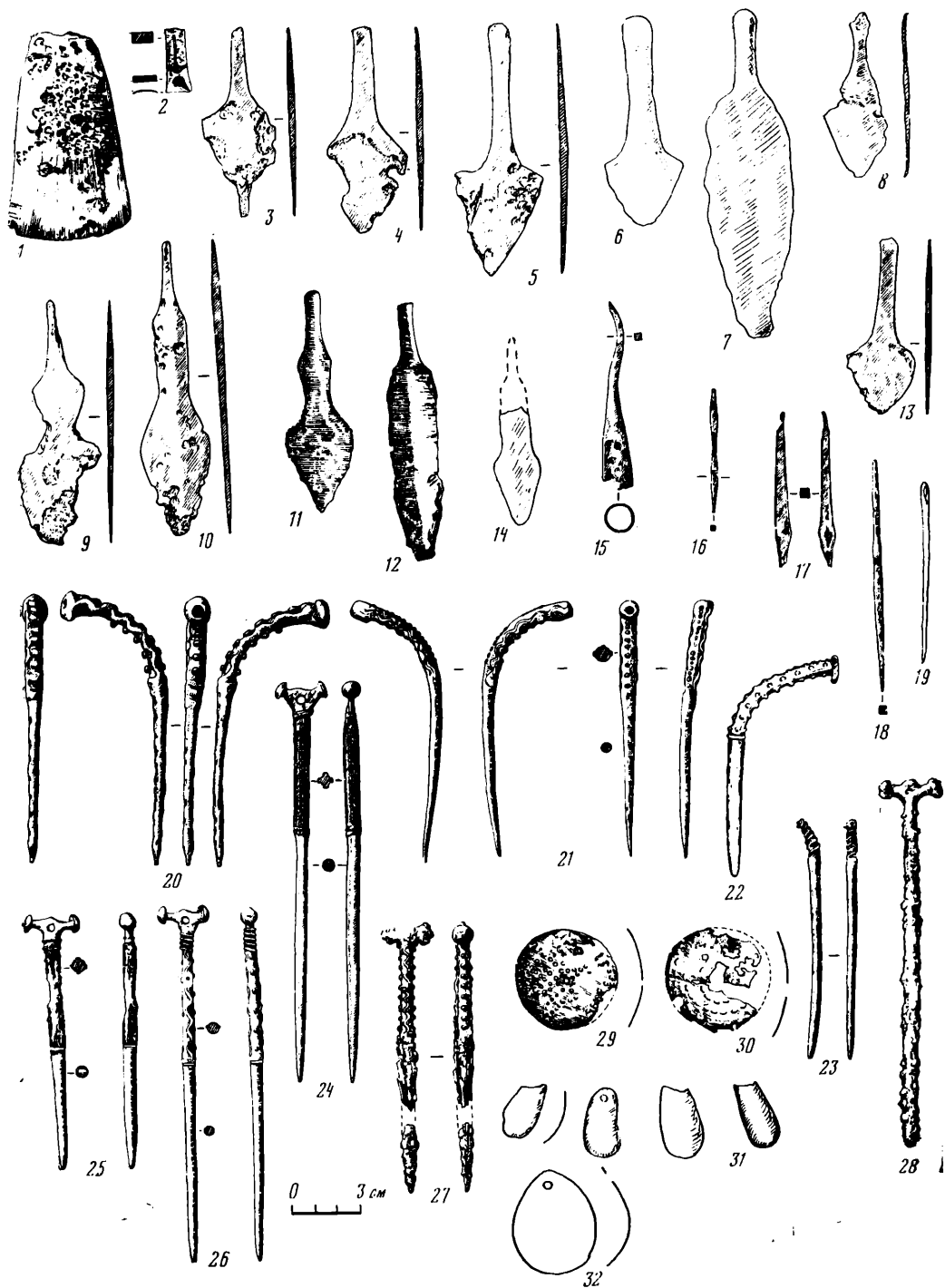

Рис. 1. Орудия и украшения из могильников

1—31 — могильник у хут. Веселая Роца; 32 — Чаплинский могильник

Видимо, к этому периоду предкавказского энеолита следует отнести находку топора-тесла типа Ариушд из станицы Усть-Лабинской⁸.

С эпохой раннего бронзового века в Предкавказье связан расцвет местной металлообработки. В могильнике у хут. Жуковского в 1977 г. обнаружены два захоронения с майкопскими бронзовыми изделиями и керамикой⁹. Однако умершие лежали на спине скорченно, т. е.

согласно древнейшему неолитическому обычаю погребений, под курганными насыпями Ставропольского плато. В сезон 1979 г. в захоронении 6 кургана 14 с тем же обрядом, но без керамики найдены бронзовое тесло и обломок желобчатого долота характерных форм эпохи раннего бронзового века Предкавказья (рис. 1, 1, 2). Орудия изготовлены на медной основе с повышенным содержанием мышьяка, определяемого примерно в количествах 1,7 и 0,5 % соответственно (анализы 28571, 28572).

Подавляющее большинство предметов из металла, найденных в могильнике у хут. Веселая Роща, происходит из погребений эпохи средней бронзы с обрядом захоронений в простых ямах, ямах с заплечиками и катакомбах. Оружие этого времени и орудия представлены ножами, крюком, шильями, иглой. Семь ножей относится к типу листовидных с узким лезвием (рис. 1, 3—8). Иногда режущая часть клинка ставилась вплоть до черенка. Другая форма ножей связана с конфигурацией ножей катакомбного типа (рис. 1, 9—14)¹⁰. Таких орудий учтено пять и семь шильев. Шесть из них имеют четырехгранное сечение, а одно — круглое сечение по центру орудия (рис. 1, 18). Крюк с разомкнутой втулкой и игла с ушком (рис. 1, 15, 19) являются обычными находками рассматриваемой эпохи. Металлические украшения представлены тремя посоховидными булавками (рис. 1, 20—22), одним обломком подобного изделия (рис. 1, 23), пятью молоточковидными булавками (рис. 1, 24—28), парой слабовыпуклых блях с пунсонным орнаментом (рис. 1, 29, 30), литой подвеской в виде ложечки с орнаментом (рис. 2, 1). Аналогия этой ложечке известна из погребения 6 кургана 3а Холородниковского могильника (раскопки А. Л. Нечитайло)¹¹. К металлическим изделиям принадлежат также три крупных дисковидных медальона диаметром 30—34 мм. Один из них покрыт нарезкой, имитирующей шнур, другие украшены оттисками шнура (рис. 2, 2—4). Далее — два маленьких кольцевидных медальона (рис. 2, 5, 6), подвески-стерженьки разнообразных форм: булавовидные (рис. 2, 7—10), шаровидные с петлей (рис. 2, 11—17), каплевидные (рис. 2, 18, 19), шнуровидные с одним или двумя шариками (рис. 2, 20—23), с уплощенным стерженьком и шариком на конце (рис. 2, 24—27), с уплощенным стерженьком и диском на конце (рис. 2, 28), с боченковидными бусами (рис. 2, 29), спиральной (рис. 2, 30); подвески височные в два оборота (рис. 2, 32) и подвески в полтора оборота (рис. 2, 31, 33—35), а также, видимо, обломки такой подвески (рис. 2, 37).

Украшения располагались по-разному. С головным убором были связаны подвески в полтора оборота, спиралька. В состав ожерелья погребенного подростка в кургане 2 (погребение 3) входили подвеска-черпак и три крупных дисковидных медальона. На груди костяка в погребении 1 кургана 14 — две подвески в полтора оборота, а в погребении 7 кургана 4 — две шариковидные подвески с петелькой (рис. 2, 11, 12). Украшением запястья служили подвески-стерженьки в погребении 8 кургана 1 (1975 г.) и маленькие кольцевидные медальоны (рис. 2, 5, 6, 8—10, 18, 19, 22, 25—27). Подвески-стерженьки также украшали запястья в погребении 7 кургана 4 (1979 г.) (рис. 2, 11, 12), в погребении 7 кургана 16 (1979 г.) (рис. 2, 13—17). Бронзовые булавки в погребениях могильника у хут. Веселая Роща, как правило, обнаружены у правой бедренной кости или у правого локтя. Вместе с молоточковидной булавкой в погребении 4 кургана 8 находились две слабовыпуклые кованые бляхи с пунсоном. Положение бронзовых и костяных булавок у бедренной кости и у локтя является типичным для широкого круга племен эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья. Находки булавок у пояса и бедренных костей можно связать с их подвешиванием к поясу¹². В Центральном Предкавказье погребения с костяными и бронзовыми булавками, как правило, интерпретируются как женские или детские¹³. Материалы могильника у хут. Веселая Роща это подтверждают:

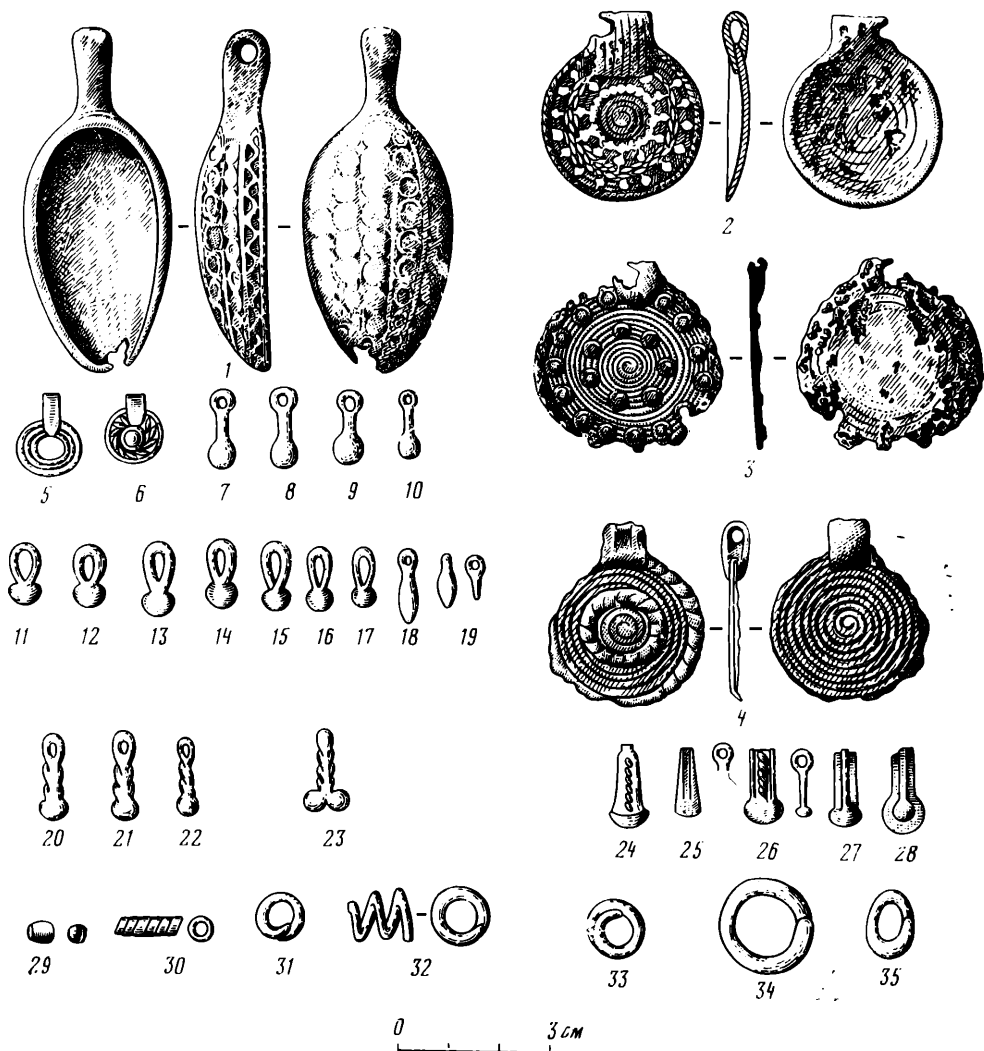

Рис. 2. Украшения из могильника у хут. Веселая Роща (1—35)

Разновидности погребального обряда эпохи средней бронзы в курганах у хут. Веселая Роща можно представить тремя вариантами: 1) погребения в катакомбах, скорченные на левом боку; 2) погребения в катакомбах, вытянутые на спине; 3) погребения в ямах (яма с заплечиками), вытянутые на спине.

Распределение категорий металлического инвентаря по этим вариантам дано на рис. 3. В погребениях первого варианта встречаются орудия и оружие (ножи катакомбного типа, крюк). Среди украшений костюма нет булавок. Все девять металлических булавок найдены в погребениях второго и третьего вариантов. Такая встречаемость украшений и орудий отражает, видимо, обрядовые мотивы традиции положения инвентаря в зависимости от позы погребенного в могиле. В некоторой степени здесь могут играть роль хронологические явления. Так, найденные при вытянутых погребениях украшения из металла, прежде всего булавки, по периодизации верхнекубанских памятников А. Л. Нечитайло относятся к первому этапу, датируемому с конца III тысячелетия до н. э. по 1800/1700 г. до н. э. Дисковидные медалионы из погребения 3 кургана 2 относятся ко второму этапу верхнекубанских памятников, определяемому А. Л. Нечитайло (1800/1700—1500/1400 гг. до н. э.)¹⁴. Близкая картина взаимосвязи украшений и

Курган	Погребение	Год	Катакамба	Скорчен, левый бок	Кенотаф	Вытянут	Яма																			
2	4	1978	+	+				+	+																	
2	8	"	+	+							+															
5	2	"	+		+				+																	
6	1	"	+	+				+		+																
7	1	"	+	+				+		+																
5	10	1979	+	?				+		+	+															
7	7	"	+	+					+	+																
7	5	"	+	?					+																	
14	6	1978	+	+				+		+																
16	5	1979	+	+				+																		
2	3	1978	+	+						+		+	+													
7	11	1979	+	?																	+					
11	4	1978	+			+																				
13	4	"	+			+																				
15	3	"	+			+								+												
1	5	1975	+			+												+				+	+			
1	8	1975	+			+											+				+	+			+	
1	9	1979	+			+										+										
4	7	"				+	+												+						+	+
8	4	"				+	+																			+
16	6	"				+	+																			+
16	7	"				+	+												+							
14	1	1978				+	+																			+
8	1	1979				+	+	+																		

Рис. 3. Распределение форм вещей по погребениям могильника у хут. Веселая Роща

орудий из металла с погребальным обрядом наблюдается севернее, в Калмыкии. В. П. Шилов выделяет архаринский хронологический горизонт с вытянутыми на спине погребениями. Ему по многим формам аналогичен металлический инвентарь из захоронений с вытянутыми костяками в Центральном Ставрополье. Появление в обрядах эпохи средней бронзы населения Калмыкии ножей катакомбного типа, долот, тесел, крюков, так же как и в Центральном Ставрополье, приурочено к распространению традиций скорченного на боку способа захоронения в ямах и катакомбах¹⁵. В какой мере качественный набор украшений и орудий из металла в курганах отражает реальную хронологию инвентаря — вопрос далеко не решенный. Открытие в Дагестане в катакомбном погребении у с. Великент большого комплекса металлических украшений и орудий, среди которых имеются аналогии вещам второго этапа схемы верхнекубанских памятников А. Л. Нечитайло, вместе с беденскими импортами конца III — начала II тысячелетия до н. э.¹⁶ позволяет рассматривать появление похожих изделий в могилах племен Центрального Ставрополья и Калмыкии отчасти как отражение местной погребальной обрядности, а не реальной бытовой хронологии этих типов украшений, а также орудий и оружия.

Методом спектрального анализа обследовано 66 предметов из раскопок курганов могильника у хут. Веселая Роща (1975, 1978, 1979 гг.). Из серебра сделаны две височные подвески из погребения 4 кургана 8 (рис. 2, 32, 33) и две подвески из погребения 6 кургана 16 (рис. 2, 34, 35). Две височные подвески из погребения 1 кургана 14 сделаны из свинца (рис. 2, 36, 37). Остальные предметы отлиты из меди с повышенными примесями мышьяка, содержание которого колеблется в изделиях от 0,3 до 2%. Хронологически они относятся к эпохе ранней и средней бронзы.

¹ Романовская М. А. Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща II и III в сезон 1978 г. // Арх. ИА. Р-1. № 8488; Она же. Отчет о работах Александровского отряда Ставропольской экспедиции в 1979 г. // Там же. № 8499; Кореняко Е. А. Отчет о работах на территории Ставропольского края в 1975 г. // Там же. № 892.

² Романовская М. А. Об одном погребении эпохи ранней бронзы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 173—175.

³ Васильев И. Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 36, рис. 5, 30—36.

⁴ Круглов А. П., Пиотровский Б. Б., Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчике // МИА. 1941. № 3. С. 68—135, рис. 8, 4; 27; 38, 1.

⁵ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 122, рис. 33, 395—407.

⁶ Васильев И. Б. Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь: Учебное пособие по спецкурсу. Куйбышев, 1981. С. 63; Мерперт Н. Я. Проблемы неолита и энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. С. 18.

⁷ Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 7—9; Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Учен. зап. Кавказ.-Балкар. НИИ. 1950. Т. 5. С. 210—212, рис. 16.

⁸ Илюков Л. С. Бронзовый топор из Прикубанья // СА. 1981. № 2. С. 264, 265.

⁹ Державин В. Л., Тихонов Б. Г. Новые погребения майкопской культуры в Центральном Предкавказье // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 78, рис. 4, 6, 7.

¹⁰ Корневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. № 2. С. 33—48.

¹¹ Ставропольский краеведческий музей. № 14733.

¹² Корневский С. Н. О поясных наборах эпохи средней бронзы Центрального Предкавказья // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 35—42.

¹³ Пиотровский Ю. Ю. Хронология посоховидных булавок и вопросы опорных дат «северокавказской культуры» // XII Крупновские чтения: Тез. докл. М., 1982. С. 19.

¹⁴ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978. С. 98, 99.

¹⁵ Шилов В. П. Курганы и урочище Бичкин-Булак и проблема хронологии начала средней бронзы в Калмыкии // СА. 1985. № 2. С. 18—31.

¹⁶ Гаджиев М. Г., Корневский С. Н. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 7—27.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

В 1985 г. в Петровском р-не Ставропольского края у сел Высоцкое и Ореховка раскопано 10 курганов¹. Четыре из них (курганы 7—10) образовывали отдельную группу, которая находилась на выступающем плато, ограниченном с двух сторон балками, к востоку от с. Ореховка, к юго-западу от с. Казинка.

Небольшие курганные насыпи высотой 0,3—0,5 м, диаметром 20—25 м были вытянуты цепочкой с востока на запад (в соответствующей последовательности — курганы 7, 8, 9 и 10) на протяжении 100 м. Под пахотным слоем в курганах выявлены остатки прямоугольных в плане сооружений, сложенных из необработанных плит известняка (рис. 1—3). Сохранность конструкций различна: в курганах 8 и 10 их основной контур не нарушен, в кургане 9 разрушен северо-восточный угол сооружения, в кургане 7 сохранились лишь два небольших отрезка северной и южной стен в центральной части кургана. Все конструкции ориентированы сторонами строго по сторонам света, длинной осью — по линии восток—запад. Размеры сооружений: курган 8—21×11 м (по внешнему контуру), 18×7 м (по внутреннему контуру), курган 9 — соответственно 19×11 м и 16×8 м; курган 10 — 11×11 и 8×6,5 м. Расстояние между сооружениями курганов 8 и 9 — 6 м, курганов 9 и 10 — 31 м. Внутри сооружений располагались погребения.

Полученные стратиграфические данные незначительны. Слои в разрезах (за исключением центральной бровки кургана 8): темно-коричневый суглинок насыпи постепенно переходил в предматерик, в верхней части такого же, как и насыпь, цвета и структуры. Ближе к матерiku суглинок был светлее. Материк — пласти известняка, перемежающиеся слоями желтого песка. Уровень древнего горизонта устанавливался в большинстве случаев по косвенным данным, прежде всего по нижнему уровню залегания камней наброски, составлявшей внешний контур прямоугольных сооружений.

Сохранившаяся высота отдельных участков конструкций над уровнем древней дневной поверхности не превышает 0,5—0,6 м. Суммируя наблюдения, сделанные при раскопках курганов 7—10 (единство планировки и приемов каменного строительства и общность черт погребального обряда, связанных с конструкциями захоронений, позволяють характеризовать весь комплекс из четырех сооружений как некое целое), можно реконструировать последовательность сооружения и первоначальный вид этих памятников (рис. 4, 1). Вместе с совершением основного погребения строилась каменная ограда из ряда вертикально или слегка наклонно врытых (на разных участках на разную глубину) неправильной формы плит. На них сверху плашмя, с наклоном внутрь ограды, слоями выкладывались такие же плиты. Так как последние не могли быть наклонно уложены без опоры на земляную подсыпку внутри ограды, следует полагать, что одновременно внутреннее пространство ограды засыпалось землей, причем лежавшие слоями плиты выполняли роль крепиды. Засыпка доводилась до нижнего края верхних плит крепиды. Центр (основное погребение?) отмечался навалом из мелких камней, доходившим до этого же уровня². Не исключено, что поверхность сооружений не была ровной: во всех четырех курганах наилучшую сохранность обнаружили одни и те же центральные участки северных и южных стен. Именно на этих участках опору крепиды составляли наиболее крупные и глубоко вкопанные плиты. В кургане 8, судя по изгибу линии верхних плит северной стороны сооружения, первоначальная центральная часть крепиды и земляная насыпь в этом месте были выше, чем у западного и восточного краев. В кургане 10 и север-

ной части кургана 8 ограда и крепиды были двойные. Пространство внутри двойных стенок одновременно с их сооружением засыпалось землей. С внешней стороны сооружения укреплены каменной наброской. Нет оснований утверждать, что сооружения когда-либо были намеренно перекрыты земляными насыпями.

Особой конструктивной чертой сооружений курганов 8 и 9 является наличие двух входов в ограду с южной стороны. Входы образованы продолжением торцовых стенок прямоугольных конструкций и сложенными параллельно им на расстоянии 1—1,3 м стенками. Наклонно поставленные или слегка врытые плиты опирались на каменную наброску по обеим сторонам прохода. Плиты наклонены верхним краем от центра прохода, свободного от камней. С помощью траншеи и небольших шурфов, заложенных на пахоте к югу от курганов 8 и 9, установлено, что обрамленные камнем проходы, ориентированные строго по линии север — юг, тянутся на значительное расстояние. Только восточный проход к кургану 8 прослежен на всю длину, равную 40 м. Здесь конструкция делала закругленный поворот под прямым углом. Аналогичный поворот западного прохода к кургану 8 зафиксирован в шурфе на том же расстоянии от ограды. Вероятно, оба прохода смыкаются, образуя прямоугольник размерами 40 (север — юг) × 20 м (запад — восток).

Как существенную деталь следует отметить, что сооружение и функционирование каменных конструкций к югу от курганов 8 и 9 следует связывать со временем совершения основных погребений и строительства прямоугольных оград, до появления насыпи и кладок крепид. Стенки проходов являются прямым продолжением торцовых стенок оград, и строились они явно одновременно. Позднее входы были заставлены плитами, на которые положены камни крепиды³.

В полевом сезоне 1985 г. основные усилия были сосредоточены на изучении прямоугольных оград и связанных с ними погребений. Невысокие остатки оград, траншея и шурфы к югу от курганов 8 и 9 были законсервированы для последующего изучения.

В пределах прямоугольных сооружений и под их стенами было открыто 18 погребений (табл. 1)⁴. Все комплексы, в том числе ямы без культурных остатков и ямы без следов захоронения, содержавшие отдельные вещи, условно названы погребениями. На основе стратиграфических наблюдений и типологических сопоставлений погребения можно разделить на: а) основные; б) сопутствующие основным, синхронные с созданием прямоугольных сооружений; в) ранние впускные, близкие по обряду первым двум группам, появившиеся, вероятно, во время, когда прямоугольные сооружения и проходы к ним еще не заплыли землей и сохраняли первоначальный вид; г) поздние впускные, возникшие после того, как каменно-земляные сооружения курганов 7—10 приобрели вид обычных округлых курганных насыпей; д) неопределенные впускные, время появления которых сейчас трудно выяснить.

Основные погребения в курганах 8 и 9 устанавливаются по наличию материкового выкида на уровне древнего горизонта; в кургане 10 — по тому, что погребение было единственным в пределах внутреннего пространства ограды; в кургане 7 — по центральному положению между северной и южной стенками и более фундаментальному характеру конструкции погребения 1 в сравнении с погребением 2. *Сопутствующие основным*, разделяются на: 1) находившиеся непосредственно под остатками ограды (погребения 3 и 4 кургана 7); 2) находившиеся под каменной наброской, укреплявшей ограду с внешней стороны (погребение 5 кургана 9); 3) находившиеся между двойными стенками прямоугольных сооружений (погребение 7 кургана 8 и погребение 2 кургана 10). В последних двух случаях погребения непосредственно примыкали к внутренним стенкам ограды, так что вертикально врытые плиты — основы этих стен — образовывали верхнюю часть стенок ям. Каменные перекрытия погребений находились приблизительно на уров-

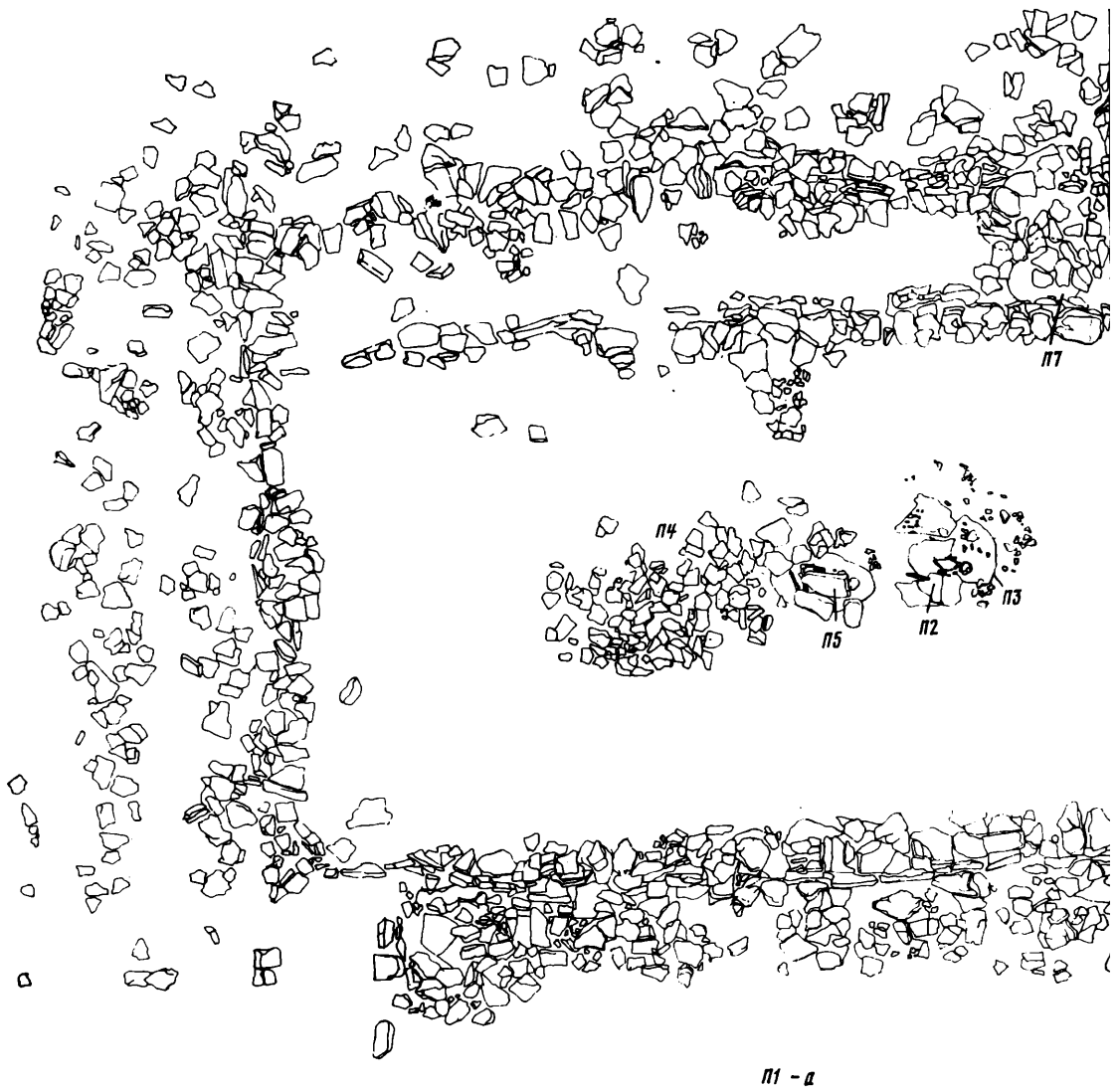

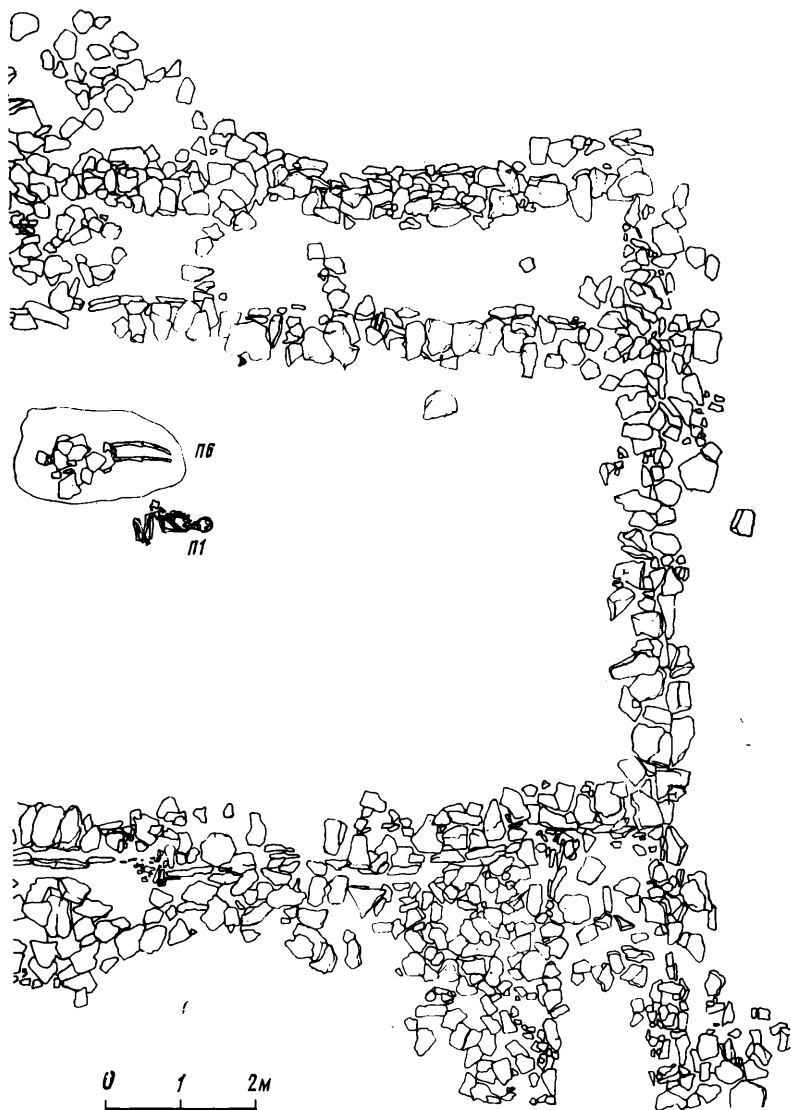
Рис. 1. Каменное сооружение кургана 8

а — погребения

не древнего горизонта, следовательно, они были сооружены раньше, чем закончена постройка внешних стен и пространство между стенами заполнено землей. Судя по положению, которое погребения этой группы (сопутствующие основным) занимают в оградах, они, возможно, играли роль жертвенных комплексов⁵.

Три *ранних впускных* погребения (погребения 1, 2, 5 кургана 8) по основным признакам погребального обряда оказались непосредственно связаны с первым хронологическим горизонтом, образованным основными и сопутствующими погребениями. Плиты перекрытия погребений 2 и 5 находились на одном уровне с верхними плитами крепиды, фиксируя верхний уровень земляной засыпки каменного сооружения. Погребение 1 находилось лишь незначительно ниже уровня древнего горизонта, поэтому можно предполагать, что и оно было впущено в земляную засыпку. Названные погребения образуют второй горизонт.

Затруднительно определить характер (сопутствующее? раннее впускное?) погребения 1 кургана 9. Очевидно, что это погребение появи-

лось после создания ограды. Вероятно, засыпка внутри сооружения в этом месте отсутствовала или была очень незначительна. По ряду признаков (перекрытие, форма и размеры ямы) погребение связывается с основными, сопутствующими и ранними впускными погребениями.

К третьему хронологическому горизонту следует отнести *позднее впускное* погребение 6 кургана 8. По хорошей сохранности и отдельным чертам погребального обряда — глубокая прямоугольная со скругленными углами яма, западная ориентировка погребенного, его поза (вытянутая на спине с согнутыми в локтях руками, причем правая рука лежит кистью на тазе, левая — на поясе), скопление древесных углей слева от поясничных позвонков — захоронение следует относить ко времени более позднему, чем бронзовый век. Так как вещей при погребенном не было, более точно датировать это погребение затруднительно⁶.

Все 13 погребений первых двух хронологических горизонтов обнаруживают сходство по основным признакам обряда и могут быть объединены в один культурный пласт. Ниже мы приводим их суммарную характеристику.

Рассматривая расположение погребений в плане, следует отметить тенденцию к размещению основных и сопутствующих им погребений по

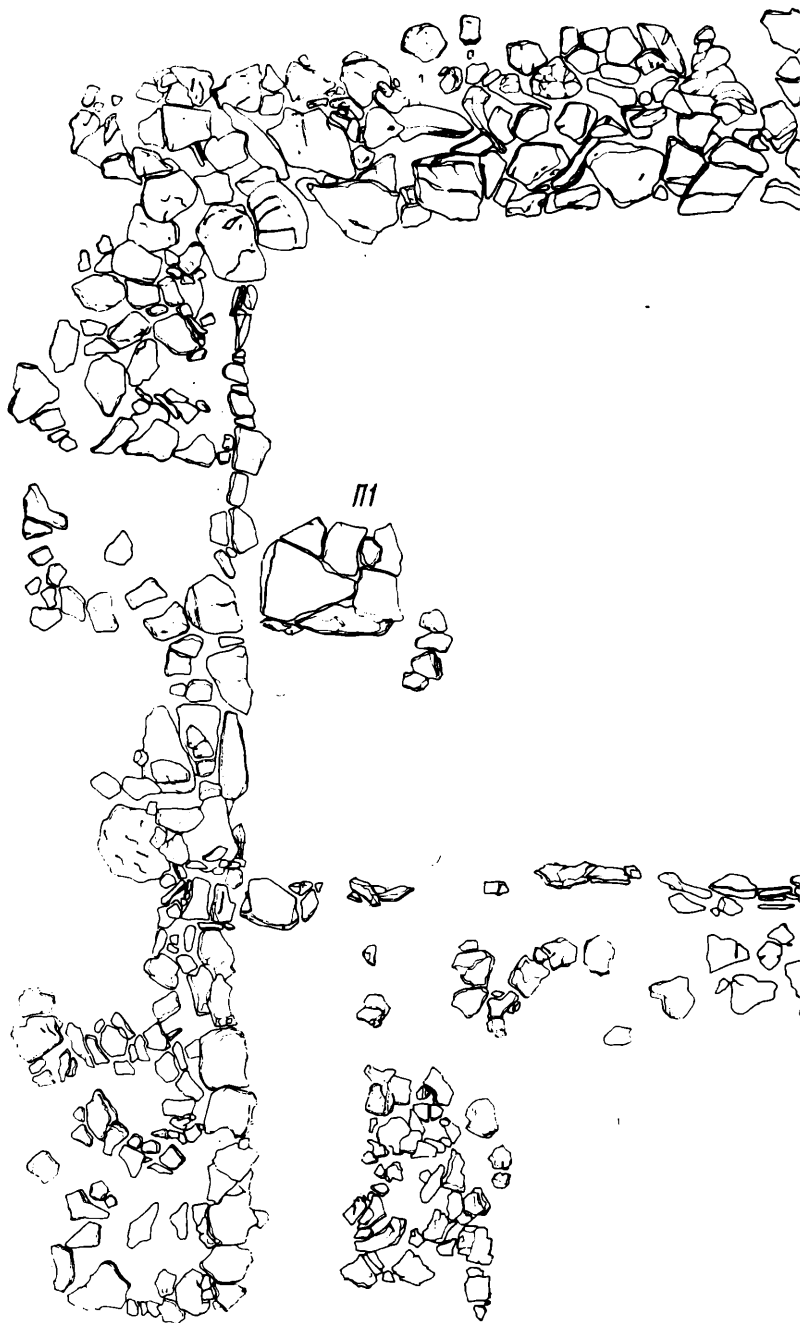
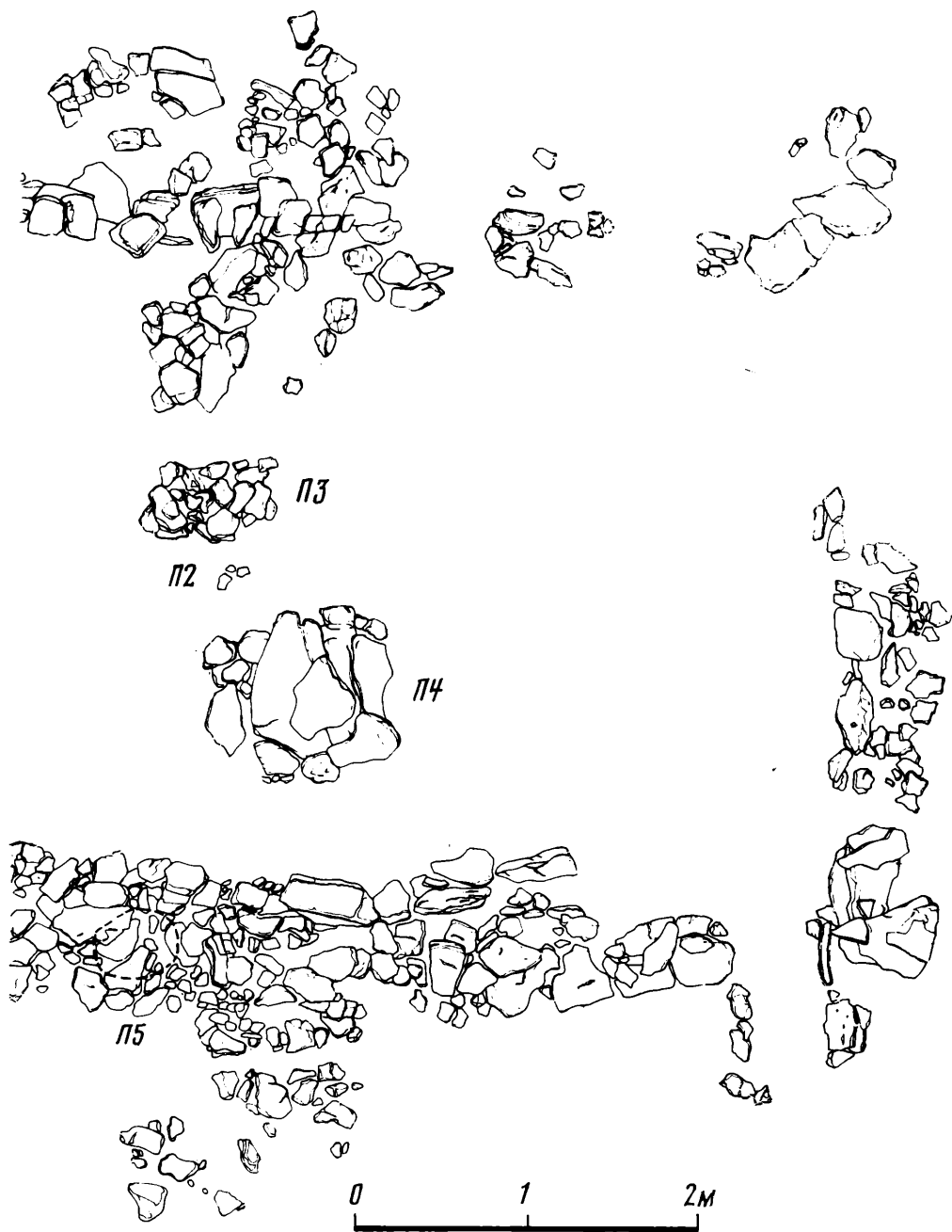

Рис. 2. Каменное сооружение кургана 9

одной линии в направлении север — юг. Ранние же впускные погребения (курган 8) располагались внутри ограды, в центре, вдоль линии восток — запад.

По общему типу все прослеженные конструкции могут быть разделены на две группы — ямы и ямы с подбоем. Явной взаимосвязи между типом конструкции и ее местом в прямоугольном сооружении не наблюдается. Основные и сопутствующие погребения совершались в ямах и в ямах с подбоем, ранние впускные — в ямах⁷. Погребальные конструкции вырубались в материковой скале, имевшей слоистую структуру. Все конструкции приобретают более четкие, правильные очертания в нижней части, ближе ко дну. Две основные различные формы

ям — овалы и прямоугольники, размеры небольшие, пропорции предполагают обряд скорченного положения умершего. За исключением одной ямы под северной стеной кургана 7 (погребение 4), все остальные конструкции ориентированы в широтном направлении. В нескольких случаях в северной стенке ям устраивался небольшой подбой (ниша). От катакомб эти сооружения отличают небольшая высота, незначительная углубленность подбоя в стенку в сочетании с небольшой высотой входного уступа, расположенного почти в центре ямы, т. е., по существу, количественные характеристики, за которыми, однако, ощутим качественный сдвиг в сторону утраты катакомбной традиции. Конструкции обоих типов имели перекрытия из каменных плит. Для ям

с подбоем характерна забутовка вертикально или слегка наклонно поставленными плитами и мелкими камнями, закрывающими вход в подбой⁸.

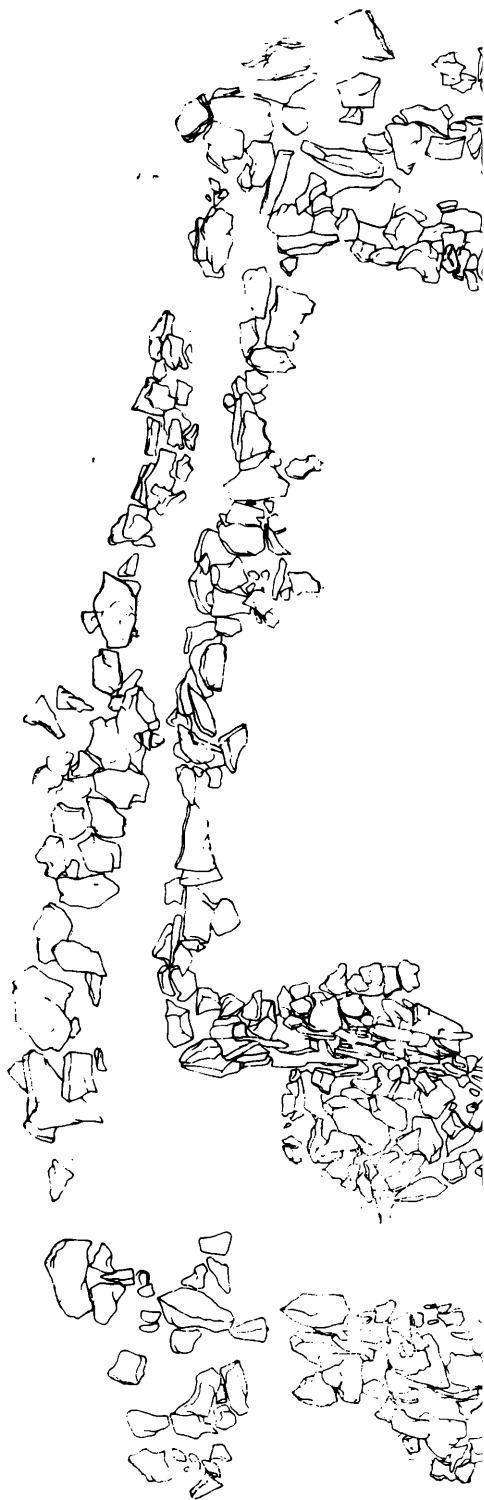
Из пяти погребений, в которых остатки скелета сохранились в первоначальном положении, два относятся к первому горизонту (основное погребение 4 кургана 9 и сопутствующее погребение 7 кургана 8), три — ко второму (впускные погребения кургана 8). Сохранность костей плохая⁹. Погребенные лежат на левом боку, головой на восток, ноги средне¹⁰ или сильно¹¹ скорчены. Положение правой руки определено в четырех случаях (согнута в локте и положена перед грудью или лицом)¹², левой — в двух случаях (согнута локтем наружу, кистью на локте правой руки¹³; согнута в локте, лежит кистью перед лицом¹⁴).

Характерной особенностью погребений первого горизонта является отсутствие инвентаря при погребенных. Находки вещей сделаны в сопутствующих погребениях, лишенных человеческих останков. Предметы эти немногочисленны: два сосуда, пест и отщеп серого кремня (рис. 5).

Сосуд из погребения 3 кургана 7 лепной, со слегка вогнутым дном (рис. 5, 1). Высота сосуда 13,7 см, диаметр тулова 14 см. Внешняя поверхность сосуда бугристая, в основании бурого цвета, вся заглажена пучком травы в горизонтальном направлении под разными углами. Внутренняя поверхность, судя по горизонтальным следам, сплошь заглажена щепкой. Сосуд окрашен красной охрой: на внешней поверхности ее пятна на тулове, внутри — сплошное кольца краски по венчику и горлу. Сосуд, судя по закопченности и затертости внешней поверхности, использовался в быту.

Сосуд из погребения 5 кургана 9 также лепной (рис. 5, 2). Высота сосуда 6,7 см, диаметр тулова 8,2 см. Сосуд сформован небрежно, плохо обожжен. Внешняя поверхность его незаглаженная, бугристая, верхний край неровно-волнистый, в одном месте имеется слив. Окраска желтоватосерая. Судя по состоянию поверхности, сосуд в быту не использовался, возможно, изготовлен специально для погребальных целей.

Формовочная масса сосудов одинакова: дресва и шамот средних размеров в средней концентрации и в небольшом количестве сильно измельченная органическая примесь (навоз мелкого рогатого скота).

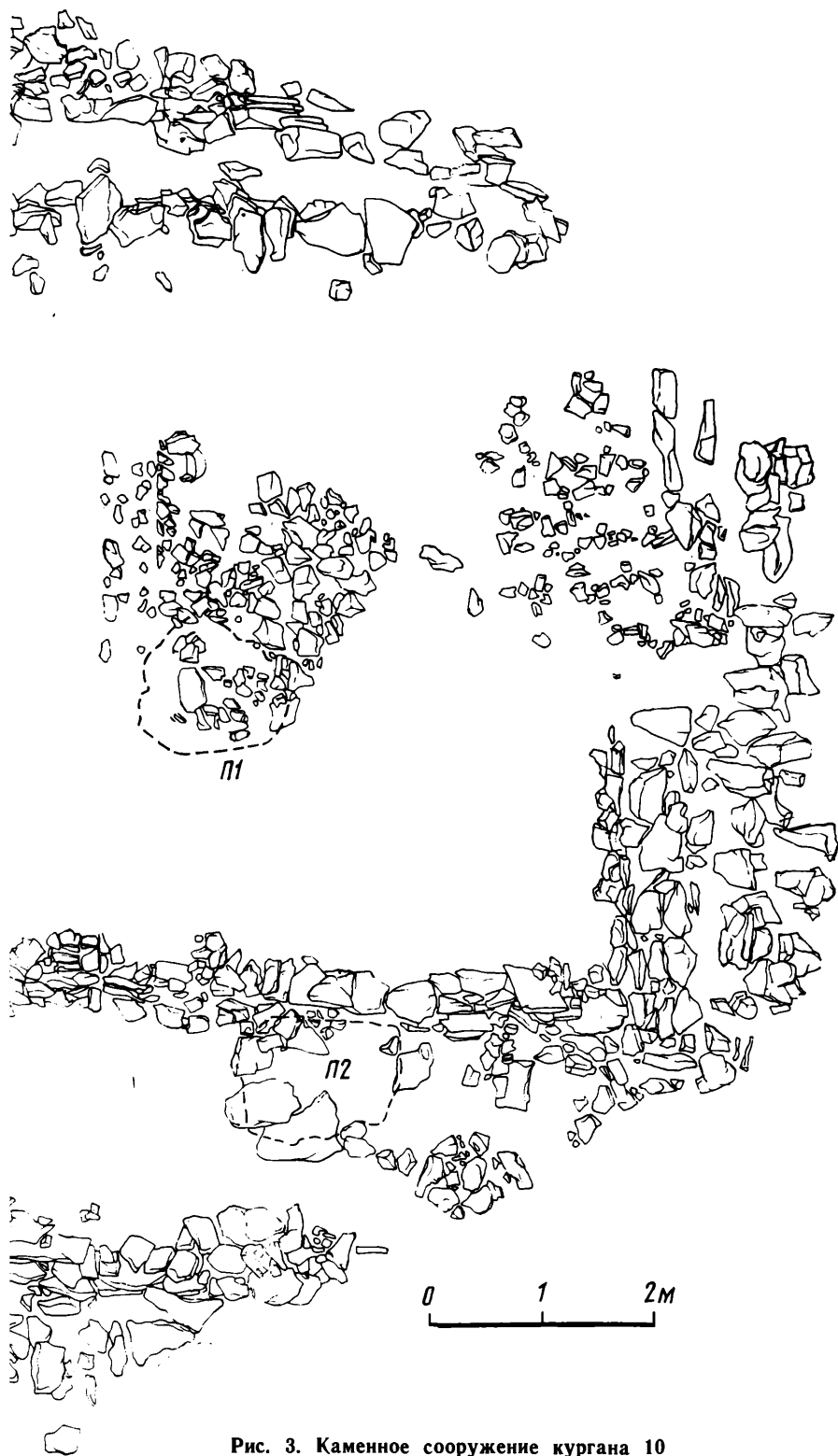

Рис. 3. Каменное сооружение кургана 10

У баночного сосуда со сливом глина с включением (очевидно, естественным) редких крупных мелкоструктурных каменистых частиц¹⁵.

Пест изготовлен из гальки (рис. 5, 3). Длина его 8,9 см, ширина в нижней части 5,4 см. Поверхность песта заполирована, на его нижней части у рабочей плоскости сохранились следы красной охры.

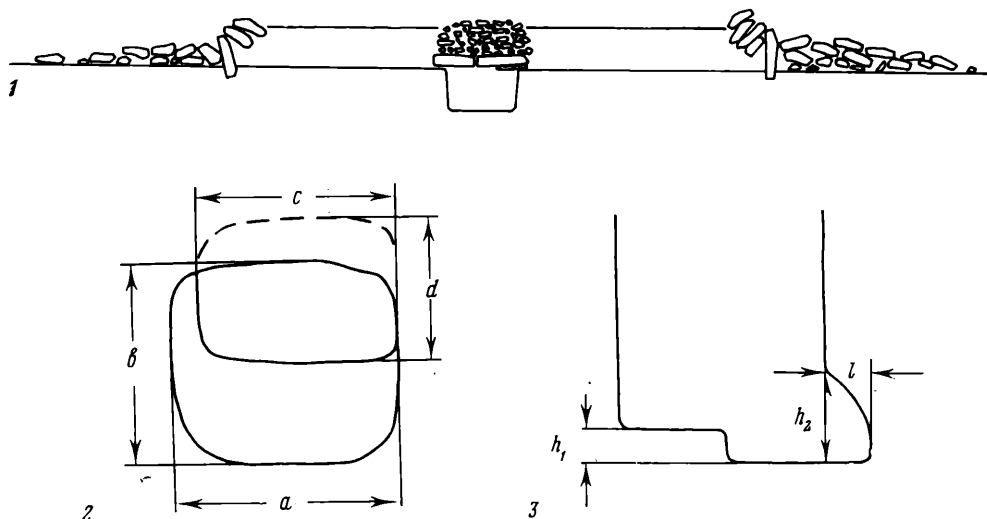

Рис. 4. Система кладки сооружений и места замеров погребальных конструкций

1 — система кладки в курганах 7—10 (реконструкция разреза); 2 — места замеров конструкций в плане; 3 — то же в разрезе

Из ранних впускных погребений происходит небольшое количество бус. В погребении 1 кургана 8 у лица умершего найдена сердоликовая бусина цилиндрической формы с двусторонней конической сверлиной. Диаметр бусины 7 мм (рис. 6, 1). У поясничных позвонков погребенного обнаружена пастовая бисерная пронизь диаметром 2 мм (рис. 6, 2). Из погребения 5 кургана 8 происходит аналогичная вышеописанной сердоликовая бусина диаметром 6 мм (рис. 6, 3). Она находилась у лица погребенной вместе с пастовой бусиной диаметром 4 мм (рис. 6, 4). Перед грудью умершей найден обломок мелкого бронзового предмета (бусины с парным отверстием?) (рис. 6, 5).

Помимо названных находок из погребений упомянем фрагмент стенки сосуда с валиком на плече из засыпки кургана 8. Валик покрыт пальцевыми вдавлениями (рис. 5, 5). В глине крупный шамот в большой концентрации и органическая примесь (навоз травоядного животного). Судя по цвету прослоек в изломе черепка, он побывал в сильном вторичном огне.

Весь рассмотренный материал — погребальный обряд и находки — свидетельствует о том, что основной пласт погребений (основные, сопутствующие и ранние впускные) следует относить к концу средне-бронзового века. Небольшая группа погребений этого времени была недавно выделена на материалах Калиновского могильника, расположенного в 20 км к юго-востоку от описанных курганов¹⁶. Вероятно, так же датируются некоторые погребения из других курганов у с. Ореховка, раскопанные в 1985 г. в 6,5 км к югу от курганов 7—10. Все эти захоронения объединяют скорченное на левом боку положение погребенных, восточная ориентировка, положение рук (руки) перед грудью или лицом, бедность инвентаря, представленного сердоликовыми и пастовыми бусами и бисером. Была высказана мысль, что погребения этого типа при всем их культурном своеобразии обнаруживают большее сходство именно с катакомбными, а не с раннесрубными памятниками. Это утверждение вполне приложимо к захоронениям ореховских курганов. Целый комплекс разнохарактерных признаков: использование подбойных погребальных конструкций, присутствие в погребальном инвентаре таких предметов, как каменный пест, сердоликовые бусы и бисер, наличие в составе формовочной массы сосудов дресвы, форма профилированного сосуда с венчиком и, наконец, находка черепка с расчлененным валиком — указывает на позднеката-

Таблица 1

Характеристика обряда погребений в курганах 7—10 у с. Ореховка (рис. 4)

Курган: погребение	Последовательность погребений	Место расположения погребения			Погребальная конструкция													Останки погребного					
		Внутри сооружения	Внутри двойной стенки	Под стенками	Общий тип	Форма (у дна)	Ориентировка	Размеры по дну, м (а×б)	Глубина, м*	Перекрытие из плит	Камни в заполнении	Каменный заклад входа в подбой	Место подбоя по отношению к яме	Перепад, урвневой дна, м (h ₁)	Высота подбоя, м (h ₂)	Углубленность подбоя в стенку, м (L)	Размеры подбоя по дну, м (с×d)	Поза скелета	Ориентировка	Пол	Возраст	Инвентарь	
7:1	о	+	—	—	ЯП?	П?	В—З?	1,3×?	≈1,2	?	+	+	С?	0,1	?	?	1,3×0,6	Р?	?	?	?	отщеп	
7:2	нв	+	—	—	Я	Н	С—Ю	1,5×1,2	1,57	?	+	—	—	—	—	—	—	Р	?	?	взр.	—	
7:3	с	—	—	+	Я	Н	В—З	1,2×1,0	≈0,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сосуд, пест	
7:4	с	—	—	+	Я	Н	С—Ю	1,7×0,7	≈0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
8:1	рв	+	—	—	?	?	?	?	0,88	—	?	—	—	—	—	—	—	ЛБ—СК	В	—	—	бусы	
8:2	рв	+	—	—	?	?	?	?	0,74	+	—	—	—	—	—	—	—	ЛБ—СК	В	♀?	—	mat.	
8:3	о	+	—	—	ЯП	П	В—З	1,2×1,0	≈1,1	+	+	+	С	0,1	0,5	0,3	1,2×0,7	—	—	—	—	—	
8:4	нв	+	—	—	?	?	?	?	0,77	—	—	—	—	—	—	—	—	Р	?	?	взр.	—	
8:5	рв	+	—	—	Я	О	В—З	1,4×0,9	1,45	+	—	—	—	—	—	—	—	ЛБ—СК	В	♀	—	бусы	
8:6	пв	+	—	—	Я	П	В—З	2,0×0,9	2,04	+	+	—	—	—	—	—	—	СП—ВТ	З	♀	—	ad.	
8:7	с	—	+	—	ЯП	П	В—З	1,1×1,0	≈1,2	+	+	+	С	0,3	0,4	0,2	1,2×0,6	ЛБ—СК	В	♀?	?	взр.	
9:1	с/рв	+	—	—	Я	О	В—З	1,2×0,8	≈0,8	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
9:2	нв	+	—	—	?	?	?	?	0,57	—	?	—	—	—	—	—	—	Р	?	?	?	—	
9:3	нв	+	—	—	Я	П	В—З	1,6×0,7	1,17	—	+	—	—	—	—	—	—	СП—ВТ	З	?	?	взр.	
9:4	о	+	—	—	Я	О	В—З	1,7×1,1	≈1,1	+	—	—	—	—	—	—	—	ЛБ—СК	В	♂?	—	juv.	
9:5	с	—	—	+	ЯП	П	В—З	1,1×0,8	≈1,4	—	+	—	—	С	0,1	0,2	0,2	0,8×0,5	—	—	—	—	сосуд
10:1	с	+	—	—	Я	П	В—З	1,2×0,8	≈1	+	+	—	—	—	—	—	—	Р	?	?	взр.	—	
10:2	с	—	—	—	Я	П	В—З	1,5×1,1	≈1	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

* Для основных и сопутствующих погребений указывается глубина от уровня древнего горизонта, для остальных — от вершины кургана.

Условные обозначения к таблице: + — наличие признака, — (минус) — отсутствие признака, ? — нет данных из-за сохранности, ? после буквы или цифры — предположительное значение признака; о — основное, с — сопутствующее основному, рв — раннее впускное, пв — позднее впускное, нв — неопределенное впускное; Я —

яма, ЯП — яма с подбоем; П — прямоугольная, О — овальная, Н — неправильная, ЛБ—СК — на левом боку, скорченно, СП—ВТ — на спине, вытянуто, Р — скелет разрушен, поза не восстанавливается; взр. — взрослый (определение авторов). Латинские названия (определения антрополога) и границы возрастных групп даны по книге В. П. Алексеева и Г. Д. Дебеца «Краниметрия. Методика антропологических исследований» (М., 1964. С. 39).

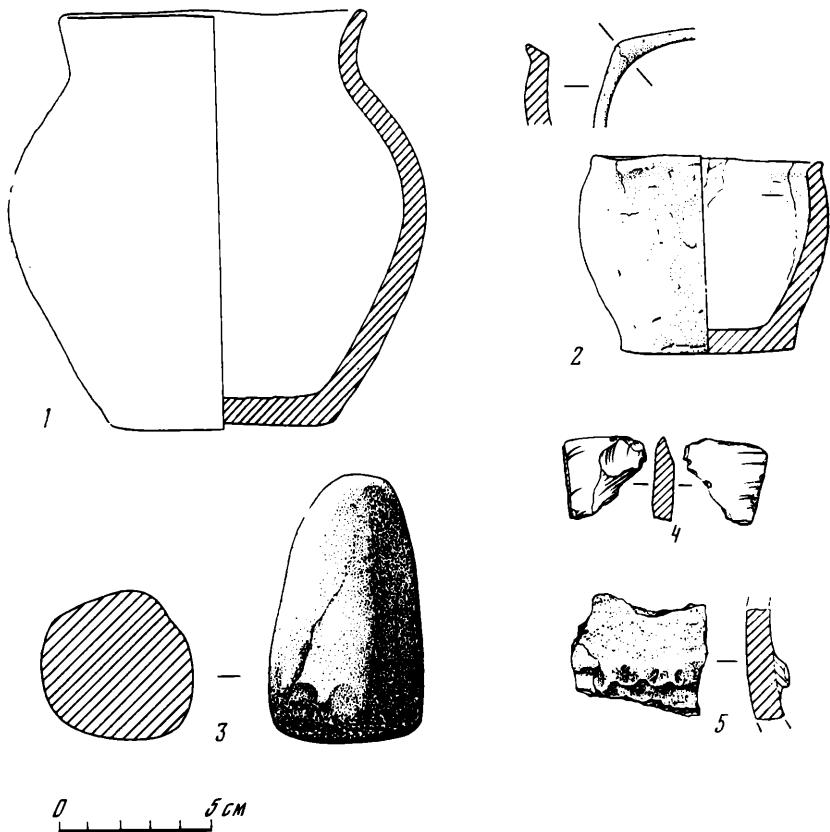

Рис. 5. Находки из курганов

1, 3 — погребение 3 кургана 7; 2 — погребение 5 кургана 9; 4 — погребение 1 кургана 7; 5 — засыпка кургана 8

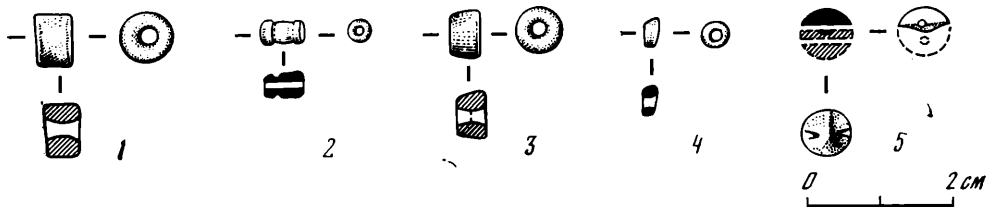

Рис. 6. Бусы из кургана 8

1, 3 — сердоликовые бусины; 2, 4 — пастовые бусины; 5 — бронзовая бусина; 1, 2 — погребение 1; 3—5 — погребение 5

комбную принадлежность открытого памятника. Формы, близкие упомянутому сосуду с венчиком из погребения 3 кургана 7, происходящие из захоронений этого времени Ставрополя, пока редки¹⁷. По мнению В. Д. Рыбаловой, немногочисленные подобные сосуды, известные в Прикубанье, генетически связаны с позднекатакомбной керамикой¹⁸.

Так как по основным признакам обряда и инвентарю вышеописанные погребения ничем явно не выделяются среди захоронений этого времени в Центральном Предкавказье (пока немногочисленных)¹⁹, нет оснований относить прямоугольные сооружения у с. Ореховка к особой культурной группе или варианту. Скорее следует говорить о существовании в рамках одной позднекатакомбной культурной традиции особого вида погребального ритуала.

В погребальных сооружениях этого времени в качестве строительного материала широко используется камень (перекрытие плитами мо-

гильных ям и каменные курганчики над ними, кромлехи в кургане 4 Калиновского могильника, в курганах 1 и 6 у с. Ореховка). Сама идея создания прямоугольных каменно-земляных сооружений на фоне известных сейчас в Предкавказье круглых курганных насыпей с каменными конструкциями раннего и среднего бронзовых веков выглядит как определенная инновация именно конца среднебронзовой эпохи²⁰. Вместе с тем технические приемы, применявшиеся строителями ореховских курганов, демонстрируют преемственность архитектурных традиций, сложившихся на этой территории еще в раннем бронзовом веке. В исследованных Ставропольской экспедицией в 1982 и 1985 гг. курганах майкопской культуры Калиновской группы²¹ и кургане 2 у с. Ореховка обнаружены крепиды, система кладки которых аналогична крепидам прямоугольных сооружений.

¹ *Андреева М. В.* Отчет о работе Петровского отряда Ставропольской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА.

² В курганах 8 и 10 каменный навал смещен по отношению к основным погребениям, что можно связывать с более поздними нарушениями: в кургане 8 на плиты основного погребения 3 «садились» впускное погребение 2, в кургане 10 основное погребение 1 было разрушено. В кургане 9 непосредственно на плитах перекрытия основного погребения 4 был сделан навал из мелких камней, также доходивший до уровня верхних плит крепиды.

³ Заклады входов лучше сохранились в кургане 8. Врытые вертикально плиты, загромождающие входы, находятся не на одной линии с опорными плитами южной стенки ограды, а слегка смещены. Кладка крепиды сохранилась у восточного входа. В кургане 9 восточный вход открыт, западный заставлен плитами.

⁴ Так как памятники недоисследованы, число это нельзя считать окончательным.

⁵ Из пяти сопутствующих погребений лишь одно (7, курган 8) содержало останки человека. В основном погребении этого кургана скелета не было (кенотаф?)

⁶ За недостатком места мы опускаем описание неопределенных впускных погребений. Три из них разрушенные, одно (погребение 3 кургана 9) — в яме, забутованной камнем, — содержало скелет человека, лежавшего на спине, слегка завалившись на правый бок, вытянуто, головой на запад. Руки погребенного слегка согнуты в локтях, кисти на тазе. Это погребение можно предположительно датировать временем после бронзового века.

⁷ Конструкции погребений 1 и 2 кургана 8 не прослежены в насыпи и реконструируются по косвенным данным.

⁸ По наличию наклонно стоявших плит в южной части ямы и небольшого уступа на дне, делящего яму на северную и южную части, первоначальная конструкция разрушенного основного погребения 1 кургана 7 предположительно определяется как яма с подбоем.

⁹ Половозрастные определения частично выполнены антропологом Г. П. Романовой, частично — на месте раскопок авторами.

¹⁰ Погребения 1 и 5 кургана 8, погребение 4 кургана 9.

¹¹ Погребения 2 и 7 кургана 8.

¹² Погребения 1, 2 и 5 кургана 8, погребение 4 кургана 9.

¹³ Погребение 1 кургана 8.

¹⁴ Погребение 2 кургана 8.

¹⁵ Состав формовочной массы керамики исследовался в кабинете истории керамики ИА АН СССР при контроле и любезных консультациях сотрудника института И. А. Гей.

¹⁶ *Дервиз П. Г.* Группа погребений финального этапа среднебронзового века курганов Ставропольской возвышенности // *Древности Ставрополя*. М., 1989. С. 257—269.

¹⁷ Укажем находки в Верхнем Прикубанье, в районе Кисловодска. См.: *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978. Рис. 38, 13; 39, 105; *Корневский С. Н.* Отчет о работах на Кавминводах в 1983 г. // *Арх. ИА*. Р-1. № 9659, в. Рис. 218.

¹⁸ *Рыбалова В. Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // *АСГЭ*. Л., 1974. 16. С. 42, рис. 15.

¹⁹ Ссылки на работы, в которых рассматривается этот материал, см. в статье П. Г. Дервиза «Группа погребений...».

²⁰ Укажем на отдаленную аналогию в Северо-Западном Крыму — прямоугольную ограду под курганной насыпью с захоронениями позднекатакомбного — раннесрубного времени (по определению автора раскопок) (см.: *Ольховский В. С.* Отчет о работе Крымской степной экспедиции ИА АН СССР в 1984 г. // *Арх. ИА*. Р-1. № 9618). Из памятников более позднего времени, продолжающих традицию прямоугольных погребальных сооружений на Северном Кавказе, упомянем могильник Султан-Гора III под Кисловодском (см.: *Членова Н. Л.* Могильник VI в. до н. э. Султан-Гора III под Кисловодском // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М., 1984. С. 235—241).

²¹ *Мишина Т. Н.* Курганы раннего бронзового века Центрального Ставрополя // *Археологические открытия на новостройках: Древности Ставрополя*. С. 233—256.

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ТУВЕ

Открытие и исследование большого числа памятников бронзового века в Туве связаны главным образом с работой Саяно-Тувинской экспедиции в зоне затопления Саянской ГЭС и на стройплощадках различных промышленных объектов, связанных с созданием в этом регионе крупного водохранилища.

Здесь исследовались как могильники, так и стоянки, культурные слои которых могут быть уверенно отнесены к эпохе бронзы. В процессе исследования стоянок, расположенных в Саянском каньоне Енисея, большинство из которых имели два, три и более культурных слоя, разделенных строительными прослойками, была построена периодизация культур эпохи неолита и бронзы Тувы для III—II тысячелетий до н. э.¹

Опорным памятником является стоянка Тоора-Даш, на которой в вертикальной последовательности законсервировано 13 культурных слоев. Общая площадь раскопов составляет 670 кв. м. Из каждого слоя, часть из которых дополнительно расчленялась на культурные горизонты, были получены единовременные материалы, что позволило атрибутировать случайные находки и часть материалов со стоянок со смешанным культурным слоем, ранее исследованным в Туве и на юге Красноярского края. В результате этой работы получилась довольно полная картина развития и смены культур эпохи неолита — бронзы вплоть до предскифского времени, которое остается наименее изученным и неясным, несмотря на то что к этому периоду относится большое число инвентарных погребений на горизонте так называемого «монгун-тайгинского» типа.

Самая ранняя известная здесь керамическая культура, получившая название верхнеенисейской, выделена на основании материалов, содержащихся в четырех нижних слоях Тоора-Даша. Для этой культуры характерна керамика, сплошь покрытая гребенчатым орнаментом, наконечники стрел с выемкой в основании, поперечные и продольные скребла и скребки высоких форм на отщепках, двусторонне ретушированные вкладыши, зубчатые орудия. Большинство орудий сделано на отщепках. Пластин мало, микропластинки практически отсутствуют. Сходные материалы получены со стоянок Усть-Кантегир и Сосновка-Джойская, расположенных в нижней части Саянского каньона.

Начало энеолита в Туве можно связывать с проникновением носителей афанасьевской культуры, памятники которой на этой территории все еще малоизвестны. Наиболее надежно с афанасьевской культурой связывается пятый слой стоянки Тоора-Даш, вскрытый на площади в 440 кв. м. Этот слой перекрывали два слоя окуневской культуры. Культурные остатки встречались главным образом около небольших очагов. Обнаруженная в этом слое керамика представлена фрагментами тонкостенных сосудов с округлыми и слегка уплощенными днищами. Несколько сосудов реставрировано полностью. Венчики бывают ровные, приотстренные, с наlepным валиком, с волнистым краем или отогнутые наружу. Декор покрывает весь сосуд сверху донизу, образуя определенные орнаментальные зоны, появившиеся еще в неолите. Основными приемами орнаментации являются гребенка, ложный шнур, в меньшей степени ряды наколов (рис. 1, 1—4). Узор покрывает как округлые, так и уплощенные днища. На округлых днищах орнамент завершается спиральным завитком, на уплощенных — радиально расходящимися оттисками штампа. Подобная керамика найдена на стоянке Хаддынных 1, расположенной на правом берегу Енисея в 22 км ниже Тоора-Даша. Вероятно, население афанасьевской культуры появилось в Туве не ранее рубежа III и II тысячелетий до н. э. Возможно, что отсюда какая-то часть его прошла далее на территорию Монголии², где о их дальнейшей судьбе мы ничего не знаем. Что же касается самой Тувы, то здесь

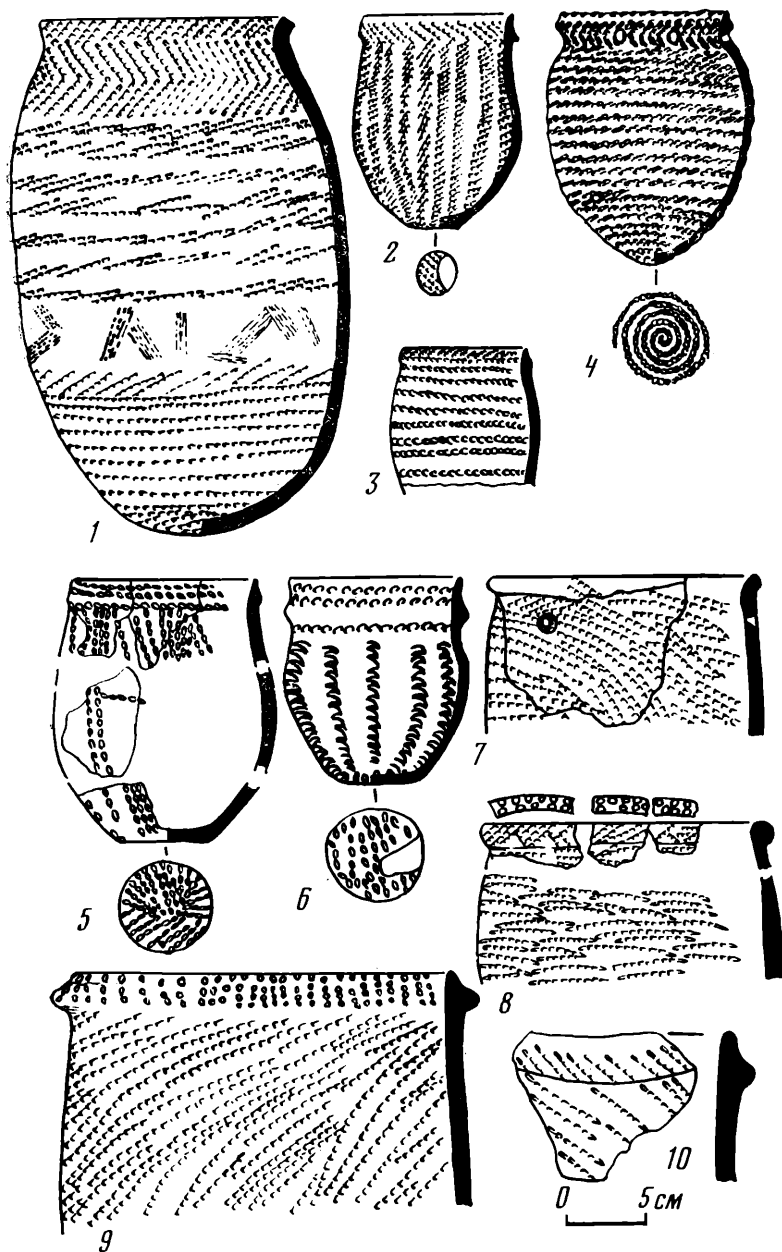

Рис. 1. Керамика эпохи бронзы Тувы

1—4 — керамика афанасьевской культуры (пятый слой стоянки Тоора-Даш); 5—10 — керамика первого этапа окуневской культуры (5—9 — Тоора-Даш, 10 — Азас II в Тодже)

афанасьевские племена приняли участие в следующем культурном сдвиге, происшедшем на Саяно-Алтайском нагорье.

Этот сдвиг связан со сложением в бассейне Среднего и Верхнего Енисея окуневской культуры, эталонные памятники которой находятся в Минусинской котловине, а близкие им известны южнее Саян в Туве и на севере в Канско-Ачинской лесостепи³. Наряду с большим сходством, позволяющим рассматривать все эти памятники как однокультурные, стали выявляться и существенные отличия, обусловленные различной средой обитания, инородными влияниями и неравномерностью развития самой окуневской культуры. Таким образом, в Туве сложилась своеобразная «южная» провинция рассматриваемой культуры, выделяемая по целому ряду признаков.

Наличие на стоянке Тоора-Даш двух окуневских слоев послужило основанием для выделения двух этапов окуневской культуры в Туве: первого, раннего и второго, более позднего, синхронного андроновской культуре на Среднем Енисее.

Для первого этапа характерна плоскодонная керамика, украшенная гребенчатым, накольчатым, прочерченным и ложношнуровым орнаментом. Особенностью этой керамики является наличие орнаментированных налепных валиков под венчиком сосуда. Возможно, что эти валики перешли в окуневскую культуру из афанасьевской, где они были встречены впервые (рис. 1, 5—9). Доказательством того, что этот признак не случаен, а характерен для раннего этапа окуневской культуры, служит присутствие большого числа подобной керамики на стоянках Азас I и II и Тоора-Хем «Первая и Вторая поляны», исследованных в 1969—1975 гг. М. А. Дэвлет⁴. Первые две стоянки расположены на протоке между озерами Азас и Хочжир-Холь, вторые — на р. Тоора-Хем, неподалеку от впадения его в Бий-Хем.

Культурный слой всех исследованных тоджинских стоянок содержал смешанный материал, из которого может быть легко вычленена ранняя окуневская керамика благодаря большой близости с керамикой из шестого культурного слоя Тоора-Даша (рис. 1, 10). Всего на этих стоянках выделены венчики 24 сосудов первого этапа окуневской культуры, 20 из них имели налепные валики, в трех случаях валиков было по два. Орнаментация тоджинской керамики несколько беднее, чем на сосудах с Тоора-Даша. Здесь также имеются керамика второго этапа окуневской культуры и миндалевидные наконечники стрел, типичные для этой культуры в целом. Со стоянки Тоора-Хем «Первая поляна» происходит однолезвийный бронзовый нож, сходный с ножами из седьмого слоя Тоора-Даша. Помимо керамики бесспорно окуневского культурного облика, на стоянках Азас I, Азас II и Тоора-Хем «Первая поляна» есть небольшое число фрагментов от сосудов, совершенно отличных от керамики афанасьевской и окуневской культур. Это сосуды с орнаментацией, выполненной преимущественно оттисками крупного зубчатого штампа и отступающей лопаткой, и слегка загнутыми вовнутрь венчиками, ниже которых проходят ряды глубоких ямочных вдавлений. Дно ямок округлое в отличие от цилиндрических ямок, появившихся на окуневской керамике второго этапа. Возможно, с носителями данной керамической традиции связана микролитическая индустрия, представленная в материалах тоджинских памятников⁵.

Помимо Тоджи и Тоора-Даша, ранняя окуневская керамика с налепными валиками встречена и на стоянке Хаддынных I, где она залегает в одном слое с афанасьевской и керамикой второго этапа.

Каменный инвентарь шестого слоя Тоора-Даша представлен большим количеством наконечников стрел двух типов — миндалевидным с округлым основанием и черешковым. Среди них встречаются наконечники с пильчатой ретушью. Широко представлены терочные камни, отбойники и наковальни.

Вероятно, на первом этапе своего развития окуневская культура в Туве еще сохраняет какую-то преемственность со своими предшественниками. Но уже на втором этапе она приобретает весьма существенные отличия, что знаменует переход от энеолита к эпохе бронзы и установление разнообразных связей населения Тувы с сопредельными территориями Саяно-Алтайского нагорья. К этому этапу относятся: погребения, открытые на р. Уюк⁶, на р. Тарлышкин южнее Танну-Ола⁷, и, вероятно, окуневские могилы в долине р. Чаа-Холь⁸, материалы седьмого культурного слоя стоянки Тоора-Даш, дюнная стоянка Этекшил на левом берегу Бий-Хема ниже устья р. Уюк, керамика, найденная С. А. Теплоуховым на р. Туран, часть керамики со стоянки Хаддынных I, керамика и нефритовый топор из шурфа на городище Бажын-Алаак у пос. Чаа-Холь (раскопки А. М. Мандельштама), а также подъемные материалы с берегов Енисея у Чингисской воронки, напротив устья

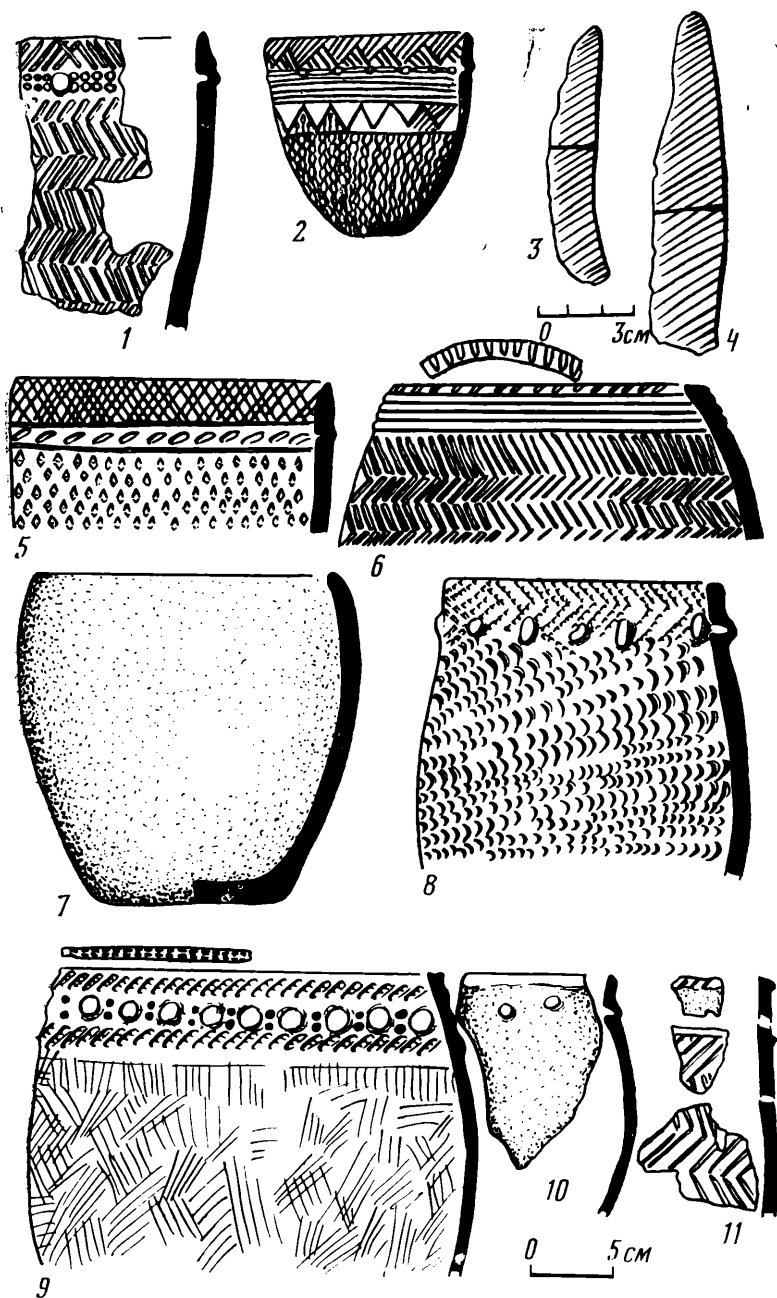

Рис. 2. Керамика и бронзовые ножи из раскопок Тоора-Даша

1, 2, 5-8 — керамика второго этапа окуневской культуры (седьмой слой); 3, 4 — бронзовые ножи из седьмого слоя; 9 — керамика из восьмого слоя; 10, 11 — керамика из девятого слоя

Хемчика, и керамика из долины р. Ус, обнаруженная в 1985 г. Н. А. Бокоренко. Таким образом, вторым этапом датируется большая часть памятников окуневской культуры, известных в Туве.

Основанием для выделения второго этапа, как уже говорилось, послужила керамическая коллекция, полученная из седьмого слоя стоянки Тоора-Даш. Для этой керамики характерно наряду с традиционной гребенчатой и прочерченной орнаментацией наличие геометрических узоров в сочетании с вычурным декором, выполненным сложным штампом (рис. 2, 2). Появляются заштрихованные взаимопроникающие треугольники. Под венчиком вместо налепа проходят пояски жемчужин,

часто расплюснутых пальцами, иногда жемчужины находятся в обрамлении ямочных вдавлений, в ряде случаев верхнюю часть сосуда покрывают ряды горизонтальных желобчатых линий и косая сетка (рис. 2, 1, 5, 6, 8). На некоторых сосудах сохраняется узор на днищах и по краю венчика, но в то же время существует керамика, вообще лишенная орнаментации (рис. 2, 7). Широко распространен декор, выполненный оттисками полулунного штампа или половинкой трубчатой кости (рис. 2, 8).

По всей вероятности, окуневское население этого периода проживало на Тоора-Даше в течение длительного времени, о чем свидетельствуют многочисленные кострища, каменные ящики различных размеров, сооружения культового характера и, наконец, остатки временного жилища. Под ним был выкопан котлован глубиной 0,2 м и диаметром 3 м. Вокруг котлована сохранилась частично разрушенная обкладка из плитняка, в центре находился очаг. С северной стороны к жилищу примыкал очаг более 1 м в диаметре. На северо-востоке и юго-востоке от жилища располагались две хозяйственные ямы до 1,5 м в поперечнике и 0,5 м глубиной. Определенный интерес представляет обнаруженная на поселении грунтовая яма размерами 0,8×0,9 м, перекрытая каменными плитами. В этой яме оказались два черепа быка или коровы и три черепа козла или барана. В непосредственной близости от ямы с черепами находилось еще пять глубоких ямок от 0,1 до 0,25 м диаметром, заполненных мелкодроблеными костями. Вероятно, нечто подобное было открыто в окуневском могильнике под Минусинском Н. В. Леонтьевым⁹.

В этом же слое находилась кремнеобрабатывающая мастерская. Среди отходов производства обнаружены сломанные наконечники стрел, скребок высокой формы. Из других изделий из камня можно отметить пест, грузики для сетей, орнаментированные гальки. В этом же слое найдены два однолезвийных бронзовых ножа (рис. 2, 3, 4) и костяное шило. Седьмой слой исследован на площади 411 кв. м.

Число погребений окуневской культуры в Туве все еще невелико. В отличие от окуневских курганов Минусинской котловины, где несколько (иногда свыше десяти) могил расположено в пределах одной прямоугольной ограды, в Туве встречены лишь разрозненные одиночные погребения в каменных ящиках без признаков наземного сооружения, не составляющие больших родовых кладбищ¹⁰. Различен и обряд и антропологический тип тувинских и минусинских погребений. В минусинских курганах этого времени захоронены люди монголоидного облика, тогда как в окуневских могилах на Аймырлыке погребены европеоиды афанасьевского типа¹¹.

В могилах, открытых на Аймырлыке, погребенные лежали на правом боку или реже на спине, головой, как правило, на северо-запад; в могиле, раскопанной на р. Тарлышкин, погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на запад¹². Как и в разрушенном погребении на р. Уюк, могильная яма была ориентирована по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Во всех случаях имеется устойчивая ориентация на запад, северо-запад, иногда на северо-восток. Погребальный инвентарь сравнительно беден. Кроме баночных сосудов, в аймырлыкских захоронениях встречены каменные бусы цилиндрической формы, небольшие каменные сосуды, металлические предметы плохой сохранности¹³. В погребении на р. Уюк из сопровождающего инвентаря сохранились только обломки сплошь декорированного сосуда и костяная проколка, керамика этого погребения находит аналогии в седьмом слое Тоора-Даша. В могиле на р. Тарлышкин найдены каменный жезл с головой быка или лося, лезвие бронзового ножа и ковш, вырезанный из бедра крупного животного. Л. Р. Кызласов на основании состава металла ножа датирует эту могилу средней порой эпохи бронзы (XVI—XIV вв. до н. э.)¹⁴, что согласуется с предлагаемой датировкой второго этапа окуневской культуры в Туве.

Суммируем те признаки, по которым выделяется «южная» провинция окуневской культуры. Территориально она локализуется к югу и юго-востоку от Минусинской котловины и отделена от последней Западными Саянами. Хронологически окуневская культура складывается в Туве после афанасьевской, вероятно в первой половине II тысячелетия до н. э. (I этап), и получает дальнейшее развитие во второй половине II тысячелетия (андроновское время на Енисее), тогда как в Минусинских степях в этот период окуневские памятники уже исчезают. В процессе формирования окуневской культуры в Туве принимает участие и афанасьевское население, о чем свидетельствует близость некоторых керамических форм (рис. 1, 2, 5, 6) и афанасьевский антропологический тип «окуневцев» из могильников Аймарлык XIII и XXVII. Сами могилы представляют собой одиночные захоронения в каменных ящиках без следов наземных сооружений, что также отличает их от окуневских курганов Среднего Енисея. И наконец, в Центральной Туве не известны такие памятники окуневского искусства, как стелы и гравировки на могильных плитах, хотя в Тодже найдена одна стела с личинами окуневского облика¹⁵.

Вопрос датировки окуневских памятников Тувы довольно сложен. Если верхняя граница этой культуры, как уже говорилось, совпадает с концом собственно афанасьевской, то нижняя весьма неотчетлива, что связано с проблемой выделения культур предскифского времени в бассейне Верхнего Енисея.

К этому времени относятся материалы из восьмого и девятого слоев стоянки Тоора-Даш. Погребения «монгун-тайгинского» типа в неглубоких узких ямах известны по раскопкам в долине р. Хемчик¹⁶, у г. Бай-Даг и на р. Темир-Суг¹⁷, на Торгалыкской оросительной системе¹⁸, стоянка-мастерская Биче-Оймак (раскопки С. Н. Астахова), погребения с окрашенными костяками на портовой площадке у г. Новый Шагонар¹⁹, прямоугольная ограда с кальцинированными костями и богато орнаментированной керамикой с Малиновской оросительной системы²⁰. Вероятно, в это же время в Туву проникают какие-то элементы карасукской культуры, а возможно, и непосредственные ее носители, о чем свидетельствует открытие карасукского погребения на Куйлуг-Хеме²¹.

Керамика, происходящая из восьмого и девятого культурных слоев Тоора-Даша, не имеет пока что аналогий среди других памятников, предположительно относимых к этому периоду. В восьмом слое найдено большое число фрагментов от сосуда, стенки которого покрыты беспорядочными следами расчесов. По венчику проходят два налепных валика, рассеченные отпечатками трехзубого штампа, край венчика орнаментирован тем же штампом, между валиками пояс «жемчужин» в обрамлении цилиндрических ямок (рис. 2, 9). В девятом слое встречены гладкая с жемчужинами керамика (рис. 2, 10) и керамика с прочерченным елочным орнаментом, также с налепным валиком и декорированным краем венчика (рис. 2, 11). Выше, в слое 10а, обнаружена только гладкая без орнамента керамика, но и на ней сохраняются налепные валики. Следующий слой 10 относится к скифскому времени и датируется V—III вв. до н. э. Таким образом, несмотря на незначительность керамического материала из предскифских слоев Тоора-Даша, они все же отражают сложный процесс, протекавший в это время на территории Тувы. Здесь можно поставить вопрос о притоке какого-то нового населения, с одной стороны, и о сохранении традиций бронзового века — с другой, что отражено в богатой орнаментации части керамики девятого слоя. В целом материалов по этому периоду получено все еще мало и хронология имеющихся предскифских памятников, в том числе и большей части захоронений в наземных камерах, остается неясной.

- ¹ Семенов Вл. А. Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее: (К проблеме периодизации культур эпох неолита и бронзы Тувы) // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 20—25.
- ² Волков В. В. Курганы афанасьевского типа в Монголии // Археологийн судлал. Улан-Батор, 1980. Т. 9. С. 13—16.
- ³ Савинов Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Новосибирск, 1981. С. 111—117; Курочкин Г. Н. Поселение эпохи ранней бронзы на Кадатском водохранилище // Древние культуры Евразийских степей. С. 56—58.
- ⁴ Дэвлет М. А. Археологические исследования в Тодже в 1971—1972 гг. // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1973. Вып. 16. С. 211—213; Она же. Стоянка Тоора-Хем «Вторая поляна» в Северо-Восточной Туве // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 104—106.
- ⁵ Автор приносит благодарность М. А. Дэвлет за любезное разрешение ознакомиться с материалами тоджинских стоянок.
- ⁶ Вайнштейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. 2. С. 142, табл. 2.
- ⁷ Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979. С. 25, 26.
- ⁸ Мандельштам А. М. О некоторых результатах новых археологических исследований в Центральной Туве // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: Информ. бюл. М., 1983. Вып. 4. С. 7, 8.
- ⁹ Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максимова Г. А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. С. 31.
- ¹⁰ Мандельштам А. М. О некоторых результатах... С. 7, 8.
- ¹¹ Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. 1980. Вып. 36. С. 28, 29.
- ¹² Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л., 1966. С. 25.
- ¹³ Мандельштам А. М. О некоторых результатах... С. 7, 8.
- ¹⁴ Кызласов Л. Р. Древняя Тува. С. 25, 26.
- ¹⁵ Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976. С. 29.
- ¹⁶ Грач А. Д. Археологические раскопки... С. 86—95.
- ¹⁷ Мандельштам А. М. Новые данные о могильниках Бай-Даг II и III // АО 1967 г. М., 1968. С. 170; Она же. Работы в долине Темирсука // АО 1981 г. М., 1982. С. 213.
- ¹⁸ Семенов Вл. А. Раскопки курганов в зоне строительства Торгалыкской оросительной системы в Туве // Археологические исследования в зонах мелиорации: Итоги и перспективы их интенсификации. Л., 1985. С. 68, 69.
- ¹⁹ Мандельштам А. М., Шаровская Т. А., Бестужев Г. Н. Раскопки в зоне строительства г. Новый Шагонар // АО 1978 г. М., 1979. С. 247.
- ²⁰ Мандельштам А. М. Работы в зоне строительства Машиновской оросительной системы // АО 1977 г. М., 1978. С. 253.
- ²¹ Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 93.

М. Н. ПШЕНИЦЫНА, А. С. ПОЛЯКОВ

ПОГРЕБЕНИЯ РОДОПЛЕМЕННОЙ ЗНАТИ ТАГАРСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ ХАКАСИИ

С. В. Киселев, анализируя результаты раскопок Большого Салбыкского кургана, писал, что «они заставляют пересмотреть вопрос об уровне общественного развития тагарских племен, еще недавно рисовавшихся исследователями на уровне ничем не нарушенного первобытнообщинного строя»¹. Впервые весьма значительная социально-экономическая дифференциация общества в эпоху ранних кочевников была отмечена М. П. Грязновым на примере Первого Пазырыкского кургана². Раскопки кургана Аржан еще раз наглядно подтвердили правильность высказанных предположений³. Такие памятники, как Пазырык, Туэкта, Башадар, Большой Салбыкский курган, курган Аржан служили усыпальницами высших иерархов — «царей» или «вождей племенных союзов». Погребения Кара-Кургана I и кургана Узун-Оба, исследованные А. В. Адриановым, М. П. Грязнов охарактеризовал как могилы представителей высшей племенной знати, возможно, вождей племен⁴.

К настоящему времени круг источников значительно расширен. Материалы курганов 2 и 3 на оз. Сарыгаш⁵, кургана 1 могильника Улуг-Кюзюр⁶, кургана 2 могильника Разлив 1⁷ и ряда других памятников⁸

характеризуют, на наш взгляд, среднюю степень социальной лестницы — родовую или родоплеменную знать.

В статье публикуются материалы раскопок Большого Табатского кургана, исследованного М. Н. Пшеницыной в 1976 г.⁹, и кургана 3 могильника Колок — А. С. Поляковым в 1979 г.¹⁰ в Бейском р-не Хакасской АО.

Большой Табатский курган находился на территории Табатской оросительной системы в 4 км к северо-западу от с. Табат. До раскопок он представлял собой земляной холм диаметром 38 м и высотой 2,3 м с десятью массивными столбообразными плитами в основании насыпи. Каменная ограда кургана (25×21 м) из вертикально поставленных плит дополнена сверху кладкой из мелкого плитняка и ориентирована сторонами по странам света. В середине ее восточной стены — вход в ограду. На шести плитах ограды выбиты изображения, одно из них — личина окуневского времени. В ограде размещались три основные могилы, расположенные в ряд с севера на юг. Каждая из них представляла собой квадратную (могила 1) или прямоугольную (могилы 2 и 3) яму глубиной от 1,1 до 1,7 м, в которую был поставлен сруб в два-три венца (диаметр бревен 25—30 см) с полом из горбылей, досок или жердей, укрепленный снаружи тыном и накрытый бревенчатым потолком. В могиле 1 потолок сруба был покрыт тремя слоями бересты. Размеры срубов в среднем 3,4×3 м, высота 0,55—0,7 м. Сверху ямы закрыты накатом из бревен (диаметр 40—50 см), уложенных в три-четыре слоя в направлении восток — запад на лаги диаметром 40 см. Вся площадь внутри ограды кургана и бревенчатые накаты над ямами сверху были заложены нарезанными кусками дерна. Земляное сооружение кургана первоначально, видимо, имело форму усеченной пирамиды, в основании которой и находилась каменная ограда — крепида.

Могилы ограблены. Северная погребальная камера (могила 3) сожжена. Могилы коллективные, всего в них было захоронено не менее 50 человек (взрослых и детей)¹¹. Погребенные лежали на спине в вытянутом положении. При них найдены кости не менее чем от 25 особей лошади, коровы и овцы — остатки мясной пищи¹². Глиняная посуда встречается в каждой могиле. Всего обнаружено не менее 30 сосудов баночной (рис. 1, 3, 5) или кубовидной (рис. 1, 6—10, 11, 13—15) формы. В могиле 3 найдено пять кувшинообразных (рис. 1, 2, 4). Все сосуды, кроме двух, украшенных по венчику полосой из подтреугольных вдавлений, без орнамента, темно-коричневого, черного или красноватого цвета, иногда с лощением. В могиле 3 найдены фрагменты деревянных резных сосудов. Среди них один, видимо, трипод, имеющий подставку, которой придана форма ноги копытного животного. Оружие представлено двумя бронзовыми (рис. 2, 17, 18) и одним костяным (рис. 2, 19) наконечниками стрел, бронзовым чеканом (рис. 2, 23) и четырьмя втоками (рис. 2, 24—27). Орудия труда — не менее шести бронзовых ножей (рис. 2, 7, 8, 20, 21) и два шила (рис. 2, 9). В могиле 1 обнаружены пять бронзовых дисковидных зеркал (рис. 2, 2, 3), два коромыслообразных предмета неизвестного назначения (рис. 2, 5, 6). В насыпи найдено бронзовое «долото», не относящееся к предметам погребального инвентаря (рис. 2, 28). Скорее всего, это инструмент для обработки дерева, случайно оставленный на месте работ строителями кургана. Части одежды и украшения представлены бронзовыми бляхой в виде фигуры лежащего оленя (рис. 2, 4), полусферическими бляшками (45 экз.) (рис. 3, 14—16), трубочками-пронизками (15 экз.), биконическими бусами, ножными браслетами. В большом количестве (150 экз.) найдены бусы из цветной стекловидной массы, из них — две глазчатые (рис. 3, 1, 2), одна буса — из желтоватого камня (рис. 3, 7), две — сердоликовые (рис. 3, 4, 5). Кроме того, имеются имитации раковин «каури» (8 экз.) (рис. 3, 9, 10) и две трехжелобчатые бляшки (рис. 3, 8, 13) из аргиллита, еще одна такая же — каменная (рис. 3, 3). Из камня

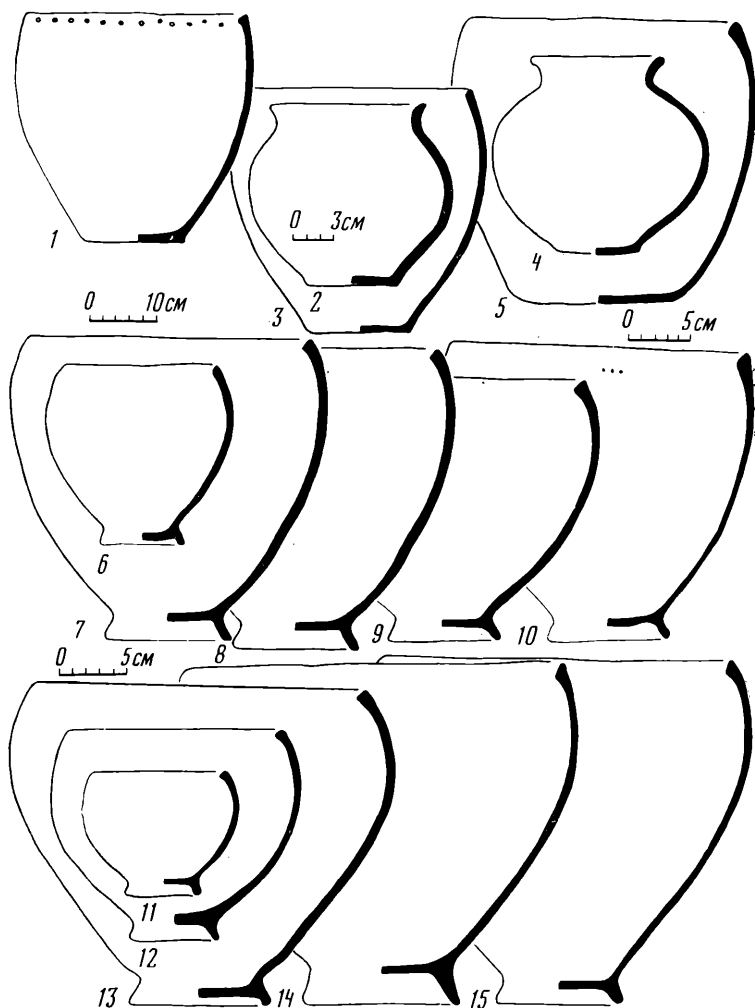

Рис. 1. Глиняные сосуды из кургана 3 могильника Колок

(1 — могила 2; 12 — могила 1) и из Большого Табатского кургана (2—4, 6, 8, 9, 11, 13—15 — могила 3; 5, 7, 10 — могила 1)

же изготовлены грушевидная подвеска (рис. 3, 12), две другие, имитирующие клык животного (рис. 3, 11), и кольцо (рис. 3, 6).

Могила 3 отличается от остальных большим количеством украшений из листового золота. Это полусферические бляшки (17 экз.) (рис. 4, 13—22), конусовидные серьги (?) (15 экз.) (рис. 4, 25—29, 36—42) и проволоочная дужка от одной из них (рис. 4, 24), трубочки-пронизки (4 экз.) (рис. 4, 43—45), прямоугольные, овальные, треугольные и ромбовидные пластинки (рис. 4, 31—35, 46—48), мелкие фрагменты от фигурных накладок (рис. 4, 49—51). Замечательны нашивные бляшки в виде фигурок стоящего хищника из семейства кошачьих: восемь вырезаны по контуру фигуры (рис. 4, 1—6, 10, 11), одна с необрезанными краями (рис. 4, 7) и две фигурки кабанов (рис. 4, 8, 9). В остальных двух могилах найдены полусферическая бляшка (рис. 4, 12), прямоугольная пластинка (рис. 4, 30) и две фигурные накладки (рис. 4, 23) из листового золота. Есть обрывки ткани и войлока.

Исследованный курган по устройству могил относится к сарагашенскому этапу тагарской культуры (IV—III вв. до н. э.). Невысокий (до 1 м) сруб с деревянным полом и бревенчатым потолком, укрепленный снаружи тыном, бревенчатый накат над могильной ямой, иногда застланный берестой и опирающийся концами на лаги, — типичная для

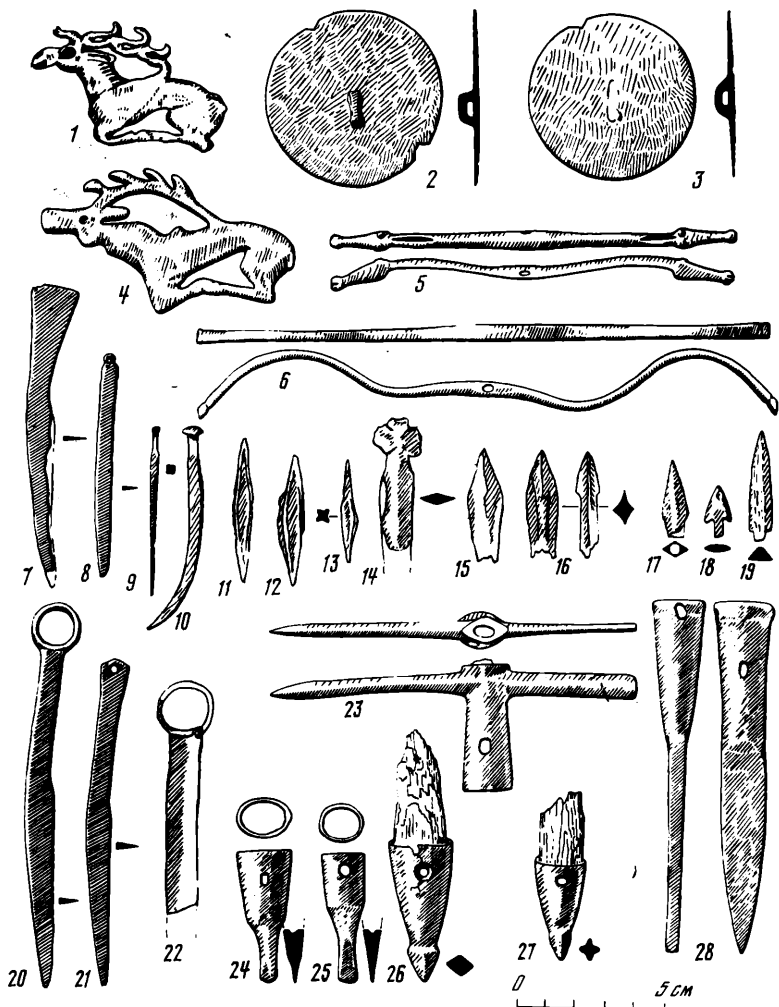

Рис. 2. Вещи из кургана 3 могильника Колок

1, 10, 13 — могила 3; 22 — могила 2; 11, 12, 14—16 — могила 1) и из Большого Табатского кургана (2, 3, 5—8, 17, 20, 21, 23—27 — могила 1; 4, 9, 18, 19 — могила 3; 28 — из насыпи)
1—18, 20—28 — бронза; 19 — кость

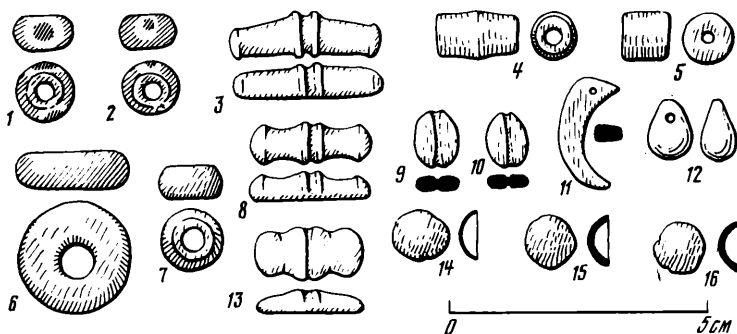

Рис. 3. Украшения из Большого Табатского кургана

1, 2, 4, 7 — могила 1; 5 — могила 2; 3, 8—16 — могила 3; 6 — из насыпи
1, 2 — стекло; 3, 6, 7, 11, 12 — камень; 4, 5 — сердолик; 8—10, 13 — аргиллит; 14—16 — бронза

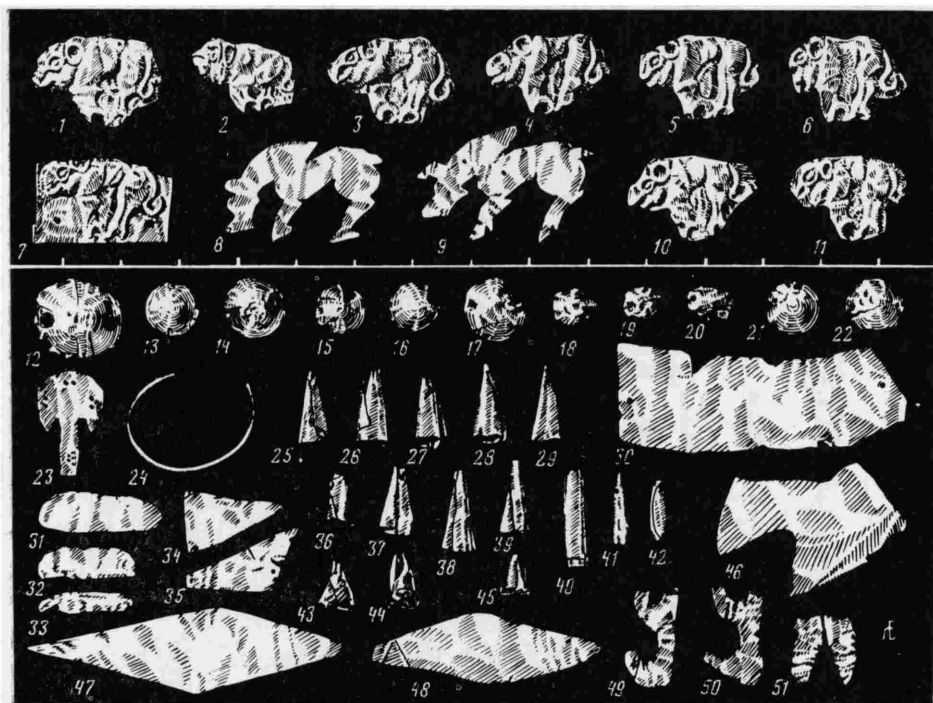

Рис. 4. Украшения из листового золота из Большого Табатского кургана

1—11, 13—22, 24—29, 31—51 — могила 3; 12, 23 — могила 2; 30 — могила 1

сарагашенского этапа погребальная конструкция¹³. Но по ряду признаков он отличается от других памятников этого времени из южных предгорных районов Хакасии¹⁴. Наличие монументальной каменной ограды при небольшом количестве погребенных в могилах (12, 10, 27 человек) свидетельствует о высоком общественном ранге захороненных в кургане¹⁵. Показателен и остеологический состав: в могилах обнаружены остатки от пяти особей лошади, 11 особей коровы, девяти особей овцы, являвшихся, вероятно, символом богатства и власти. Наконец, высокое социальное положение погребенных подтверждают находки серий украшений одежды из листового золота — факт, примечательный еще и тем, что до сих пор в синхронных памятниках были известны лишь единичные предметы из золота¹⁶. Внутренняя хронология памятника, опирающаяся на его стратиграфию, позволяет сделать ряд наблюдений. Все три могилы кургана как по своему устройству, так и по погребальному инвентарю датируются единым хронологическим периодом — сарагашенским этапом тагарской культуры¹⁷. И тем не менее могила 3, судя по стратиграфии кургана, была сооружена позднее предыдущих. В пользу этого говорит и обряд сожжения погребальной камеры, появившийся в конце сарагашенского этапа и окончательно утвердившийся на тесинском этапе. Наличие в могиле фрагментов деревянных сосудов, глиняных кувшинов также подтверждает ее позднюю дату. М. П. Грязнов на примере кургана у д. Лепешкиной, раскопанного С. А. Теплоуховым, выделил лепешкинский этап тагарской культуры (II в. до н. э.) по двум признакам — наличию в погребениях бронзовых миниатюр и обряду сожжения погребальной камеры¹⁸. Отсутствие бронзовых миниатюр не позволяет отнести могилу 3 к этому этапу. Полученные материалы еще раз убеждают в необходимости более дробного хронологического деления памятников в рамках второй стадии тагарской культуры, о чем писал С. В. Киселев¹⁹. При этом нельзя не учитывать и локальных особенностей тагарской культуры. Большой Табатский курган находился в южной, предгорной части Ми-

нусинской котловины, географически и исторически тесно связанной с Тувой и Алтаем. Материалы кургана позволяют проследить эту связь. Трехлобчатые бляшки широко представлены в Аржане²⁰, известны в Тодже в могильнике VI в. до н. э.²¹, на Верхней Оби в памятниках VII—VI вв. до н. э.²². В предгорьях Саян две бляшки найдены в могильнике сарагашенского этапа Медведка I²³. Аналогии золотым конусовидным серьгам есть в могильнике VII—VI вв. до н. э. Хемчик-Бом III в Туве²⁴, в курганах V—IV вв. до н. э. у с. Быстринского на Алтае²⁵. Золотые бляшки в виде фигурок кошачьих хищников найдены в кургане V—IV вв. до н. э. на Алтае²⁶, в могильнике Куйлуг-Хем I, кургане 9 V—III вв. до н. э. в Туве²⁷. На юге Хакасии одна такая бляшка происходит из кургана 2 могильника Степановка²⁸. Более отдаленные аналогии украшениям из листового золота в виде фигурок кабанов известны в Чиликтинском кургане²⁹. Характерно, что технология «табатских» бляшек подобна выявленной С. А. Семеновым при анализе вещевого комплекса из Чиликтинского кургана³⁰. При этом следует отметить сильную стилизацию в их изображении. Как указано выше, аналогии некоторым вещам Большого Табатского кургана происходят из комплексов VII—VI вв. до н. э. Тем не менее погребальные конструкции и остальной инвентарь кургана не дают оснований для более ранней их датировки в Минусинской котловине, равно как и исключают их использование в качестве датирующих вещей. Вероятнее всего, к северу от Саян эти вещи появляются только в IV—III вв. до н. э. в результате контактов с племенами Восточного Казахстана, возможно, через Алтай.

Могильник Колок находился в 3 км к западу от г. Саяногорска. Курган 3 до раскопок представлял собой земляной холм диаметром 25 м и высотой 2,5 м. Каменной ограды или ее остатков в процессе работ не обнаружено. Вероятно, она могла быть сооружена из кусков дерна или из дерева и не сохранилась. Стратиграфия насыпи приводит к заключению, что над каждой из погребальных камер были возведены сооружения из нарезанного кусками дерна, имевшие, по-видимому, форму усеченных пирамид, которые со временем разрушились и превратились в округлую насыпь-курган. Под насыпью — три погребальные камеры, подвергшиеся, вероятно, дважды ограблению. Из них две (могилы 1 и 2) сооружены одновременно и одна (могила 3) — позднее предыдущих. Всего в трех могилах кургана были погребены пять человек — три женщины, ребенок 7—8 лет и новорожденный. Индивидуальные захоронения (могилы 1 и 2) представителей родоплеменной знати наряду с коллективными склепами рядовых членов общества характерны для сарагашенского этапа тагарской культуры (IV—III вв. до н. э.)³¹.

Могилы сооружены одинаково. В грунтовую яму квадратной или близкой к ней формы глубиной 1,5—1,7 м поставлен сруб в три венца размерами в среднем 3,3×3,1 м, прочность которого обеспечивалась бревенчатым тыном между стенками сруба и ямы. Дно застлано дощатым полом. Покрытием ямы служил бревенчатый накат в три слоя, концы бревен которого опирались на лаги, уложенные вдоль ее бортов. Накат застлан слоями бересты. На восточном борту могилы 3 сохранились остатки наземной части входа (возможно, ложного) из 15—18 бревен, опиравшихся на два столба. Такая конструкция погребальных камер типична для сарагашенского этапа тагарской культуры³². Погребальный инвентарь в целом представлен глиняной посудой и изделиями из бронзы, также характерными для сарагашенского этапа³³. Найдено не менее 15 баночных и кубовидных (рис. 1, 12) сосудов, в основном неорнаментированных. Один баночный сосуд украшен под венчиком рядом сквозных круглых отверстий (рис. 1, 1). Оружие представлено бронзовыми втульчатыми (рис. 2, 15, 16) и черешковыми наконечниками стрел (5 экз.), фрагментом миниатюрного кинжала (рис. 2, 14) и втоками (2 экз.). Орудия труда — фрагмент ножа с кольчатым навершием (рис. 2, 22), два шила (рис. 2, 10), три ромбических

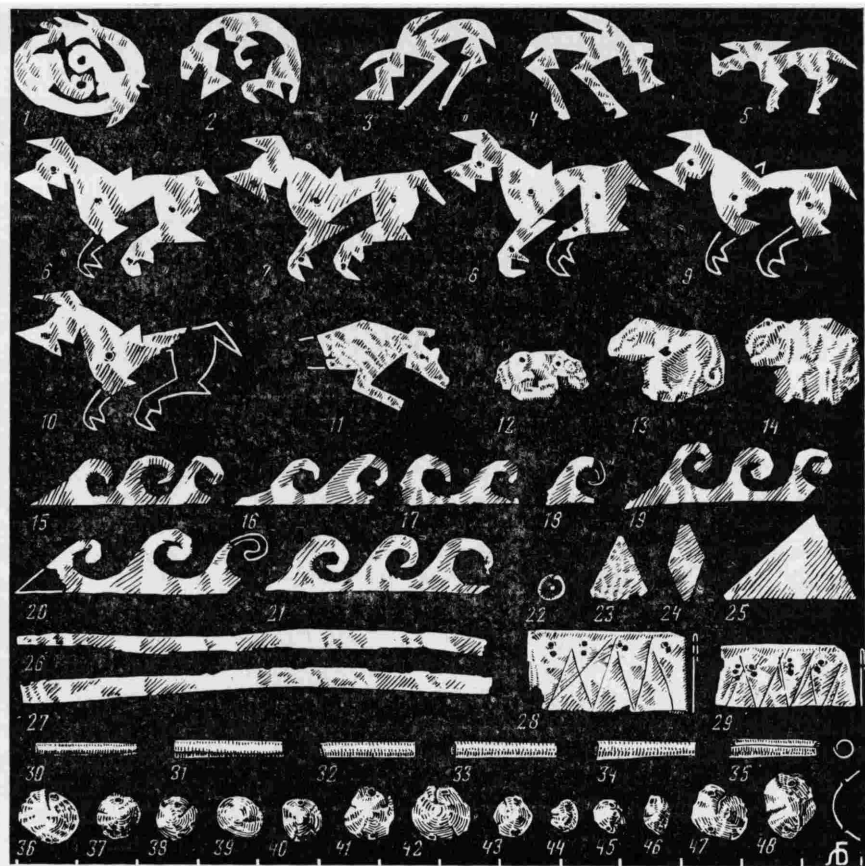

Рис. 5. Украшения из листового золота из могилы 3 кургана 3 могильника Колок

«шила» (провертки?) (рис. 2, 11—13), все из бронзы. Из предметов туалета и украшений найдены бронзовые дисковидные зеркала с петелькой на обороте (2 экз.), бляха в виде фигуры лежащего оленя (рис. 2, 1), фрагменты диадем (2 экз.), трубочки-пронизки (10 экз.), несколько десятков бус из цветной стекловидной массы, каменные бусы (6 экз.), сердоликовые подвеска и бочонковидная буса. Из листового золота изготовлены 43 предмета. Кроме того, еще 15 найдено во фрагментах. Среди них диадемы (2 экз.), полусферические бляшки (15 экз.) (рис. 5, 36—48), трубочки-пронизки (6 экз.) (рис. 5, 30—35), проволочное колечко (рис. 5, 22), треугольные и ромбовидные пластинки (рис. 5, 23—25), прямоугольные с прочерченным орнаментом (рис. 5, 28, 29), волнообразные накладки в виде орнамента «бегущая волна» (рис. 5, 15—21), узкие прямоугольные пластинки (рис. 5, 26, 27), нашивные бляшки в виде фигурок хищников — стоящих (5, 6—11, 13—14), лежащего (рис. 5, 12), свернувшихся в кольцо (рис. 5, 1) и полукольцо (рис. 5, 2) — и три фигурки кабанов (рис. 5, 3—5). Технология изготовления фигурок из золотого листа — вырезание без шаблона (фигурки хищников и кабанов) и выдавливание на твердой форме (фигурки хищников) — аналогична прослеженной на материалах Чиликтинского кургана³⁴. При этом изображения и кабанов и хищников крайне стилизованы. Это, возможно, объясняется тем, что ювелирное производство, появившееся у тагарских племен в IV—III вв. до н. э., не имело традиционной основы, а носило пришлый характер, выразившийся в новизне образов и технологии изготовления, что отразилось на качестве изображений. «Небрежность» мастера может быть объяснена и тем, что эти вещи предназначались для погребения. Вопросы остаются от-

крытыми до получения достаточного количества новых материалов. Не исключен прямой контакт тагарских племен предгорной полосы с пазырыкскими племенами Алтая, великолепно владевшими техникой работы по листовому золоту. Подтверждением этому могут служить валютообразные накладки, находящие прямые аналогии в материалах Второго Туэктинского кургана³⁵.

Отметим, что во всех трех могилах погребены женщины. О высоком общественном положении женщин, например у среднеазиатских скифов, сообщают античные письменные источники³⁶. Возможно, захоронения женщин в кургане 3 принадлежат жрицам, связанным с отправлением культа огня. Вероятность такой трактовки не исключает находок в могиле 1 ребер и лопатки овцы, а в могиле 2 — бронзового ажурного навершия, украшенного 12 фигурками (по шесть в ряду) горных козлов, которых в литературе иногда называют «факельницами»³⁷. Атрибутика женщины-жрицы, служительницы культа огня, убедительно прослежена по материалам женского погребения V в. до н. э. Калкансайского могильника в долине Зарафшана с привлечением этнографических параллелей, в частности у тюркских народов. Одним из таких атрибутов является кость правого бока овцы, которая до сих пор подносится у хакасов уважаемому члену общества³⁸. Одноактность совершенных в кургане 3 захоронений подчеркивает, на наш взгляд, не просто высокое, а исключительное положение умерших в обществе.

Тагарская культура развивалась на протяжении 700 лет. Возникают вопросы: было ли тагарское общество изначально социально однородным или нет и с какого времени началась его дифференциация? На подгорновском этапе, по археологическим данным, выделилась каста воинов, послужившая в дальнейшем основой для родоплеменной аристократии. Многоступенчатая социальная структура тагарского общества складывается только на сарагашенском этапе, еще одно свидетельство тому — публикуемые материалы³⁹.

- ¹ Киселев С. В. Краткий отчет о раскопках Большого Салбыкского кургана в 1955 г. // Арх. ИА. Ф. 1. Д. 1165. С. 6, 7.
- ² Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 68.
- ³ Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- ⁴ Грязнов М. П. Миусинская курганная культура: (Рукопись) // Арх. ЛОИА. Ф. 91. С. 40—44; Он же. Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 195.
- ⁵ Грязнов М. П., Пшеницына М. Н. Курганы III—IV вв. до н. э. на оз. Сарагаш // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 62—69.
- ⁶ Пшеницына М. Н. Раскопки могильника Улуг-Кюзюр на Енисее // АО 1965 г. М., 1966. С. 18, 19.
- ⁷ Пшеницына М. Н. Курганы и могилы на дне Красноярского водохранилища // АО 1973 г. М., 1974. С. 218.
- ⁸ Седых В. Н., Пульс Е. Д., Подольский М. Л. Раскопки в зоне Означенской и Абаканской оросительных систем // АО 1980 г. М., 1981. С. 207; Вадецкая Э. Б. Первые итоги работ на КАТЭКе // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 55, 56.
- ⁹ Пшеницына М. Н. Отчет о работах Бейской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА; Пшеницына М. Н., Подольский М. Л. Работы Бейской экспедиции // АО 1976 г. М., 1977. С. 235, 236.
- ¹⁰ Поляков А. С. Отчет о раскопках 1979 г. // Арх. ИА; Пшеницына М. Н., Молодин В. М., Полосьмак Н. В., Поляков А. С. Работы Средне-Енисейской экспедиции // АО 1979 г. М., 1980. С. 229.
- ¹¹ Антропологические определения здесь и далее сделаны М. П. Грязновым.
- ¹² Osteологические определения здесь и далее сделаны Н. М. Ермоловой.
- ¹³ Грязнов М. П., Пшеницына М. Н. Курганы III—IV вв. до н. э. ... С. 66.
- ¹⁴ Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниенко С. В. Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры Евразийских степей. С. 75—81.
- ¹⁵ Грязнов М. П., Пшеницына М. Н. Курганы III—IV вв. до н. э. ... С. 68.
- ¹⁶ Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниенко С. В. Некоторые итоги ... С. 76, рис. 1, 3—5.
- ¹⁷ Грязнов М. П. Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 192.
- ¹⁸ Грязнов М. П. и др. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 4.
- ¹⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 276.
- ²⁰ Грязнов М. П. Аржан ... С. 23, рис. 12, 2—4.

- ²¹ Дзвлет М. А. Памятники «скифского» времени в Северо-Восточной Туве // Перво-бытная археология Сибири. Л., 1975. С. 119—127, рис. 8, 2.
- ²² Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по материалам раскопок близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. Табл. XIX, XXI.
- ²³ Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниченко С. В. Некоторые итоги ... С. 76, рис. 1, 6, 7.
- ²⁴ Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 248, рис. 110, 6.
- ²⁵ Завитухина М. П. Курганы у с. Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 61—77, рис. 2, 3; 3, 3.
- ²⁶ Там же. С. 64, рис. 3, 1.
- ²⁷ Грач А. Д. Древние кочевники ... С. 226, рис. 88.
- ²⁸ Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красниченко С. В. Некоторые итоги ... С. 76, рис. 1, 4;
- ²⁹ Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1965. С. 37, табл. XVII.
- ³⁰ Семенов С. А. Технология ювелирного производства у ранних кочевников Казахстана // Черников С. С. Загадка золотого кургана. М.; Л., 1965. С. 157—159.
- ³¹ Грязнов М. П., Пшеницына М. Н. Курганы III—IV вв. до н. э. ... С. 67, 68.
- ³² Там же. С. 66.
- ³³ Грязнов М. П. Тагарская культура. Т. 1. С. 192.
- ³⁴ Семенов С. А. Технология ювелирного производства ... С. 157—159.
- ³⁵ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. С. 155, рис. 97.
- ³⁶ Пьянков И. В. Общественный строй ранних кочевников по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 89, 90.
- ³⁷ Вадецкая Э. Б. Первые итоги ... С. 55.
- ³⁸ Обельченко О. В. Некоторые черты общественного строя ранних кочевников долины Зарафшана по археологическим данным // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. С. 82, 83.
- ³⁹ Авторы приносят глубокую благодарность художнику-архитектору Л. Н. Баранову, выполнившему рисунки украшений из листового золота к настоящей статье.

Г. Н. КУРОЧКИН

ЗОЛОТЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ БОЛЬШОГО НОВОСЕЛОВСКОГО КУРГАНА

Погребальные памятники тагарской культуры изучаются уже давно, но особенно интенсивно в последние годы, что связано с расширением масштабов сельскохозяйственных и строительных работ на территории Южной Сибири. Практически все раскопанные курганы тагарской культуры принадлежат рядовому населению. Предпринимались попытки хоть как-то выделить среди общей массы тагарских курганов погребальные сооружения, принадлежащие знати¹. Однако единственным погребальным памятником, по поводу которого среди специалистов нет разногласий относительно его принадлежности верхушке тагарского общества, является Большой Салбыкский курган, раскопанный в 50-х годах известным советским археологом С. В. Киселевым². К сожалению, этот огромный курган оказался почти дочиستا разграбленным еще в древности. Поэтому до последнего времени полностью сохраняли свою силу слова, сказанные одним из крупнейших исследователей Саяно-Алтая — С. И. Руденко: «До сих пор в Сибири не было исследовано ни одного богатого кургана, который не был бы хищнически раскопан с целью добычи металлических изделий, в первую очередь из ценных металлов. Поэтому эти курганы дают представление только о типах орудий и о вооружении южносибирских племен, найденные же в них ювелирные серебряные и золотые вещи, ускользнувшие от внимания грабителей названных курганов, исчисляются единицами»³.

В 1984 г. одним из отрядов Средне-Енисейской экспедиции под руководством автора был раскопан Большой Новоселовский курган (курган 2 могильника Толстый Мыс V), принадлежащий тагарской племенной знати. По размерам насыпи и подкурганного сооружения, а также по трудовым затратам в расчете на одного погребенного данный курган из всех раскопанных курганов тагарской культуры уступает только

знаменитому Салбыкскому, а по количеству и ассортименту золотых изделий далеко превосходит любой из тагарских курганов.

Курган расположен к востоку от пос. Толстый Мыс Новоселовского р-на Красноярского края, в 1—1,5 км от двух других курганов могильника Толстый Мыс V. Под оплывшей насыпью высотой 4,3 м и диаметром 70 м выявлена квадратная в плане крепида размером 35×35 м, сложенная из плит известняка с 18 вертикальными опорными (угловыми и простеночными) камнями высотой до 5 м. Максимальная сохранившаяся высота кладки 1,7 м при ширине 1—1,5 м. В центральной части подкурганного сооружения — могильная яма 6×6 м и глубиной 3 м. Пол ямы выслан берестой и покрыт плахами. Края ее укреплены сплошным тыном из вертикальных плах, а углы — массивными бревенчатыми стойками. Затем был сооружен невысокий (до 1 м) сруб из тонких плах. Перекрытие ямы многослойное: на мощные лаги диаметром до 70 см были положены в 3 наката стволы лиственницы; бревенчатое покрытие забрано несколькими слоями бересты, поверх которой положен войлок, придавленный косою решеткой из тонких жердей; затем снова береста и вязанки хвороста, придавленные параллельно лежащими шестами.

С западной стороны ямы сооружен вход для последовательного захоронения нескольких знатных лиц — два «пилона» из вертикальных бревен, поставленных на настил из бересты и полубревен и перекрытых горизонтальными полубревнами, образуют проход высотой 1,6 м и шириной 1 м. Входное сооружение облицовано берестой. Пространство внутри крепиды было заложено дерном на высоту кладки, незаложеной на некоторое время была оставлена площадка непосредственно перед входом — «вестибюль». После захоронения вход был закупорен «пробкой» из плит известняка, «вестибюль» засыпан землей и сооружена вторая, меньшая по площади ступень надмогильного сооружения, а возможно (по косвенным признакам), и третья ступень, непосредственно над могилой. Таким образом, надмогильное сооружение первоначально имело вид трехступенчатой пирамиды высотой около 6 м.

Курган ограблен по меньшей мере дважды: в последний раз уже после того, как перекрытие просело в могильную яму, через лаз, впущенный с верха насыпи; северо-восточный угол погребальной камеры полностью разрушен этим поздним лазом. Впервые могила была ограблена через проруб в потолке входного сооружения, когда мощное перекрытие было еще целым, а невысокий сруб и тын из тонких плах подгнили и обрушились, после чего осыпались края ямы. Благодаря этому обстоятельству уцелели, хотя и не полностью, остатки золотых украшений сруба. Все остальное пространство камеры было разграблено полностью. На полу сохранились только разрозненные кости нескольких человек, в том числе три мужских черепа со следами посмертной трепанации в затылочной части. Кости еще одного человека найдены в заполнении ямы у входа и как бы «стекали» в погребальную камеру из входа по мере осыпания стенок ямы. Из входа попал в яму и череп коня. Еще один конский череп найден с наружной стороны входа, на косяке. Кроме того, в заполнении входа найден переотложенный (без нижней челюсти) череп взрослого мужчины (возможно, телохранителя). В юго-западном углу ограды — погребение молодого человека в скорченной позе, без инвентаря (закладная жертва).

Находки в кургане (если не считать золотых изделий) немногочисленны. Это массивный бронзовый котелок-курильница в юго-западном углу погребальной камеры, бронзовый нож с рукоятью, обложенной золотой фольгой, небольшое количество бус, обломки нескольких глиняных котловидных сосудов с ручками и на поддоне, железный нож в золотой обертке (во входе). По глиняным имитациям бронзовых котлов и железному ножу курган может быть отнесен к так называемому лепешкинскому, предтесинскому этапу тагарской культуры и ориентировочно датирован III, может быть, началом II в. до н. э.

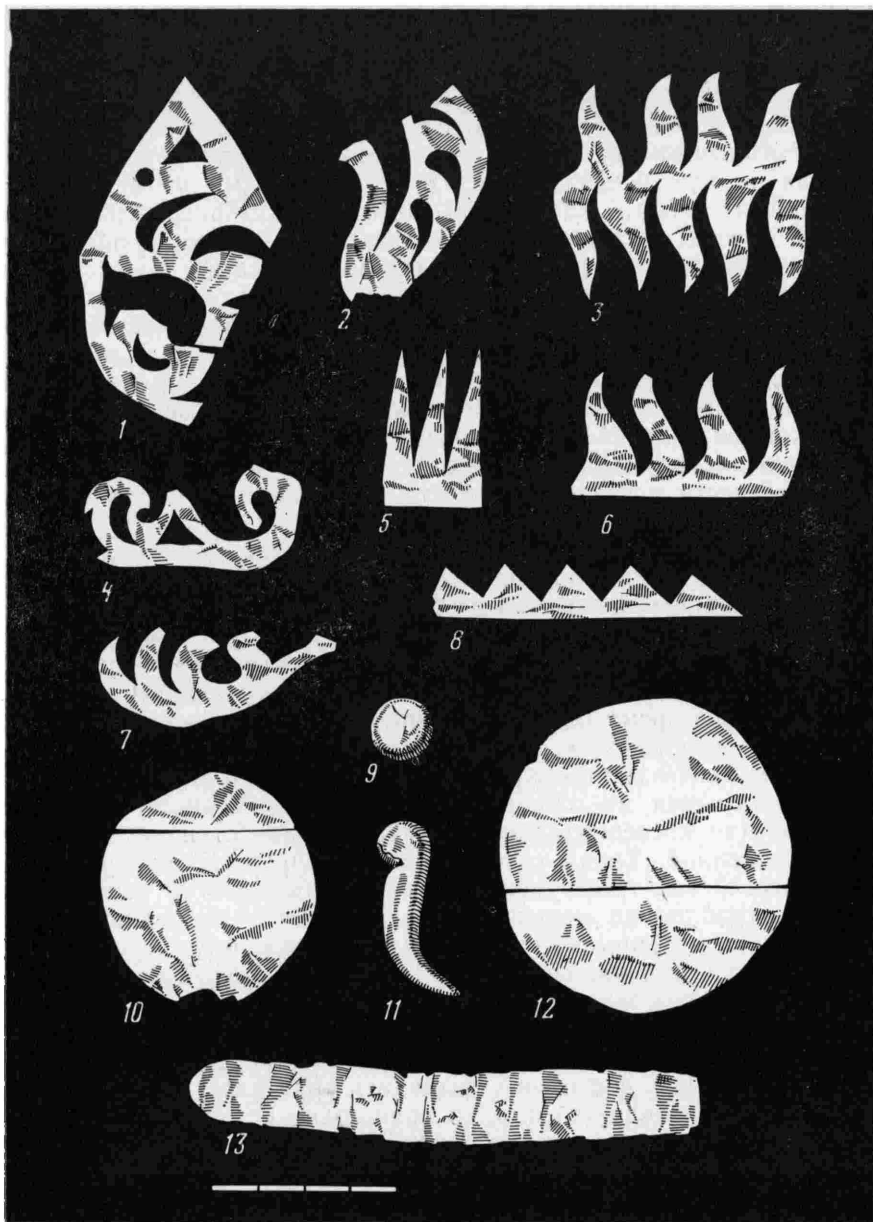

Рис. 1. Геометрические украшения из Большого Новоселовского кургана

Курган содержал большое число золотых украшений и их фрагментов — всего около 200 единиц; большая их часть расположена по внутреннему периметру камеры, на полу под упавшим срубом; некоторое количество — в заполнении ямы, у западной ее стенки, непосредственно перед входом, и часть — внутри самого входа.

За исключением бисера, все золотые изделия изготовлены из фольги различной толщины. Больше всего геометрических украшений — рельефных и плоских. Рельефные геометрические украшения представлены пуговицами и «запятой». «Запятая» имеет основу из древесной коры, обтянутую фольгой (рис. 1, 11); полушаровидные пуговицы (рис. 1, 10) имели не органическую, а минеральную основу, которая со временем превратилась в серый порошок. В позднетагарских курганах подобные пуговицы с золотой обтяжкой встречаются довольно часто⁴. Рельефные украшения в форме запятой очень характерны для богатых курганов

нов Алтая скифского времени; во 2-м Башадарском кургане они встречены в сочетании с полушаровидными пуговицами⁵.

Плоские геометрические украшения, вырезанные из золотой фольги, достаточно разнообразны. Наиболее простыми являются зубчатые полосы различных размеров и пропорций (рис. 1, 5, 8), обнаружено также большое число отдельных зубцов. Такие полосы время от времени встречаются в позднетагарских курганах. Пламевидные одно- и двухсторонние орнаменты, как и большинство зубчатых полос, сосредоточены у восточной стены сруба, ближе к северо-восточному углу. Крупных украшений такого типа найдено пять, но, помимо этого, обнаружены отдельные пламевидные зубцы (рис. 1, 3). У северной стены камеры найдены два вырезанных из золотой фольги круга разных диаметров (рис. 1, 9, 12); возможно, их было больше, но рядом находился поздний грабительский лаз, на месте которого полностью уничтожен даже деревянный пол. Аналогии этим кругам из золотой фольги в памятниках скифского времени мне неизвестны, но в рядовых тагарских курганах нередко встречаются кружки подобных размеров, вырезанные из бересты.

Найдены также разнообразные ажурные накладки (рис. 1, 1, 2, 4, 7). Подобные ажурные аппликации из листового золота характерны для курганов Алтая пазырыкского этапа. Больше всего таких аппликаций имеется во 2-м Туэктинском кургане⁶. Орнаменты типа, показанного на рис. 1, 7, также известны на Алтае⁷. Характерен для алтайских курганов скифского времени и пламевидный узор. Он, в частности, встречен во 2-м Башадарском кургане — на седельной крышке, в заполнении туловища идущего кошачьего хищника на деревянном саркофаге⁸. Более сложные ажурные аппликации (рис. 1, 1, 2), если и не находят прямых соответствий в алтайских курганах пазырыкского этапа, в целом по стилю чрезвычайно близки декору различных изделий из этих памятников. В тагарских курганах ажурные накладки пока не встречались.

В юго-западном углу, недалеко от бронзового котелка, сохранились фрагменты золотой обкладки какого-то крупного изогнутого предмета. Среди человеческих костей найдено только одно золотое изделие — полоска листового золота вблизи локтевой кости, возможно обкладка браслета (рис. 1, 13). Собрано также значительное число бесформенных фрагментов золотой фольги различной величины.

Изображения животных представлены в основном золотыми бляшками на какой-то основе, от которой остался только порошок серого цвета. Небольшие бляшки в форме лежащего дикого барана аргали (3 экз.) найдены в непосредственной близости от бронзового зеркала с петельчатой ручкой и, вероятнее всего, украшали чехольчик или сумочку для зеркала (рис. 2, 1, 2). В более раннее время (сарагашенский этап) подобные чехольчики для зеркала (или, точнее, для набора, в который входило и зеркало) обычно украшены фигурками оленей. Для тагарской культуры изображения лежащего барана не характерны. Единственная известная мне, близкая по времени и территории аналогичная бляшка происходит из Берешского склепа (а может быть, запаханного кургана), раскопанного неподалеку от г. Черненко (б. Шарыпово). Склеп отнесен автором раскопок к тесинскому этапу, но начал функционировать, видимо, раньше, так как в нем найдены веюи, характерные для сарагашенского этапа тагарской культуры, — штандарт или «алтарь» с изображениями козлов, коромыслообразный бронзовый предмет с головками животных на концах, бронзовое зеркало с петельчатой ручкой (не исключено, что и в этом кургане фигурки лежащих баранов могли быть связаны с зеркалом)⁹. Две бляшки в форме стоящего барана найдены у южной стены камеры (рис. 2, 3). В тагарских курганах известны изображения стоящих баранов, но выполнены они обычно в бронзе. Обращает на себя внимание то, что у баранов более детально проработана лишь голова, а туловище (особенно у лежащих

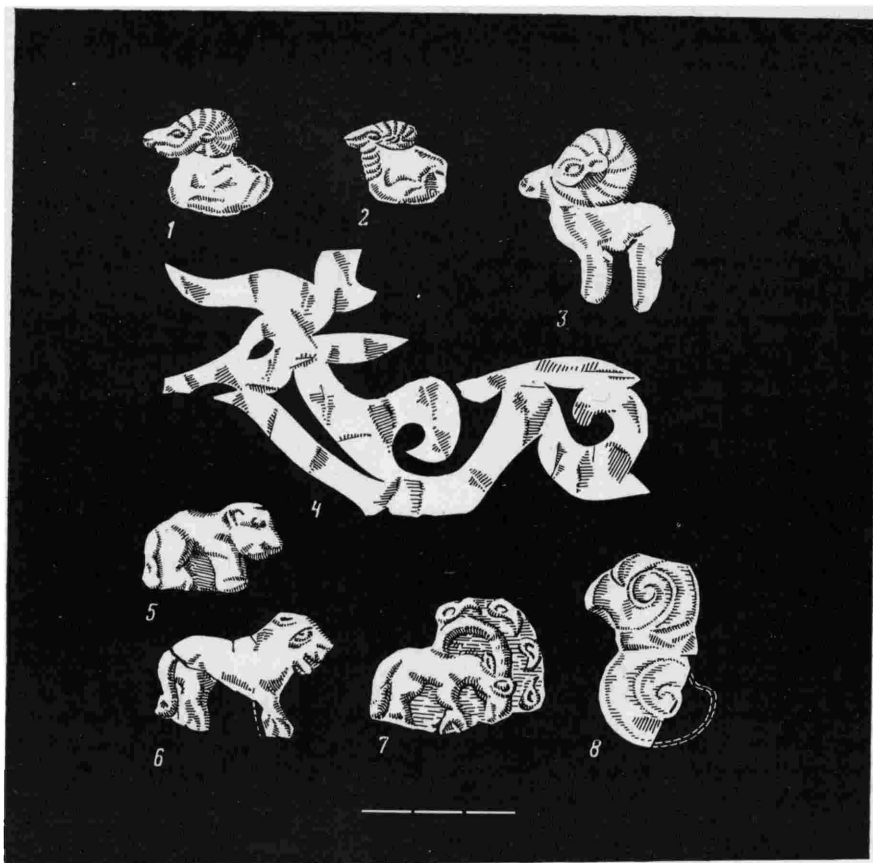

Рис. 2. Изображения животных из Большого Новоселовского кургана

архаров) показано контуром. Изображения отдельных головок баранов характерны для позднетагарского времени¹⁰, а также встречаются на Алтае (например, золотая обкладка деревянных головок во 2-м Туэктинском кургане)¹¹.

Золотые бляшки в виде стоящих кошачьих хищников нередко встречаются в рядовых позднетагарских курганах. Они опубликованы плохо¹². В Большом Новоселовском кургане найдены изображения кошачьих хищников двух типов (рис. 2, 5, 6). Две бляшки с вырезом между задней и передней лапами и более тщательной проработкой деталей найдены у южной стенки, недалеко от бляшек с изображением стоящего архарар. Сочетание стоящих львов и лежащих баранов (или козлов) встречается довольно рано в сакском мире (например, в Тагискене)¹³. Наиболее же близкие аналогии бляшкам в виде кошачьего хищника дает могильник Аймырлыг в Туве (где обнаружены также бляшки с изображением лежащих архараров)¹⁴. Похожие профильные изображения стоящего кошачьего хищника имеются в 1-м Туэктинском кургане¹⁵. Бронзовые бляшки, составленные из двух головок хищной птицы или грифона, расположенных «валетом» по отношению друг к другу, типичны для позднетагарского искусства, а также встречены в Притомье (Степановский клад)¹⁶. Золотая обкладка такого украшения встречена впервые (рис. 2, 8).

Уникальны две бляшки, найденные в заполнении входа (рис. 2, 7). Они отдаленно напоминают хорошо известные поясные бляхи или застежки гунно-сарматского времени, но там обычно изображается борьба зверей — сюжет, совершенно чуждый тагарскому искусству. На бляшках из Большого Новоселовского кургана изображен один зверь, но состоящий как бы из трех частей — круп кошачьего хищника, голо-

ва козла, головки хищных птиц. Эти бляшки, к сожалению, сильно повреждены, и поэтому на рис. 2,7 дана реконструкция, сделанная по двум бляшкам.

Во входе найдена также большая прорезная обкладка из золотого листа в виде оленя. Не сохранились рога и ноги, и потому неясно, летящий это олень или идущий (среди обломков золотой фольги имеется хорошо сохранившийся и подходящий по размерам и пропорциям фрагмент, похожий на ногу стоящего или идущего оленя). Единственный отросток рога надо лбом оленя является элементом, характерным для азиатской линии в изображении этого животного. Завитки в заполнении туловища характерны для саяно-алтайских изображений оленя, начиная с Аржана¹⁷, а также имеются на фигурах оленей, вырезанных на саркофаге из 2-го Туэктинского кургана¹⁸.

За небольшим исключением, подавляющее большинство золотых изделий из Большого Новоселовского кургана связано с убранством погребальной камеры. В некоторых местах на плахах сруба сохранились следы красной краски или мастики. Одно из двух: либо красной обмазкой был покрыт сам сруб, либо краска перешла на сруб от истлевших органических покрытий (тканей или войлока), которыми была декорирована погребальная камера. В пользу последнего предположения говорит группировка однотипных украшений на определенных участках, что может быть связано с различной орнаментацией отдельных кусков драпировки сруба. Судя по некоторым признакам, первоначальное убранство сруба было очень богатым; сильная деформированность сохранившихся украшений, а также сосредоточение разнотипных украшений у западной стены камеры, поблизости от наиболее раннего грабительского лаза (впущенного через потолок входа), свидетельствуют о том, что грабители выдергивали из-под упавшего сруба куски полуистлевшей материи с закрепленными на ней украшениями и вытаскивали их через проруб.

Многие изделия из Большого Новоселовского кургана уникальны, но мастера, изготовившие их, продолжали тагарские художественные традиции; в целом набор образов животных и манера их изображения типичны для тагарского искусства. В то же время наибольшее число конкретных аналогий дают более западные и южные памятники — от Средней Азии до Тувы, но особенно впечатляют параллели в богатых алтайских курганах пазырыкского этапа, в первую очередь это касается ажурных (геометрических и зооморфных) украшений, но также некоторых других элементов культуры (трепанация черепов в затылочной части, котелок-курильница пазырыкского типа и т. п.). Интересно, что среди богатого инвентаря другого кургана этого же могильника Толстый Мыс V (курган 1), содержавшего коллективные захоронения рядовых членов знатного клана, найдено большое число деревянных изделий, находящих прямые аналогии в алтайских курганах скифского времени (овальные блюда на 4 ножках, черпаки с ручкой, заканчивающейся конским копытом, и т. п.). В раскопанных в 1985 г. курганах другого, бедного рода в могильнике Толстый Мыс III, строго синхронных (по керамике, бусам, бронзовым предметам и т. п.) богатым курганам могильника Толстый Мыс V, не засвидетельствовано даже намека на какие-то инокультурные связи и влияния. Культурная ориентация представителей знатного тагарского клана на Алтай может быть объяснена различными причинами — модой, идущей из более высоко развитых центров; торговлей; наконец, связями этногенетического порядка (например, брачными контактами тагарской знати). Этот вопрос еще требует более углубленного изучения. Но в любом случае комплекс золотых изделий из Большого Новоселовского кургана существенно расширяет представления об искусстве, культурных связях, погребальном обряде тагарского общества и его социальной верхушке.

- ¹ Из последних работ см.: *Кулемзин А. М.* Некоторые факты разложения родовых отношений в древнетагарском обществе // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 164—169; *Поляков А. С.* К вопросу о социальной структуре тагарского общества // Скифо-сибирский мир: (Тез. докл.). Кемерово, 1984. С. 53, 54.
- ² *Киселев С. В.* Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тез. докл. на сес. Отд-ния истории и Пленуме ИИМК, посвящ. итогам археол. экспедиций 1955 г. М.; Л., 1956; *Дэвелет М. А.* Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 146—152.
- ³ *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. 1962. Вып. Д 3—9. С. 38.
- ⁴ См., напр.: *Вадецкая Э. Б.* Первые итоги работ на КАТЭКе // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983. С. 51.
- ⁵ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. С. 247, рис. 125.
- ⁶ Там же. С. 154 и след.
- ⁷ Там же. Рис. 127а, 133.
- ⁸ Там же. Табл. СХХV, 1.
- ⁹ *Субботин А. В.* Тесинский склеп в с. Береш // Древние культуры Евразийских степей. С. 65, рис. 4.
- ¹⁰ *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. Табл. 34, 29, 30.
- ¹¹ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая ... Табл. СХI, 5.
- ¹² *Боковенко Н. А., Седых В. Н., Красиенко С. В.* Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры Евразийских степей. С. 76, рис. 1, 4; *Пшеницына М. Н., Подольский М. Л.* Работы Бейской экспедиции // АО 1976 г. М., 1977. С. 236.
- ¹³ *Артамонов М. И.* Сокровища саков. М., 1973. С. 25.
- ¹⁴ *Мандельштам А. М.* Исследования на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры Евразийских степей. С. 29, рис. 2, 27, 28.
- ¹⁵ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая ... С. 281, рис. 144, б.
- ¹⁶ *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. С. 200, 201, табл. 47, 13, 67 и др.; *Завитухина М. П.* Древнее искусство на Енисее: (Скифское время). Л., 1983. С. 189.
- ¹⁷ *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 43, рис. 29, 2.
- ¹⁸ *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая ... С. 112, рис. 60.

Я. М. ПАРОМОВ

ОБСЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА В 1984—1985 гг.

В 1984 и 1985 гг. разведочным отрядом Таманской экспедиции ИА АН СССР было завершено пятилетнее выявление и обследование памятников археологии на территории Темрюкского р-на Краснодарского края, проводившееся в целях государственного учета и охраны памятников. Задача статьи — ознакомить читателя с краткими итогами последних лет работы и с некоторыми предварительными обобщениями. Итоги исследований 1981—1983 гг. опубликованы ранее¹.

Согласно свидетельствам древних авторов и современным исследованиям, Таманский полуостров представлял собой некогда ряд островов древней дельты Кубани. Современные очертания полуострова сложились в результате длительных процессов заполнения рукавов дельты аллювиальными отложениями, вулканических и оползневых явлений, деятельности моря по разрушению берегов, переносу и отложению материала разрушения, эоловых, эрозионных и других явлений. По схеме почвенно-географического районирования СССР территория Таманского полуострова входит в Приазовско-Предкавказскую степную провинцию черноземов². В хозяйственном отношении полуостров представляет собой район интенсивного земледелия, по своей специфике — виноградарства, с практически стопроцентным освоением земель, что обуславливает современную среду существования памятников и соответственно методику их выявления и обследования.

Комплексный метод исследований, сложившийся в процессе работы, включает изучение древних и средневековых авторов, данных предшествующих и современных исследований памятников археологии Таманского полуострова, изучение современного картографического и аэрофотосъемочного материала, полевые исследования, обработку материалов и их анализ.

В условиях Таманского п-ва весьма плодотворным оказалось привлечение аэрофотосъемок. Совместное изучение картографического и аэрофотосъемочного материала с данными полевых археологических исследований позволило выявить и накопить признаки отображения древней жилой застройки, повысить информативность материала, отсеяв в процессе полевых работ ложные признаки, обусловленные эоловыми, эрозийными или иными явлениями, и перейти на следующем этапе работы к выявлению новых памятников. Необходимо отметить, что более половины обследованных поселений античного и средневекового времени отражены в рисунке рельефа на карте и около 90% этого вида памятников отображено соответствующими признаками на аэросъемке. Благодаря аэросъемке стало возможным установить месторасположение ряда памятников, к настоящему времени частично или полностью уничтоженных, но зафиксированных на снимках.

Касаясь полевых работ, следует отметить, что в виде опыта количественного анализа территории и границ памятников при обследовании поселений было введено в практику определение индекса подъемного материала, равного отношению количества фрагментов керамики, собранных на определенной площади, к величине самой площади. Здесь следует отметить два момента. В условиях Таманского п-ва практика полевых исследований показала достаточно четкую выраженность границ памятников, а также их совпадение с данными аэросъемок. Часто отдельные пятна на плановых аэроснимках вполне отождествляются с возвышениями в микрорельефе памятника, являющимися следами сырцовых строений или усадеб с комплексами их построек. Это позволяет сделать некоторые предположения о внутренней структуре поселений, о плотности древней застройки и т. д.

В связи с тем что предварительная датировка памятников дается на основании анализа подъемного материала, представилось необходимым сопоставить датировки поселений по данным раскопок и по подъемному материалу. Это сопоставление, проведенное по всем поселениям, когда-либо подвергавшимся раскопкам, убеждает в достаточной надежности определения периода существования поселений по подъемному материалу. Основой датировки явились фрагменты амфор античного и средневекового времени. При обработке и классификации подъемного материала, собранного на поселениях, выделено около 120 типов амфор, определенных по работам отечественных и зарубежных авторов³. В таблице отражена предварительная датировка поселений.

За два последних года разведочным отрядом обследованы 87 поселений античного и средневекового времени. Всего за пять лет обследованы 237 поселений, 330 курганных групп и отдельных курганов, а также более 100 км древних дорог (рис. 1). 109 поселений выявлены предшествующими исследованиями, 126 никем ранее не фиксировались.

Из 87 представленных в таблице поселений 77 существовали в античное время, 54 — в средневековье (44 поселения относятся и к античному и к средневековому времени). Для пятилетних исследований эти цифры составляют соответственно 237, 217, 120 и 100.

Из 77 (217) поселений античного времени 38 (106) возникли в VI—V вв. до н. э., 36 (80) — в IV—III вв. до н. э. Эти данные позволяют выделить два основных этапа освоения земель Таманского п-ва в античную эпоху. Первый из них связан с широкой греческой колонизацией всего Северного Причерноморья, второй — с расцветом сельских поселений в IV—III вв. до н. э.

Прежде всего отметим сплошной характер освоения территории уже

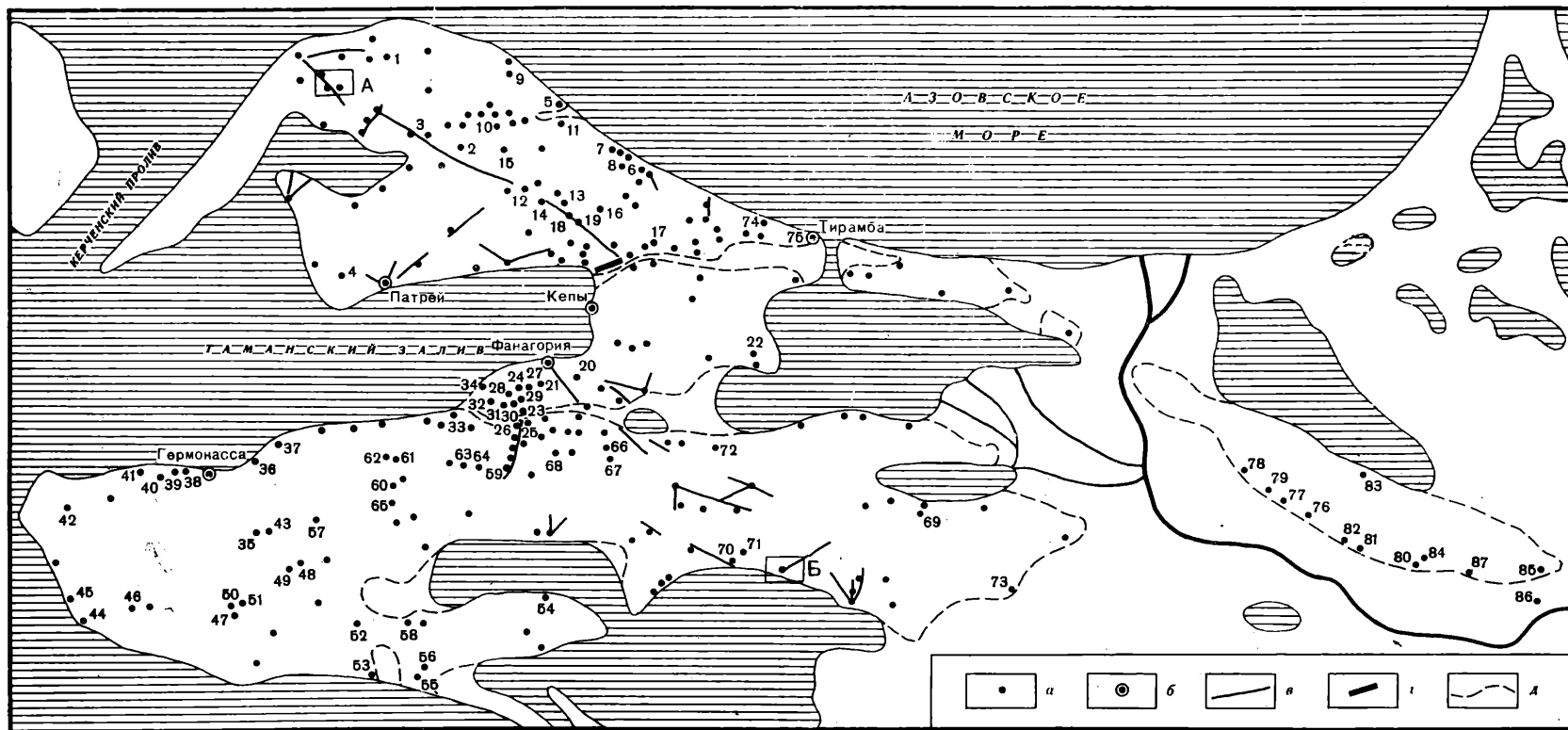

Рис. 1. Схема расположения древних поселений на Таманском полуострове

а — поселения; б — города; в — древние дороги; г — Киммерийский вал; д — линии древнего берега. Цифрами обозначены поселения, обследованные в 1984 и 1985 гг.

Рис. 2. А и Б. Фрагменты межевания древней сельскохозяйственной территории

1 — поселение Ильич 2, VI в. до н. э. — III в. н. э.; 2 — поселение Ильич 3, IV в. до н. э. — III в. н. э.; 3 — поселение Ильич 4, IV в. до н. э. — II в. н. э.; 4 — поселение Старотитаровская 15, VI в. до н. э. — III в. н. э.; 5 — крепость

на первом этапе колонизации, когда сеть поселений охватила всю площадь Таманского п-ва (в древности — архипелага) и в короткое время была создана целостная система расселения, включавшая собственно поселения — большие и малые, соединявшие их дороги и межевание сельскохозяйственной территории. На втором этапе эта система получила свое дальнейшее развитие. На рис. 2 приведены только два фрагмента хоры, показывающие характер межевания в разных частях полуострова, однако подобная картина прослеживается практически на всей его территории.

Анализ составленных нами 9 дифференцированных по времени карт Таманского п-ва приводит к выводу о вполне определенной упорядоченности размещения поселений, в основе которой можно заметить принцип динамической равномерности расселения, показанный в классических работах А. Лёша и В. Кристаллера⁴. Как известно, для идеально равномерного пространства поселения организуются в правильную шестиугольную решетку плотной упаковки, которая деформируется в зависимости от конкретной историко-географической специфики района.

Таблица
Предварительная датировка поселений

№ на схеме	Наименование поселения	Века до н. э.				Века н. э.							
		VI	V	IV—III	II—I	I—II	III	IV	V—VII	VIII—IX	X—XI	XII—XIII	
1	Приазовский 5	+	+	+	+								
2	Запорожская 3										+	+	
3	Красноармейский 6		+	+	+	+					+	+	
4	Гаркуша 4			+	+	+							
5	Кучугуры 1			+	+	+	+						
6	Кучугуры 14			+	+						+	+	
7	Кучугуры 15	+	+	+	+							+	
8	Кучугуры 16		+	+	+	+							
9	Кучугуры 17										+	+	
10	Кучугуры 18		+	+	+								
11	Кучугуры 19	+	+	+	+	+	+						
12	Фонталовская 6	+	+	+	+	+	+	+		+			
13	Фонталовская 7	+	+	+	+	+							
14	Фонталовская 8		+	+	+	+	+			+			
15	Фонталовская 9											+	
16	Юбилейный 10			+	+						+	+	
17	Юбилейный 11			+	+					+			
18	Юбилейный 12			+	+								
19	Юбилейный 13			+	+	+							
20	Сенной 9	+	+	+	+					+			
21	Сенной 10			+	+						+		
22	Ахтанизовская 9			+	+			+	+	+	+		
23	Приморский 12			+	+	+							
24	Приморский 13			+	+	+	+			+	+	+	
25	Приморский 14		+	+	+	+							
26	Приморский 15			+	+	+	+	+			+		
27	Приморский 16			+	+	+				+	+	+	
28	Приморский 17		+	+	+	+	+			+			
29	Приморский 18	+	+	+	+								
30	Приморский 19			+	+								
31	Приморский 20			+	+								
32	Приморский 21			+	+	+	+			+			
33	Приморский 22					+	+			+			
34	Приморский 23	+	+	+	+	+							
35	Тамань 5	+	+	+	+								
36	Тамань 6	+	+	+	+						+	+	
37	Тамань 7			+	+	+				+	+	+	
38	Тамань 8		+	+	+	+	+	+			+	+	
39	Тамань 9			+	+	+							
40	Тамань 10		+	+	+	+		+		+	+	+	
41	Тамань 11		+	+	+	+	+	+					
42	Тамань 12	+	+	+	+					+		+	
43	Тамань 13		+	+	+	+					+	+	
44	Волна 2	+	+	+	+								

№ на схеме	Наименование поселения	Века до н. э.				Века н. э.						
		VI	V	IV—III	II—I	I—II	III	IV	V—VII	VIII—IX	X—XI	XII—XIII
45	Волна 3			+	+	+	+					
46	Волна 4	+	+	+	+							
47	Таманский 4	+	+	+	+	+	+			+	+	+
48	Таманский 5	+	+	+	+	+	+	+			+	+
49	Таманский 6	+	+	+	+							
50	Таманский 7		+	+	+	+				+	+	+
51	Таманский 8											
52	Таманский 9			+	+						+	+
53	Артющенко 1			+	+	+	+	+	+	+		
54	Веселовка 4		+	+	+	+	+					
55	Веселовка 5			+	+	+				+		
55	Веселовка 6			+	+							
57	Прогресс 2			+	+							+
58	Прогресс 3										+	+
59	Виноградный 7	+	+	+	+						+	+
60	Виноградный 8	+	+									
61	Виноградный 9	+	+	+	+					+		
62	Виноградный 10			+	+				+	+		
63	Виноградный 11									+	+	+
64	Виноградный 12									+		+
65	Виноградный 13									+	+	+
66	Вышестеблиевская 14		+	+	+	+				+	+	+
67	Вышестеблиевская 15			+	+	+	+					
68	Вышестеблиевская 16			+	+	+	+				+	+
69	Старотитаровская 13			+	+	+	+			+		
70	Старотитаровская 17	+	+	+	+	+	+	+	+	+		
71	Старотитаровская 18		+	+	+						+	+
72	Старотитаровская 19		+	+	+		+	+	+			+
73	Белый 1			+	+	+						
74	За Родину 8											+
75	Пересыпь 1	+	+	+	+	+	+				+	+
76	Темрюк 2			+	+	+		+	+	+		
77	Темрюк 3			+	+	+					+	+
78	Темрюк 4			+	+	+						
79	Темрюк 5		+	+	+	+				+		
80	Курчанская 1			+	+	+						
81	Курчанская 2		+	+	+	+		+	+			
82	Курчанская 3			+	+	+	+	+	+		+	+
83	Курчанская 4				+	+	+	+				
84	Курчанская 5			+	+							
85	Красный Октябрь 1			+	+	+	+	+	+			
86	Красный Октябрь 2					+	+				+	+
87	Красный Октябрь 3								+			

В данном случае причинами деформации (пластической по своему характеру) явились необычайно изрезанные очертания берегов и складки широтного направления, характерные для ландшафта Таманского п-ва. Формирование системы расселения органически обусловлено принципом учета природных факторов, что выявляется при изучении межевания сельскохозяйственной территории. Внешне весьма случайный рисунок полей и наделов подчиняется достаточно строгим, хотя и простым, закономерностям. Прежде всего очевидна привязка межевания к древним дорогам. В свою очередь, сами дороги следовали рельефу местности.

Учитывая явление сплошного освоения территории Таманского п-ва в античную эпоху, представляется обоснованным предположить, что уже на самом первом этапе колонизации местное население, состоявшее из синдо-меотских племен, было включено в активный процесс оседлого освоения рассматриваемой территории и составляло какую-то, весьма значительную, часть населения поселений и городов.

Из 77 (217) поселений, относящихся к античной эпохе, 52 (92) прекратили существование в разное время до III в. н. э., 15 (88) — в III в., 4 (22) поселения — в IV в. Это связано с общим упадком Боспорского царства, а также с нашествием варварских племен в середине III в. и с нашествием гуннов во второй половине IV в.

Переходя к поселениям раннего и классического средневековья, следует отметить, что датировка средневековой тары разработана не в той мере, как датировка античных амфор, в связи с чем она более расплывчата. Из 54 (120) средневековых поселений 22 (64) существовали с VIII в., 16 (34) — с X в., 16 (22) основаны или ранее, или позднее указанного времени. Подсчеты позволяют выделить два этапа возникновения средневековых поселений на землях Таманского п-ва. Первый этап связан с присоединением этих земель к Хазарскому каганату, второй — с разгромом хазар и образованием русского Тмутараканского княжества. В средневековье, как и в античную эпоху, была освоена вся территория Таманского п-ва, хотя экономическая база и характер этого освоения были иными (табл.).

¹ Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981—1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 69—76.

² Афанасьева Т. В., Василенко В. И., Терешина Т. В., Шеремет Б. В. Почвы СССР. М., 1979. С. 46—50.

³ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980; Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16—21; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979; Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5—72; Антонова И. А., Даниленко В. Н., Иващута Л. Н. и др. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 81; Кузманов Г. Ранновизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV—начало VII в.): Разкопки и проучвания. С., 1985. Кн. 13; Dupont P. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est. P., 1982. P. 204—207.

⁴ Эти работы подробно рассмотрены в кн.: Хаггет П. Пространственный анализ в экономической географии. М., 1968.

Т. М. КУЗНЕЦОВА, О. А. УЛЬЯНОВА

НОВАЯ НАХОДКА БРОНЗОВОГО ЗЕРКАЛА ИЗ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В 1985 г. во время археологических работ, проводившихся в Алабинском р-не Краснодарского края новостроечной Северо-Кавказской экспедицией, на могильнике Мингрельский II в кургане 5 обнаружены два фрагмента бронзового зеркала, условно отнесенные к комплексу XV¹.

Находки представляют собой: 1) сильно корродированный фрагмент диска с высоким бортиком и пазом для крепления боковой ручки (гурт прямой, без орнамента, длина 1 см; бортик в сечении имеет вид прямоугольного треугольника, толщина диска 0,2 см, реконструируемый диаметр диска 17,2 см) и 2) фрагмент боковой ручки зеркала, верх которой оформлен в виде оленя, лежащего с поджатыми ногами на прямоугольной подставке, имеющей три поперечных ребра, к которой примыкает частично сохранившийся прямой четырехреберный ствол ручки (максимальная длина фигурки оленя 5,4 см, высота фигурки в центральной части 4,1 см, длина подставки 2,1 см, высота подставки 0,8 см, ширина ствола ручки 1,8 см, длина сохранившейся части ствола 1,2 см); над фигуркой оленя расположена отходящая от его рогов сегментовидная пластина, накладывавшаяся на диск, часть которого после поломки зеркала осталась прикрепленной к этой пластине. Оба фрагмента относятся к одному экземпляру зеркала (рис. 1).

Как известно, ручки подобных зеркал, верх которых имеет вид лежащего оленя, в одних случаях имели конец, оформленный как скульптурное изображение головы барана, в других — фигурки стоящего кошачьего хищника (скорее всего, гепарда, судя по высоте ног).

Исследование всей группы зеркал, верх и конец ручки которых оформлены в виде фигурок животных, показало, что между этими изображениями имеется определенное соответствие. Так, изображению головки барана соответствует фигурка оленя с рогами, промежутки между которыми имели удлиненную каплевидную (Ольвия, могила 64, нах. 1853 г.; Фейерде, случайная находка)² или неправильную форму (Ольвия, могила 18, 1914 г.; Одесса, Археологический музей, инв. № 1083, 1060)³, тогда как кошачьему хищнику соответствует олень, у которого промежутки между ветвями рогов изображены как ряд кружков (Ольвия, могила 36; Тамань; Пакафалва; Борзод, находка 1931—1932 гг.; Братышев, курган IV и др.)⁴.

Ближайшей аналогией оленю на ручке мингрельского зеркала является фигурка на ручке зеркала из кургана IV у с. Братышев, имеющая не только сходную форму рогов, но и целый ряд других деталей (контур морды, оформление нижней губы, уха, наличие трех поперечных ребер на подставке под оленем). Однако на стволе ручки зеркала из с. Братышев имеется только три продольных ребра, а на стволе экземпляра из Мингрельского могильника таких ребер четыре. Эта деталь сближает мингрельскую находку с зеркалом из могилы 36 Ольвийского некрополя и с зеркалами, обнаруженными на Тамани, а также близ Пакафалвы и Борзода.

Отмеченное отличие в оформлении ствола ручки не позволяет дать абсолютно точную реконструкцию публикуемого здесь экземпляра, так как трехреберной ручке братышевского зеркала соответствует фигурка кошачьего хищника с чертами, приближающими его к «скифскому звериному стилю», а для ручек с четырехреберным стволом характерны более стилизованные изображения этого животного. Поэтому в данном случае предлагаются три варианта реконструкции зеркала из Мингрельского могильника (рис. 2)⁵.

Таким образом, рассматриваемая находка пополняет достаточно обширную, насчитывающую уже около 70 экз., группу зеркал, которые в археологической литературе получили два диаметрально противоположных наименования — «ольвийских» или «скифских». Одни исследователи считают, что подобные зеркала являются продуктом ольвийских ремесленников; другие, воздерживаясь от определения центра производства, рассматривают эти зеркала как синкретичный вариант, сложившийся под влиянием скифских и греческих традиций; третьи связывают их непосредственно со скифами и видят в греках лишь потребителей скифских предметов.

Объем и характер данной статьи не позволяют дать полную и критическую оценку всех имеющихся на этот счет мнений, поэтому остано-

Рис. 1. Зеркало из могильника Мингрельский II, курган 5

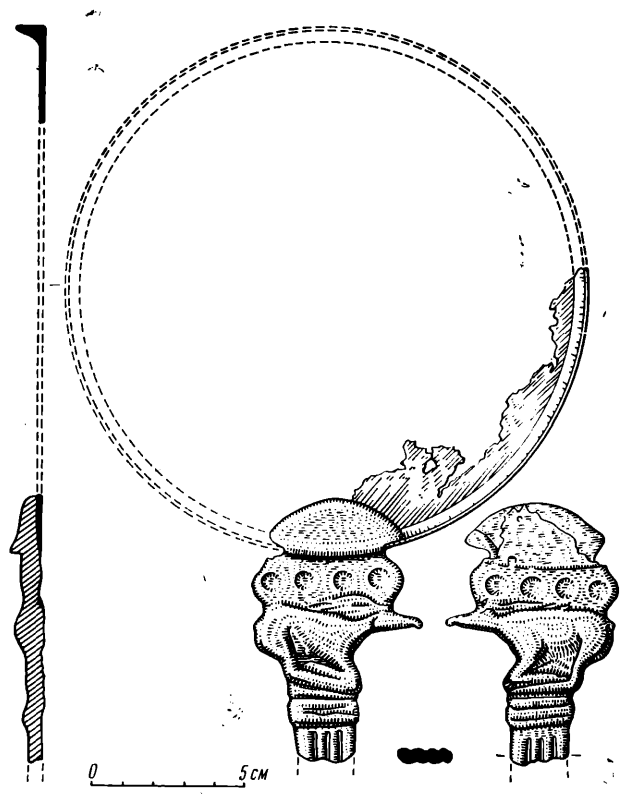
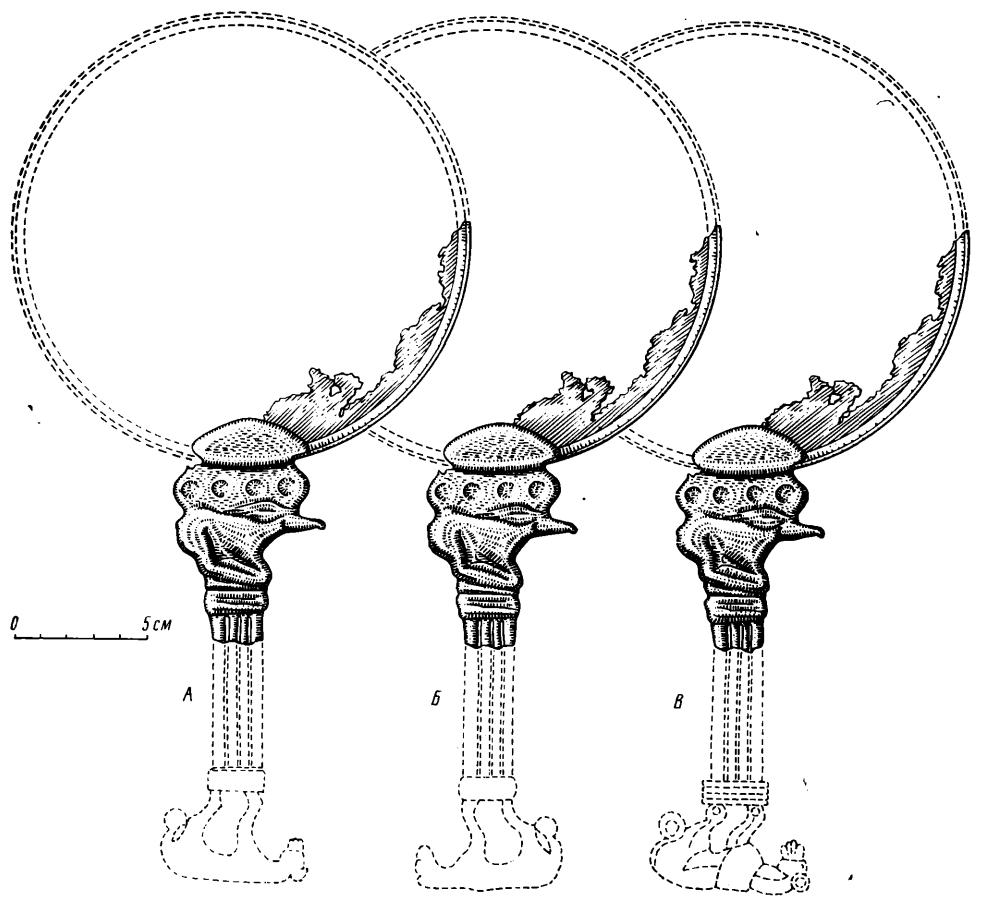

Рис. 2. Варианты реконструкции зеркала из могильника Мингрельский II, курган 5.

Варианты а, б и в демонстрируют различное расположение фигурок животных относительно друг друга

вмесь лишь на некоторых из них, чтобы обратить внимание исследователей на ряд вопросов, возникающих при изучении рассматриваемой группы зеркал.

Несмотря на общее сходство, они очень разнообразны, поэтому важно выявить тот «первоисточник», который послужил «прообразом» для всех остальных зеркал. Большинство исследователей в основном согласны с мнением С. И. Капошиной, по определению которой у подобных зеркал «наблюдается прежде всего сохранение и развитие традиций скифского искусства, восприятие античных и восточных влияний и их художественная переработка»⁶. Подобная трактовка предполагает видеть в Ольвии не только центр производства, но и место зарождения этого «типа» зеркал. Е. О. Прушевская прямо указывает на то, что форма зеркал этого типа была создана в Ольвии в середине VI в. до н. э.⁷

Однако на ручках зеркал, обнаруженных в Ольвии, к началу V в. до н. э. прослеживается увеличение стилизованных изображений фигурок, что свидетельствует о деградации этого типа зеркал. Исходя из того, что рамки их бытования в Ольвии ограничиваются серединой VI — серединой V вв. до н. э., т. е. небольшим отрезком времени, за который должно было произойти формирование, развитие и упадок, приведший к исчезновению зеркал рассматриваемой группы, выделение Ольвии как места сложения зеркал этого «типа» представляется преждевременным. Вероятно, Ольвия, получив уже сформировавшийся, возможно по знакомому ольвиополитам образцу, новый тип зеркал, стала в дальнейшем только одним из центров их производства и распространения.

Рассматриваемые зеркала встречаются, как уже неоднократно отмечалось, на довольно обширной территории: от Оренбурга и Пятигорска на востоке до «середины Венгрии» на западе⁸, что затрудняет определение центра их производства и направлений распространения. В силу этих причин нет пока единого мнения у исследователей и о путях распространения интересующих нас зеркал.

Н. Н. Бондарь высказал мнение, что рассматриваемые зеркала выполнялись ольвийскими мастерами по заказу местного населения, обитавшего на указанной территории. Исследователь считает, что связи с областями, расположенными на северо-запад от Ольвии, носили случайный характер и не были постоянными и оживленными, а связи Ольвии с районами Северного Кавказа, Поволжья и Приуралья носили более или менее регулярный характер, но не столь оживленный, как со Скифией⁹.

В. М. Скуднова, критически оценивая работу Н. Н. Бондаря и сторонников ольвийского происхождения зеркал рассматриваемой группы, поставила вопрос о причинах вывоза только зеркал на столь обширную территорию. Сама исследовательница считала эти зеркала изделиями скифских мастеров, а место их производства связывала как с Карпатским бассейном, так и со степными центрами Северного Причерноморья¹⁰. В настоящее время эта точка зрения полностью разделяется С. Я. Ольговским¹¹. В. М. Скуднова объясняла значительное количество подобных зеркал в греческих могилах Ольвийского некрополя торговыми связями со скифами, причем последние, по ее мнению, поставляли зеркала в Ольвию наряду с хлебом¹².

Б. Н. Граков, исследовав встречаемость подобных зеркал, проследил направление распространения их от Ольвии в восточные районы и сравнил это направление с «путем в землю исседонов», определив этот путь, упомянутый Геродотом, как торговый¹³.

Точка зрения Б. Н. Гракова в настоящее время разделяется большинством исследователей и дополняется работами Н. Л. Членовой¹⁴ и М. В. Скржинской¹⁵. В работе М. В. Скржинской торговые пути архаического периода восстанавливаются в виде равномерного веера, расходящегося из Ольвии на запад, восток, северо-запад и северо-восток,

причем автор настаивает на Ольвии как единственном центре производства этих зеркал¹⁶.

Таким образом, исследователи в основном связывают широкое распространение зеркал рассматриваемой группы с наличием торговых контактов, осуществлявшихся с территории Карпатского бассейна или степной Скифии в Ольвию или из Ольвии в ближайшие и более удаленные районы.

Однако пока нет данных, позволяющих говорить о том, что рассматриваемые зеркала экспортировались в Ольвию из степных районов Скифии. Производственная база скифов периода архаики, если таковая и существовала в VI в. до н. э. в Северном Причерноморье, пока остается для нас *terra incognita*. Также нет оснований считать, что торговля Ольвии подобными зеркалами наиболее интенсивно велась с районами Скифии, так как в степных памятниках этого региона зеркала рассматриваемой группы пока не обнаружены, а в лесостепи встречены только четыре экземпляра.

Как уже отмечалось, выделяется несколько районов концентрации зеркал рассматриваемой группы — Карпато-Дунайский бассейн, Северный Кавказ, Поволжье, Подолия, Приуралье и Ольвийский некрополь.

В. М. Скуднова в свое время, оспаривая точку зрения исследователей об «ольвийском» происхождении зеркал, провела подсчеты с целью доказать неправомочность подобной точки зрения, базирующейся на значительном количестве зеркал этой группы, обнаруженном в Ольвийском некрополе. Ее подсчеты действительно показали, что число зеркал, происходящих из Ольвии, лишь на два экземпляра превышает их количество, найденное в Венгрии и Трансильвании, и это позволило исследователю высказать мнение об их изготовлении в западном регионе¹⁷. Подобного рода количественные сравнения, встречающиеся и в других работах, представляются не только неправомочными, но и недопустимыми, потому что и в Карпатском бассейне, и в других районах не обнаружено пока ни одного могильника, который дал число находок зеркал рассматриваемой группы, хотя бы приближающееся к ольвийским. Некрополь Ольвии является и, видимо, еще долго будет оставаться наиболее объемным пунктом концентрации зеркал этой группы. Однако из этого не следует, что все подобные зеркала были изготовлены в Ольвии.

Карпато-Дунайский бассейн и Северный Кавказ также выделяются как наиболее объемные регионы сосредоточения подобных зеркал. Известно, что эти территории являются как горнорудными районами, так и древними металлургическими центрами. Поэтому обмен «металла» на «изделие» мог осуществляться Ольвией в равной степени и с Кавказом, и с Карпатским бассейном, и с обеими областями одновременно. Развитая бронзолитейная традиция позволяла изготавливать подобные зеркала в этих областях и помимо Ольвии, тем более что каждая из них была связана с античным миром, влияние которого безусловно прослеживается в оформлении рассматриваемых зеркал.

При этом в Поволжье, занимающее промежуточное положение между Ольвией и Кавказом, с одной стороны, а также Ольвией и Уралом — с другой, зеркала могли попадать как из Ольвии, так и с Кавказа или Урала. Подолия, район, расположенный к западу от Ольвии и к востоку от Карпатского региона, могла быть связана с каждым из них. Что касается лесостепной части Скифии, то этот район мог как «снабжаться» зеркалами ольвийского, кавказского или карпатского происхождения, так и производить собственные изделия. То же можно сказать и в отношении уральских находок.

В определении торгового (обменного) характера распространения зеркал рассматриваемой группы единодушны все исследователи. Однако основная масса подобных зеркал (за исключением Ольвии) обнаружена в погребальных памятниках, оставленных кочевым населением, а это указывает на возможность проникновения зеркал во все указан-

ные районы, связанного с перемещением населения. При этом в одних случаях «торговые пути» могли совпадать с маршрутами кочевников, а в других нет. Наличие зеркал рассматриваемой группы в погребальных памятниках различных регионов может объясняться и «военными действиями», в результате которых владельцы зеркал были погребены вдали от районов обитания.

Таким образом, в данной статье, поводом для которой послужила новая находка в Краснодарском крае, авторы хотели подчеркнуть, что вопрос о характере и путях распространения зеркал рассматриваемой группы совсем не прост и пока не может быть решен однозначно. Решение это в большой степени зависит от изучения всей совокупности рассматриваемых зеркал, которые в силу их кажущейся «малозначимости» не бывают своевременно опубликованы, и, конечно, невозможно вне изучения исторической обстановки на обширном регионе, население которого было втянуто в сферу экономических и политических взаимоотношений.

¹ Находка обнаружена в 0,4 м севернее этого комплекса.

² Скуднева В. М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Тр. ГЭ. 1962. Т. 7. С. 14, 15, рис. 9; *Vasiliev V. Scitii agatirsi pe teritoriul României // Eolithura Dacia. Cluj; Napoca. 1980. Pl. 25/2; Hampel J. Scythische Denkmaler aus Ungarn // Etnol. Mitt. Ungarn. 1985. Bd. 4, H. 1. S. 24, Abb. 30.*

³ Скуднева В. М. Скифские зеркала ... С. 22, рис. 19.

⁴ Там же. С. 3, 14, рис. 7, 8; *Hampel J. Scythische Denkmaler ... S. 21, Fig. 25; Leszih A. Borsodmegyei szhita Leletek // Folia Archaeol. 1939. 1/2. S. 78, Fig. 7; Reiche J. Zwierciadla scytyjskie // Sulimirski T. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwow, 1936. Ris. 2.*

⁵ Длина ручки восстановлена на основе прослеженного у большей части зеркал соответствия диаметра диска длине ручки.

⁶ Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. 1956. Т. 50. С. 182.

⁷ Прушевская Е. О. Художественная обработка металла (торевтика) // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 330.

⁸ Скуднева В. М. Скифские зеркала ... С. 24, табл.

⁹ Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. // СА. 1955. № 23. С. 73.

¹⁰ Скуднева В. М. Скифские зеркала ... С. 23.

¹¹ Ольговский С. Я. Об античной и скифской металлообработке в Северном Причерноморье // Тез. докл. XVIII конф. Ин-та археологии АН УССР. Днепропетровск, 1980. С. 123.

¹² Скуднева В. М. Скифские зеркала ... С. 25.

¹³ Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи? // Археологія. 1947. № 1. С. 23—37.

¹⁴ Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» // СА. 1983. № 1. С. 47—63.

¹⁵ Скржинская М. В. Зеркала архаичного периода с Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 105—129.

¹⁶ Там же. С. 119, 123.

¹⁷ Скуднева В. М. Скифские зеркала ... С. 25—28.

Н. А. МАКАРОВ

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ IX—XII вв.

Лепная керамика конца I — начала II тысячелетия н. э. в последние десятилетия стала важнейшим источником изучения этнических процессов на Северо-Западе. Высокая оценка информативных возможностей этого материала стимулировала его систематизацию и дала исходный импульс для появления ряда работ, посвященных керамике различных регионов и отдельных памятников¹.

В статье предпринята попытка систематизировать лепную керамику

Восточного Прионежья — региона, охватывающего бассейны трех крупных озер — Белого, Воже и Лача. Историческим центром его было летописное Белоозеро. Подробная классификация керамики из раскопок 1949—1965 гг. в Белоозере разработана Л. А. Голубевой². Однако в настоящее время, после завершения нового цикла полевых работ в Восточном Прионежье³, объем керамических коллекций существенно увеличился и назрела необходимость вновь обратиться к ее типологии и обработать весь материал по единому принципу.

Для типологического анализа отобраны реставрированные и графически реконструированные сосуды, а также крупные фрагменты верхних частей сосудов, позволяющие судить об их форме, — всего 1246 сосудов, целых и фрагментированных. Основная масса керамики собрана на памятниках района оз. Белого и верховьев Шексны. Большая часть материала (780 сосудов) относится к концу IX—X в. и происходит с поселений Крутик⁴, Васютино, Никольское V, Никольское I и из древнейшего слоя Белоозера. Лепная керамика конца X—XI в. лучше всего представлена в Белоозере, небольшие, но выразительные и хорошо датированные комплексы этого времени происходят из Кемских курганов, могильников Киснема и Попово, селищ Малый Колокол и Попадьино. Хуже всего представлены в коллекции материалы XII в. — периода, когда лепная керамика постепенно выходит из употребления.

Большая часть лепной керамики изготовлена из теста, содержащего крупные и средние зерна дресвы. Снаружи стенки сосудов небрежно заглажены и дресва почти не выступает на поверхность. Несмотря на неравномерный обжиг, черепок довольно крепкий и плотный, толщина его колеблется от 0,3 до 1,1 см. На поселениях Крутик и Васютино представлены также фрагменты сосудов, изготовленных из хорошо промешанного теста с примесью мелкой дресвы и песка, с ровной, заглаженной поверхностью. На стенках некоторых сосудов заметны следы лощения. Подобную керамику можно условно назвать «гладкой лепной», доля ее на Крутике колеблется от 23,9 % в нижнем до 14,2 % в верхнем горизонте. В конце X в. она выходит из употребления.

По формам и пропорциям среди керамики можно выделить 7 основных типов.

Тип I. Невысокие горшки с максимальным расширением в верхней трети или немного ниже и сильно сужающимися ко дну стенками (рис. 1, 1—11). Плечико отчетливо выражено, венчик прямой или немного отогнутый наружу. По особенностям профилировки различаются три варианта сосудов: А — сосуды с угловатым изломом плечика, иногда оформленным в виде ребра, и усеченно-конической нижней частью (рис. 1, 1—5); В — сосуды с вогнутой шейкой, немного приподнятым плечиком и слегка выпуклыми в нижней части стенками (рис. 1, 6, 10); С — сосуды со скругленным плечиком и усеченно-конической нижней частью (рис. 1, 7—9, 11). Все варианты имеют сходные пропорции: отношение максимального диаметра к высоте равно 1,2—1,4, отношение высоты максимального расширения к общей высоте равно 0,6—0,8 и отношение максимального диаметра к диаметру дна — от 1,6 до 2,2. Сосуды типа I имеют, как правило, крупные или средние размеры, преобладают горшки с диаметром венчика от 18 до 28 см.

Тип II. Широкодонные сосуды с раздутым туловом, пологими, наклоненными внутрь плечиками, сужающейся к устью шейкой и прямым венчиком (рис. 1, 12—19). Максимальное расширение приходится на третью четверть высоты сосуда, отношение максимального диаметра к высоте — 1,1—1,6, а отношение максимального диаметра к диаметру дна — 1,2—1,5. Большинство фрагментов принадлежит сосудам средних размеров с диаметром венчика от 15 до 22 см.

Тип III. Горшки стройных пропорций с усеченно-коническим туловом, значительно сужающимся книзу, и резким перегибом, иногда оформленным в виде ребра, приходящимся на верхнюю треть, а чаще на верхнюю четверть высоты сосуда (рис. 2, 1—6). По особенностям

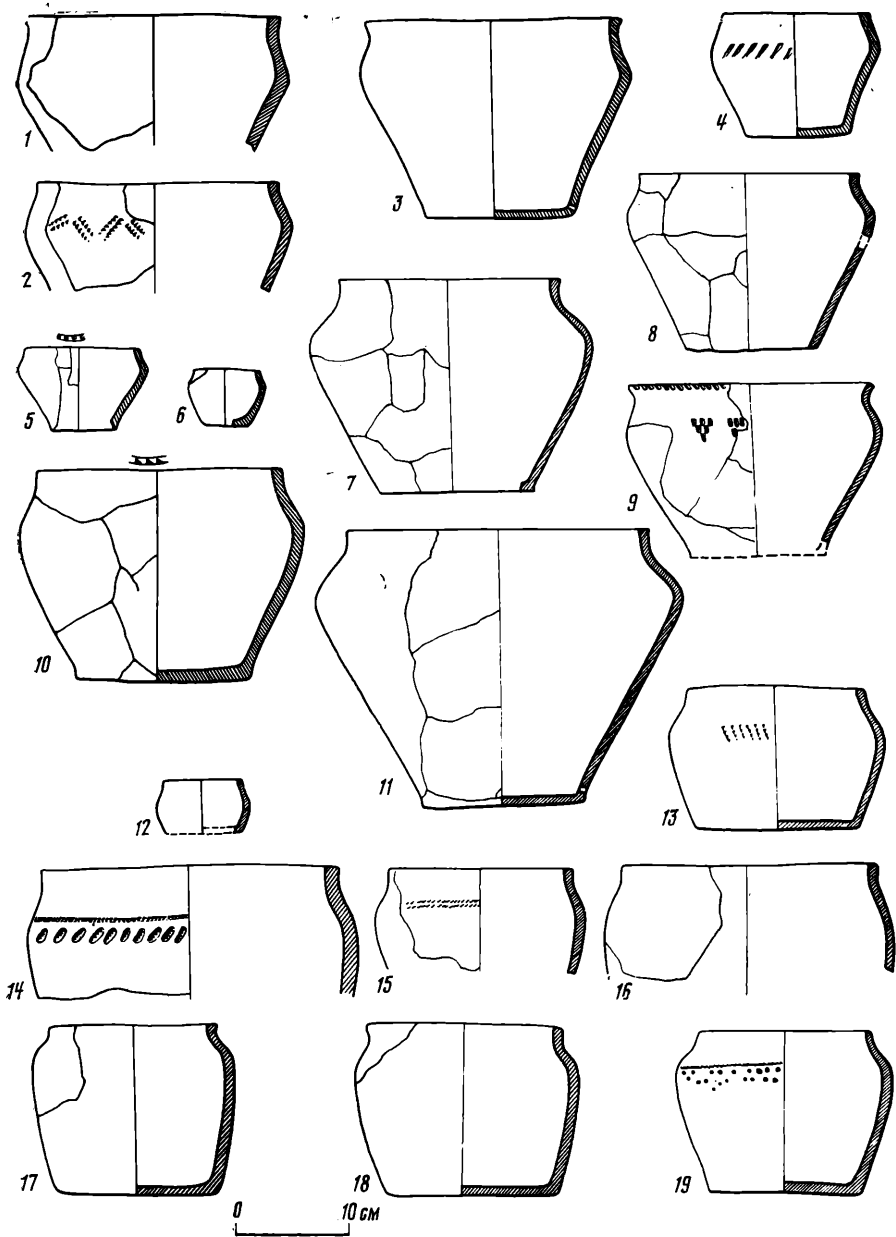
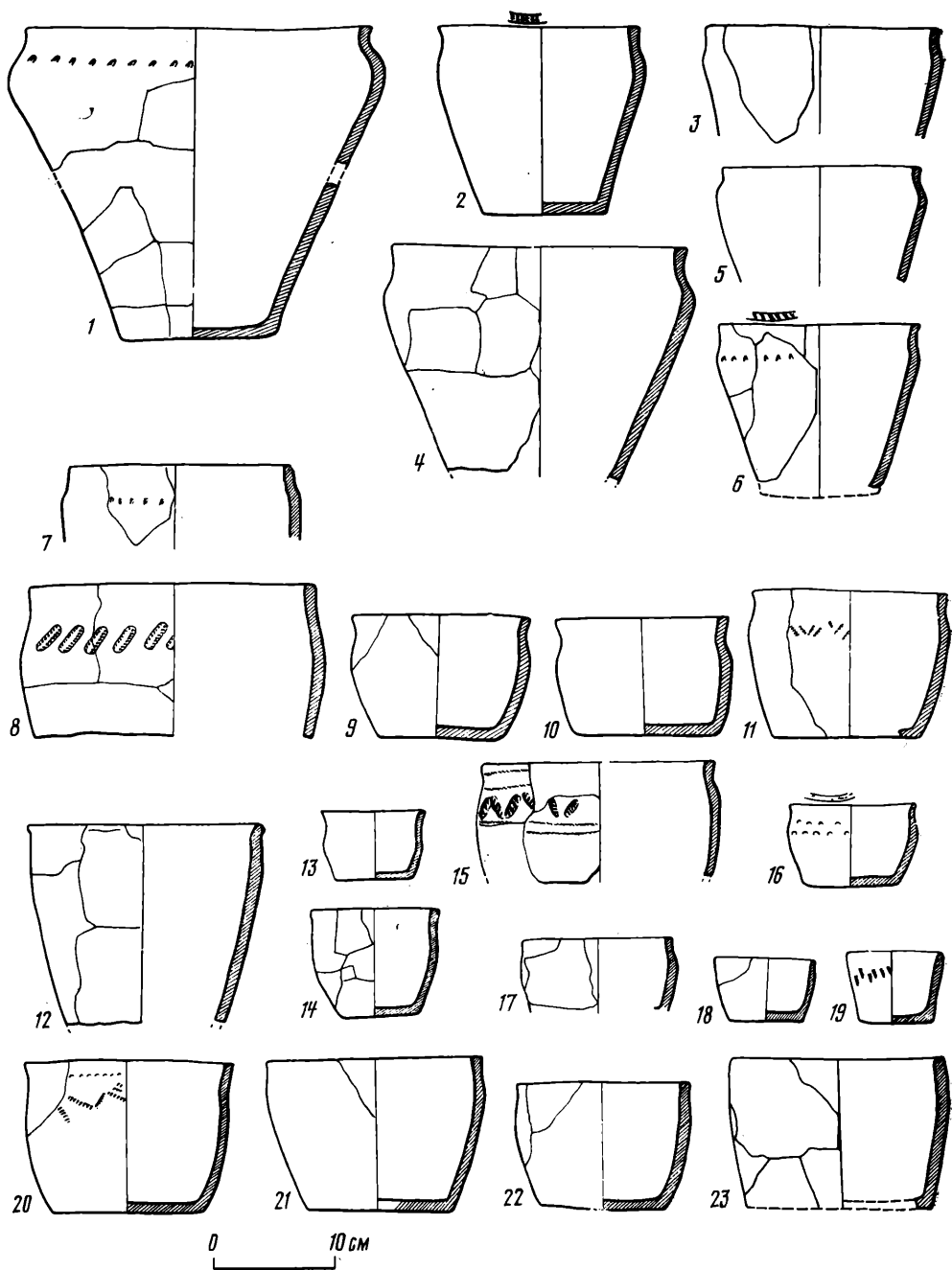

Рис. 1. Лепная керамика Восточного Припечья. Типы I и II

1—11 — тип I; 12—19 — тип II; 1—5 — вариант А; 6, 10 — вариант В; 7—9, 11 — вариант С;
1, 2, 14, 17, 18 — Белоозеро; 3—13, 15, 19 — Крутик; 16 — Никольское I

профилировки верхней части сосуда выделено два варианта: А — сосуды со слабо выделенной шейкой и прямым венчиком (рис. 2, 2, 3, 6) и В — сужающиеся к шейке сосуды с выпуклым плечиком и несколько отогнутым венчиком (рис. 2, 1, 4, 5). Отношение максимального диаметра к высоте у сосудов этого типа от 1 до 1,3, а отношение максимального диаметра к диаметру дна — 1,4—1,8. Основная масса сосудов имеет крупные размеры: диаметр венчика от 20 до 28 см.

Тип IV. Сосуды баночных форм (рис. 2, 7—23). Тулово их цилиндрическое или усеченно-коническое, стенки почти отвесные и немного сужаются лишь у самого дна. Отношение максимального диаметра к высоте равно 1,2—1,6. Максимальное расширение приходится на треть четверть высоты, считая снизу, реже — на верхнюю четверть.

Рис. 2. Лепная керамика Восточного Прионежья. Типы III и IV

1—6 — тип III; 7—23 — тип IV; 2, 3, 6 — вариант А; 1, 4, 5 — вариант В; 7—13, 15—17, 20 — вариант А; 14, 18, 19, 21—23 — вариант В; 1, 4, 6, 7, 12, 15, 19, 23 — Крутик; 2—5, 8—11, 13, 14, 17, 18, 20—22 — Белоозеро

Можно выделить два варианта сосудов. А — слабопрофилированные с чуть выделенным плечиком, едва намеченной шейкой и прямым или отогнутым наружу венчиком. Стенки прямые или немного выпуклые (рис. 2, 7—13, 15—17, 20). Вариант В — непрофилированные сосуды с прямым или немного отогнутым внутрь венчиком (рис. 2, 14, 18, 19, 21—23). Сосуды, как правило, малых и средних размеров, диаметр их устья от 14 до 22 см.

Тип V. Сосуды усеченно-конической формы с широким устьем

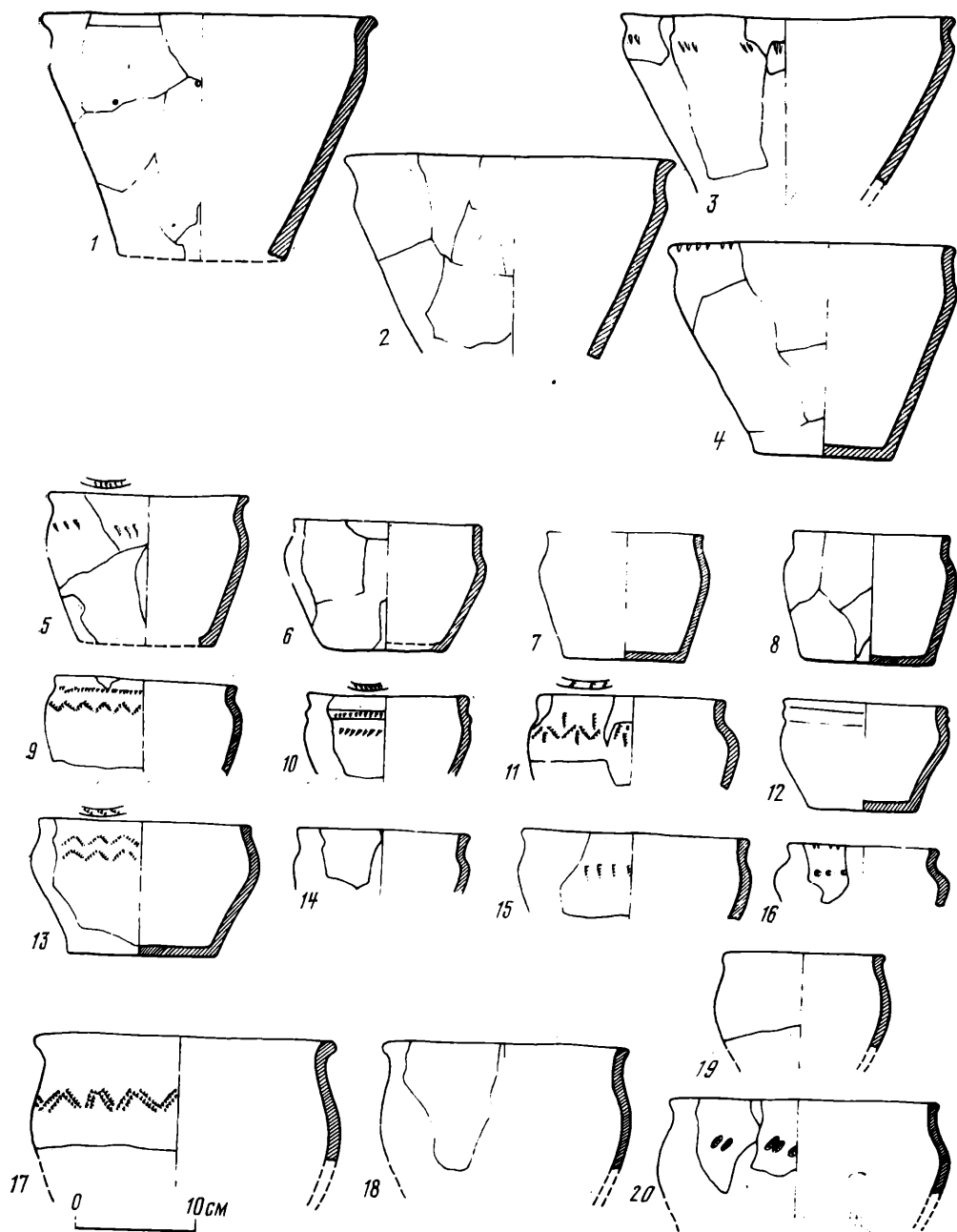

Рис. 3. Лепная керамика Восточного Прионежья. Типы V, VI и VII

1—4 — тип V; 5—16 — тип VI; 17—20 — тип VII; 1—6, 8—10, 12, 13 — Крутик; 7, 11, 14—20 — Белоозеро

(рис. 3, 1—4). Плечико у этих сосудов выделено слабо, шейка короткая, венчик отогнут наружу, стенки сильно сужаются ко дну. Максимальное расширение приходится на верхнюю треть высоты, отношение максимального диаметра к диаметру дна равно 1,5—2. Среди сосудов этого типа преобладают крупные, с диаметром устья от 22 до 30 см.

Тип VI. Приземистые горшки с отношением наибольшего диаметра к высоте, равным 1,3—1,6, максимальным расширением в верхней трети высоты, четко выраженным плечиком и туловом, сильно сужающимся к днищу (рис. 3, 5—16). Основная масса сосудов небольших размеров, с диаметром венчика 13—18 см.

Тип VII. Горшкообразные сосуды с раздутым туловом, выпуклым плечиком, отчетливо выраженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Максимальное расширение приходится на третью четверть высоты сосуда (рис. 3, 17—20). Преобладают крупные и средние сосуды с диаметром венчика 19—26 см.

Семь описанных выше типов можно считать основными в керамическом наборе Восточного Прионежья (табл. 1). Всего на их долю приходится 91,49 % лепных сосудов. Соотношение их на различных памятниках Прионежья показано на табл. 2 и 3. Кроме того, имеются сосуды редких типов, доля каждого из которых менее 2 %. Описание и анализ сосудов редких типов выходят за рамки настоящей работы.

Соотношение сосудов основных типов в керамическом наборе в различные периоды было неодинаковым.

В X в. наиболее распространенными в Восточном Прионежье были сосуды типа I. Преобладание сосудов этого типа зафиксировано на поселениях Крутик, Васютино, Никольское V и

в древнейшем горизонте Белоозера. На втором месте в керамических наборах Крутика и Васютина стояли широкодонные сосуды типа II, а в Белоозере и на селище Никольское V — баночные сосуды типа IV. Наиболее постоянными компонентами керамических наборов в этот период выступают сосуды типов I—IV. Горшки типа V встречены лишь на Крутике, сосуды типа VI — на поселениях Крутик и Никольское V, горшки типа VII — в Белоозере. В целом состав керамических наборов на различных памятниках, относящихся к этому периоду, близкий.

Таблица 1

Общий состав керамической коллекции Восточного Прионежья

Тип	Число сосудов	Доля сосудов данного типа, %
I	465	37,32
II	133	10,67
III	85	6,82
IV	331	26,57
V	42	3,37
VI	55	4,41
VII	29	2,32
Редкие типы	106	8,51
Всего	1246	100,0

Таблица 2

Соотношение основных типов лепной керамики в комплексах конца IX—X вв. в Восточном Прионежье

Памятник	Тип сосудов, %							Общее кол-во сосудов
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Крутик	55,1	12,0	7,6	6,1	6,1	2,5	—	682
Никольское V	38,8	5,5	5,5	33,3	—	8,3	—	36
Васютино	52,0	24,0	8,0	16,0	—	—	—	25
Никольское I	—	40,0	20,0	40,0	—	—	—	10
Белоозеро	44,5	7,4	—	40,7	—	—	7,4	27

Таблица 3

Соотношение основных типов лепной керамики в Белоозере в слоях второй половины X—XII вв.

Период	Тип сосудов, %							Общее кол-во сосудов
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
Вторая половина X в.	44,5	7,4	—	40,7	—	—	7,4	27
Конец X—XI вв.	18,0	2,4	2,7	45,8	6,9	6,1	12,5	72
XI—XII вв.	3,5	5,6	3,5	67,0	1,1	11,4	4,5	89
XII в.	2,2	2,2	—	77,8	—	8,9	8,9	45

Исключение составляет лишь небольшая коллекция, собранная при раскопках городища Никольское I, в которой отсутствуют горшки типа I и преобладают широкодонные сосуды типа II и баночные типа IV.

Изменения в керамическом наборе Восточного Прионежья наиболее отчетливо прослеживаются в Белоозере, где хорошо представлены материалы второй половины X—XIII в. (табл. 3). В коллекции белоозерской керамики можно выделить комплексы второй половины X в., конца X—XI в., XI—XII вв. и XII в. В древнейшем из них соотношение различных типов сходно с тем, которое отмечено на поселениях Крутик, Васютино и Никольское V. Но состав керамического набора конца X—XI в. уже иной: доля сосудов типа I сокращается в нем до 18 %, а доля баночных сосудов увеличивается до 45,8 %. В последующий период доля баночных сосудов еще более возрастает: в комплексе XII—первой половины XIII в. она достигает 77,8 %. Довольно высокой остается в этот период и доля сосудов типов VI и VII. Доля сосудов I, II, III и V сокращается.

Превращение баночных сосудов в ведущий тип — явление, характерное не только для Белоозера, но и для всего региона. Небольшие керамические коллекции, собранные при раскопках погребений и поселений конца X—XII в., чаще всего включают баночные сосуды; они найдены в Киснеме, в Кемских курганах, на поселениях Луковец и Горка. На селищах Муньга I, Волохово, Вогнема, Волок, Новокемский II, Усть-Андога, при обследовании которых собрана лепная и гончарная древнерусская керамика, лепные сосуды представлены в основном типом IV. По-видимому, соотношение типов в керамическом наборе стало меняться в последней четверти X в. В целом сосуды типов I, II, III и IV можно считать характерными преимущественно для X в., а сосуды типов IV, VI и VII — преимущественно для XI—XII вв.

Горшки, близкие сосудам типа I, встречены на некоторых памятниках Волго-Окского района: на городище Попово на Унже⁵, на селище Воскресенское вблизи Галичского озера⁶, в Холуйском могильнике⁷, в курганах Ярославского Поволжья⁸, Подболотьевском, Максимовском⁹ и Безводнинском могильниках¹⁰, а также в некоторых рязанско-окских и мордовских могильниках¹¹. Все они датируются временем не позднее X—XI вв. Вне круга поволжско-финских древностей аналогии сосудам типа I неизвестны, не встречены они, в частности, среди керамики сопредельных западных регионов — Приладожья и Юго-Западного Белозерья.

Аналогии широкодонным сосудам типа II немногочисленны. Три подобных сосуда происходят из приладожских курганов (Вичугино, Гайгово, Ньюбичи¹²), четыре — из курганов Юго-Западного Белозерья (Новинки III, Стан, Ярцево¹³), один сосуд найден в Челмужских курганах¹⁴. Кроме того, укажем сосуды из могильников Кйулохольм и Луистари в Финляндии¹⁵ и несколько горшков из ярославских курганов (Тимерево)¹⁶. Существенно, что среди немногочисленных материалов середины — второй половины I тысячелетия н. э., известных в Восточном Прионежье, есть развалы нескольких сосудов этого типа¹⁷. Очевидно, его можно считать архаичным западнофинским типом керамики.

Горшки типа III известны на многих памятниках Северной Руси VIII—X вв., в том числе в Старой Ладге¹⁸, Новгороде¹⁹, на Рюриковом городище²⁰, на поселениях Приильменья и Помостья (Прость, Холопий Городок, Золотое Колено)²¹, в Городке на Ловати²², на городище Камно²³, в Изборске²⁴. Встречаются они и в более восточных районах: на верхней и средней Мологе (Бустрыгино²⁵, Березино²⁶, Курово III²⁷), в Тимеревских курганах²⁸, в Тверском Поволжье²⁹ и Переяславском Ополье³⁰. За этими сосудами закрепилось название керамики ладожского типа. Распространение подобных сосудов на Северо-Западе большинство исследователей связывают с появлением здесь славян. В центральных районах Новгородчины и Псковщины эти сосуды выходят из употребления в конце X в., когда производство леп-

ной керамики здесь прекращается. В Юго-Восточном Приладожье и Юго-Западном Белозерье, где производство лепной керамики продолжалось и позже, сосуды типа III встречаются в комплексах как X в. (Городище, Чемихино, Орехово), так и в XI в. (Стан, Ярцево, Кабожа, Тимошкино, Новинки I и III).

Многочисленные аналогии баночным сосудам типа IV могут быть указаны в кругу прибалтийско-финских древностей: в каменных могильниках и курганах Эстонии середины — второй половины I тысячелетия н. э.³¹, на селищах Эстонии начала II тысячелетия н. э.³², в ливских курганах³³, а также в курганах VII—XI вв. на Аландских островах³⁴.

В материковой Финляндии баночные сосуды известны начиная со второй половины VII в. и бытуют в течение всей эпохи викингов³⁵. На Северо-Западе Руси баночные сосуды представлены в Изборске³⁶, Пскове, Камно³⁷, в псковских и новгородских длинных курганах (Съезжее, Подсосонье, Липицы)³⁸. Укажем также отдельные баночные сосуды из горизонта «Д» Старой Ладogi³⁹ и ярославских курганов⁴⁰. К концу X—XI и частично XII в. относится представительная серия баночных сосудов из курганных групп Новинки I и II, Тимошкино, Володино II и Дудино на р. Колпи, Нижний Конец на р. Суде и Вичугино и Карлуха в Приладожье⁴¹. Таким образом, этот тип можно считать преимущественно прибалтийско-финским. Однако вполне вероятно, что на окраинах Руси в XI—XII вв. сосуды типа IV бытовали не только в финской среде. В курганах на р. Колпи баночные сосуды найдены в погребениях, совершенных по славянскому обряду и сопровождавшихся славянскими украшениями. По-видимому, в этот период, когда изготовление лепной керамики на основной территории восточных славян уже прекратилось, а на окраинах Руси производство гончарных сосудов еще не было налажено, некоторые финно-угорские типы керамики утратили свою этническую окраску и стали локальными, распространенными среди смешанного населения северных периферийных областей.

Сосуды, аналогичные горшкам типа V, встречаются на памятниках второй половины — конца I тысячелетия н. э. в Волго-Окском районе: на Попадьянском селище, Дурасовском городище⁴², в Киучерских курганах под Переяславлем⁴³, в ярославских курганах⁴⁴. Известны они и на некоторых памятниках конца I тысячелетия н. э. в бассейне Ловати и верхней Мологи, в Подсосонье, Шихине⁴⁵. В памятниках моложе X в. подобные сосуды встречаются редко. По-видимому, этот тип можно считать архаичным финно-угорским, возможно, преимущественно поволжско-финским.

Основная масса аналогий сосудам типа VI, напротив, датируется X — первой половиной XII в. Подобные сосуды происходят из Старой Ладogi⁴⁶, из волховских сопок (Победище)⁴⁷, из курганов Углицкого, Ярославского, Костромского и Тверского Поволжья (Грехов Ручей, Тимерево, Коряково, Плешково) и Суздальского Опожья (Новоселки)⁴⁸. Значительная серия (32 сосуда) представлена в материалах Юго-Западного Белозерья (Бабаево, Володино II, Дудино, Кабожа, Куреваниха, Никольское I, Новинки I и II, Пестово, Ярцево)⁴⁹, 9 сосудов найдено в приладожских курганах (Акулова Гора, Верхняя Мандрога, Городище, Заозерье, Кумбита, Ньюбиничи, Усть-Рыбежна, Чемихино)⁵⁰. Укажем также находки из могильника Корбола на Ваге⁵¹. Очевидно, этот тип керамики не имеет определенной этнической или узколокальной атрибуции, а получил распространение в тех областях, где лепная керамика продолжала бытовать в XI—XII вв.

Тип VII можно рассматривать как модификацию славянской лепной керамики конца I тысячелетия н. э. — сосудов типа III варианта В, а также горшков стройных пропорций с выпуклым округлым плечиком, не представленных в Восточном Прионежье. Все аналогии сосудам типа VII происходят из курганов Юго-Западного Белозерья (Володино

I и II, Новинки III, Дудино, Кабожа)⁵² и Приладожья (Новосельск, Орехово)⁵³, они датируются концом X—началом XII в.

Чтобы оценить степень близости керамических комплексов Восточного Прионежья и сопредельных регионов, необходимо сравнить не отдельные сосуды, а керамические наборы.

Среди керамики Приладожья известны сосуды пяти типов из семи основных, выделенных по материалам Восточного Прионежья. Однако наиболее распространенные в Приладожье сосуды типа VI составляют в Белоозере лишь 6,5 % всей керамики и еще более редки на Крутике. Стоящие по численности на втором месте в приладожском комплексе высокие горшки с максимальным расширением в верхней четверти и округлым плечиком вовсе не встречены в Белоозере. В то же время в приладожских курганах не найдено сосудов типа I, а баночные сосуды типа IV представлены лишь 3 экз.

Керамика, собранная на поселениях Заонежья и Обонежья, сильно фрагментирована, и типологическая принадлежность сосудов восстанавливается с трудом. По-видимому, наиболее употребительными здесь были сосуды, близкие типу III, но более приземистые, и широкодонные сосуды типа II. Баночные сосуды здесь редки, а сосуды типа I вовсе отсутствуют.

В ярославских курганах присутствуют сосуды всех основных типов, кроме типа VII, но почти все они представлены единичными экземплярами. Ведущие формы в керамическом комплексе Ярославского Поволжья — невысокие горшки с широким устьем, узким дном и раздутым туловом и сосуды усеченно-конической формы с выпуклыми стенками — отсутствуют в материалах Восточного Прионежья.

Наибольшую близость к керамическому набору Восточного Прионежья обнаруживает набор Юго-Западного Белозерья, включающий все основные типы сосудов, кроме типа V. Но ведущим типом в Юго-Западном Белозерье является тип VI, не получивший широкого распространения в Восточном Прионежье, доля баночных сосудов здесь вдвое меньше, а сосуды типа I представлены лишь единичными экземплярами.

Итак, керамический набор Восточного Прионежья имеет сложный состав и существенно отличается от соответствующих наборов других областей Северо-Западной Руси. Представленные в этом наборе типы различны по своему происхождению. Тип I и, возможно, тип V можно считать восточнофинскими или волго-окскими. Типы II и IV имеют прибалтийско-финское происхождение, а тип III аналогичен керамике Приильменья и Поволжья. В керамических материалах Восточного Прионежья отсутствуют формы, характерные исключительно для этого региона и неизвестные в других. Специфика керамического комплекса Восточного Прионежья выражается не в присутствии в нем каких-либо местных форм, а в сосуществовании восточных и западных типов.

Примечательно, что период преобладания волго-окских типов в керамическом наборе совпадает с временем распространения на Белом озере украшений поволжско-финских типов (проволочных височных колец большого диаметра, шумящих украшений, изготовленных в наборной технике, и т. п.). В XI в., когда сосуды баночных типов становятся доминирующими в керамическом наборе, украшения прибалтийско-финских типов вытесняют восточнофинские⁵⁴. Изменения в составе керамического комплекса в конце X в. отражают, таким образом, общее ослабление «восточных» связей белозерской веси и переориентацию ее культуры на культуру прибалтийско-финских областей.

¹ Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 3—10; Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 63—67; Носов Е. Н. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977. С. 95—98; Белецкий С. В. Керамика городища Камно Псковской области // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 92—95; Спиридонов А. М. Керамический материал из оятских

- курганов // Кочуркина С. И., Лиевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985. С. 196—203; *Седых В. Н.* Керамика Тимиревского поселения Предварит. сообщ. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 111—117.
- ² *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М., 1973. С. 145—160.
- ³ *Макаров Н. А.* Население Восточного Прионежья в X—XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 4—7.
- ⁴ Исследовалась Л. А. Голубевой в 1974—1978, 1980—1981 гг. Предварительная публикация: *Golubeva L. A.* The White Lake area and the Volga water-way // *Fennougric et Slavi*, 1978. Helsinki, 1980. P. 42—48.
- ⁵ Материалы раскопок А. Е. Леонтьева 1980—1981 гг. Хранилище ИА.
- ⁶ Археологические разведки автора 1985 г.
- ⁷ *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. С. 123, рис. 57, 1.
- ⁸ ЯКМ. Кол. № 21677; ГИМ. Инв. № 98561. Оп. 1944, 1945.
- ⁹ ГИМ. Инв. № 37730. Оп. 580; Инв. № 56480. Оп. 811.
- ¹⁰ *Краснов Ю. А.* Безводнинский могильник: К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья. М., 1980. С. 79, 217, 219, рис. 54, 3; 58, 1.
- ¹¹ *Трисов А. В.* Могильник Облачанская дюна // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 83, рис. 1, 1; Материальная культура среднецентинской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969. С. 119, табл. 23, 6.
- ¹² ГЭ. ОИПК. Кол. № 700; Фонды сектора археологии ИЯЛИ КФ АН СССР.
- ¹³ МАЭ. Кол. № 6012; ВОКМ. Кол. № 19774, 20920, 20921.
- ¹⁴ ГЭ. ОИПК. Кол. № 1553.
- ¹⁵ *Cleve N.* Skelettgravfalten på Kjuloholm i Kjulö. // *SMYA*. Helsinki, 1978. Vol. 44, pt 2. Pl. 4, 86; *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari. Vol. 1. The graves // *SMYA*. Helsinki, 1982. Vol. 82, pt 1. Pl. 77.
- ¹⁶ ЯКМ. Кол. № 21677.
- ¹⁷ *Макаров Н. А.* О некоторых комплексах середины — третьей четверти I тысячелетия н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. 1986. Вып. 183. С. 26, рис. 3, 9, 10, 16, 17.
- ¹⁸ *Станкевич Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi // СА. 1950. № 15. С. 227—230, рис. 44.
- ¹⁹ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика ... С. 4—6, рис. 3, 1—3.
- ²⁰ *Носов Е. Н.* Лепная керамика ... С. 95—98, рис. 4.
- ²¹ Раскопки Е. Н. Носова 1974—1975 гг. Хранилище ЛОИА.
- ²² *Горюнова В. М.* Новое в исследовании «Городка на Ловати» // КСИА, 1974. Вып. 139. С. 75—77, рис. 24, 1, 2, 4, 5, 9.
- ²³ *Белецкий С. В.* Керамика городища ... С. 92, 93, рис. 1, 1.
- ²⁴ *Седов В. В.* Лепная керамика ... С. 64, 65, рис. 1, 6.
- ²⁵ МАЭ. Кол. № 1553.
- ²⁶ ГИМ. Инв. № 100559. Оп. 2015.
- ²⁷ Раскопки И. В. Ислановой 1980 г. Хранилище ИА.
- ²⁸ ЯКМ. Кол. № 21677; ГИМ. Инв. № 98561. Оп. 1944, 1945, 1946.
- ²⁹ *Комаров К. И.* Погребение дружинника во втором Пекуновском могильнике на Верхней Волге // СА. 1974. № 3. С. 253, рис. 2.
- ³⁰ *Горюнова Е. И.* Отчет о работе Верхневолжского отряда Волжской экспедиции в 1960 г. // Арх. ИА. Р.-1. № 2101. Л. 17.
- ³¹ *Jaaniits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* Eestiesiajalugu. Tallinn, 1982. Lk. 296—298, Joop 197, 198; *Аун М.* Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. Таллинн, 1980. С. 74—79, рис. 16, 1, 3—5, 7, 8.
- ³² *Тамла Т.* Селище в Пада // Изв. АН ЭССР. Обществ. науки. 1983. Вып. 32. С. 304, 305, табл. XII, 1, 4, 5, 6.
- ³³ *Tõnisson E.* Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh.-Anfang. 13. Jh.). Tallinn, 1974. S. 132—134, Abb. 25, 1, 3.
- ³⁴ *Kivikoski E.* Kvarnbacken: Ein Gräberfeld der jungern Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963. Taf. a49, 9, 54, 2, 57, 16, 60, 6; *Idem.* Långängsbacken. Ett gravfält från yngre järnålder på Åland // *SMYA*. Helsinki, 1980. Vol. 80, p. 43, pl. 16, 31.
- ³⁵ *Cleve N.* Skeletgravfalten på Kjuloholm i Kjulö. Vol. 1. Den yngre Folkvandringsstiden // *SNYA*. Helsinki, 1943. Vol. 44. P. 156—158, fig. 48, pl. 28; *Idem.* Skeletgravfalten på Kjuloholm i Kjulö. Vol. 2. // *Ibid.* P. 190—192, pl. 13, 203; 14, 217, 18, 289, 290; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. Taf. 114, 1025, 1027, 1028; *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari. P. 33, 46, 56, 64, 68, 78.
- ³⁶ *Седов В. В.* Лепная керамика ... С. 65, 66, рис. 2А.
- ³⁷ *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 54, 55, рис. 4, 6, 10; 6, 1—4, 9—11; *Он же.* Керамика городища ... С. 92—94, рис. 1, 1; 2, 1.
- ³⁸ *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей // САИ. М., 1974. Вып. Е1-8. Табл. 19, 2—4, 6; 20, 1, 2; 22, 10, 11; Раскопки Е. Н. Носова 1975—1976 и 1979 гг. Хранилище ЛОИА; ГЭ. ОИПК. Кол. № 851.
- ³⁹ *Станкевич Я. В.* Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi // СА. 1950. № 14. С. 189, 190, рис. 2, 1.
- ⁴⁰ ЯКМ. Кол. № 21677.
- ⁴¹ ВОКМ. Кол. № 15628, 15629, 19773, 19779, 20124, 20346, 20922; ЧКМ. Кол. № 3784; ГЭ. ОИПК. Кол. № 700; КГМ. Кол. № 7143.

- ⁴² Горюнова Е. И. Этническая история ... С. 86, рис. 32, 1; С. 133, рис. 52, 2.
⁴³ Горюнова Е. И. Отчет о работе ... Л. 16.
⁴⁴ ЯКМ. Кол. № 21677; ГИМ. Инв. № 98561. Оп. 1944, 1945, 1946.
⁴⁵ ГЭ. ОИПК. Кол. № 851; ГИМ. Инв. № 100255. Оп. 2009.
⁴⁶ Станкевич Я. В. Керамика нижнего горизонта ... С. 193, рис. 2, 3.
⁴⁷ ГЭ. ОИПК. Кол. № 694.
⁴⁸ ГИМ. Инв. № 95369, 96483. Оп. 1782, 1816; Инв. № 98651. Оп. 1944, 1945; Раскопки К. И. Комарова 1980 г. Хранилище ИА; Раскопки М. В. Седовой 1980 г. Хранилище ИА; Леонтьев А. Е. Новые данные о костромских курганах // СА. 1984. № 4. С. 189, 190, рис. 7, 12; 8, 8.
⁴⁹ ЧКМ. Кол. № 3776, 3784; ВОКМ. Кол. № 14221, 15628, 15629, 19773, 19779, 20124, 20347, 20920, 20921; раскопки В. И. Равдоникаса 1925 г. (Устюженский музей).
⁵⁰ Раскопки А. М. Линевского 1947 и 1949 гг. (Фонды сектора археологии ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР); ГЭ. ОИПК. Кол. № 700, 881; МАЭ. Кол. № 1365; ГИМ. Инв. № 32778. Оп. 137.
⁵¹ Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые памятники чуды заволочской // СА. 1984. № 4. С. 209, рис. 9, 4, 5.
⁵² ВОКМ. Кол. № 19774, 20125, 20346; ЧКМ. Кол. № 3784.
⁵³ ГЭ. ОИПК. Кол. № 700; раскопки И. П. Крупейченко 1975—1976 гг. (Тихвинский музей).
⁵⁴ Макаров Н. А. Население Восточного Прионежья ... С. 13—15.

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

КРЕПОСТЬ ОМАЙТУРА В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ (по материалам работ 1980—1982 гг.)

Сооружение, известное Г. Ф. Миллеру под названием «Лозанова осада», П. С. Палласу как «Логинова осада» или «Омайтура», в современную науку введено под последним из наименований¹. Речь идет о каменно-земляной стене, перегораживающей узкую долину Енисея при выходе его из Саянского каньона в Минусинские степи. Она находится в одном километре выше устья правого притока Енисея р. Голубой, в Шушенском р-не Красноярского края. В 1980 и 1982 гг. проводились стационарные исследования этого памятника, связанные со строительством Майнской ГЭС².

Вал имел длину около 250 м, упираясь одним концом в скалы, ограничивающие долину с востока, другим обрываясь в русло Енисея. Западный конец его вместе с частью берега размыт рекой, и на отмели еще на протяжении 50 м видны крупные уплощенные камни, подобные обнаруженным на валу. В восточной части стена, отклоняясь к юго-востоку, огибает сухое озерцо, расположенное к северу от вала. Поперек стены были заложены пять траншей длиной 9—16 м, шириной до 15 м, и сделана береговая зачистка.

В результате работ на траншее 4 — «от вала к озерцу» — установлено, что они не были связаны между собой. Последнее существовало до постройки сооружения, чем и объясняется изгиб его в восточной части.

Наиболее отчетливое представление о внешнем виде сооружения дали траншеи 3 и 5, последняя связана с проходом через стену. Траншея 2 показала стратиграфические и конструктивные соотношения вала и сопровождавшего его рва. Удалось установить, что данное сооружение имело 3 строительных горизонта и соответственно 3 периода функционирования, датирующиеся по немногочисленному материалу и историческим свидетельствам концом III в. до н. э.—XVII в. н. э. Рассмотрим конструктивные особенности Омайтура каждого периода в отдельности.

1 Строительный период. Выбравшаяся из рва земля выбрасывалась к северу от него, образуя вал. В разных местах ширина рва в верхней части от 2,9 до 5 м, глубина 2,2—3,1 м от уровня современной дневной поверхности. Ров глубже в сторону реки, с которой он, видимо,

соединялся и был, следовательно, заполнен водой. Стенки рва двумя-тремя уступами сужаются к приостренному дну. Его ширина в нижней части 0,2—0,65 м.

Одновременно с нарастанием вала производилось укрепление стенок камнями. С южной стороны каменная облицовка начинается прямо над рвом и составляет от 5—6 до 10—11 слоев у прохода. С северной стороны прослежено 23—25 слоев камня, вбитых горизонтально в земляной вал. Высота собственно вала в этот период достигала 1,8—2,2 м. Здесь не учитывается процесс оседания земли, т. е. вал мог быть несколько выше, до 2,5 м. Ширина его в нижней части 4,8—5,3 м. Вал имел плоскую земляную вершину с шириной площадки 1—1,5 м. Не исключено, что на участке, близком к руслу реки, одновременно выбирались две неглубокие канавки, прорезавшие погребенную почву, лежащую на мощном слое намытого песка, в которые укладывались камни, образывавшие фундамент кладки. Стена до высоты 0,8—1 м здесь была «двойной», далее обе кладки соединялись, и до верха продолжался единый ряд облицовки.

К северу от стены на расстоянии от 0,5 до 1,5 м проходила неглубокая (до 0,5 м) канавка шириной около 1,5 м. Она тянется вдоль всего вала и, возможно, соединялась с упомянутым озерцом. Ближе к реке канавка нивелируется и становится практически незаметной. Между ней и кладкой стены был установлен ряд кольев с промежутками 15—20 см между ними. Назначение этого «тына» осталось неясным.

Вал имел проход (рис. 1, 1), по линии которого канавка была вымощена в 1—2 слоя камнями. Ширина вымощки 2,2 м; сама канавка имеет здесь ширину 3 м, глубину до 0,25 м. Продолжая проход через вал, ров также заполнен горизонтально уложенными в 10—12 слоев камнями. Ширина рва наверху 3 м, глубина 1,5 м от современной дневной поверхности (рис. 2, 2). Ширина заклада не менее 6 м, тогда как проход имел ширину не более 4 м.

По верху вала дополнительно были устроены деревянные укрепления, а проход закрывали деревянные ворота. Не исключено, что имелась некая привратная башня, судя по слою прокаленной земли в проходе, но никаких достоверных следов ее не обнаружено, поэтому ее существование остается в области предположений. Бревна наверху вала, вероятно, были уложены по длине, горизонтально, на высоту до 1,5 м, а ворота по высоте были равны валу (рис. 1, 1). Подобная реконструкция основана на следах пожара, отмеченных в проходе и во рву. В проходе (рис. 2, 2) прокаленная докрасна с включением угольков почва толщиной более 5 см занимала всю его площадь и доходила до вымощки канавки. Во рву на глубине 1,2 м от древней дневной поверхности в намытом песке лежит линза золистой почвы толщиной около 10 см.

На самом дне рва под камнями, сползшими с южной стенки, и потревоженными слоями его заполнения обнаружен поддон керамического сосуда, аналогии которому находятся в погребениях в Минусинской котловине, датированных концом III или началом II в. до н. э. (позднесарагашенских или раннетесинских). Находки на дне рва обычно считаются датирующими для памятников подобного рода, устанавливающими время, близкое к моменту возведения сооружения. В таком случае этот фрагмент сосуда (рис. 2, 12а) свидетельствует, что оборонительное сооружение было возведено в конце III—II в. до н. э.

Пожар, во время которого погибло оборонительное сооружение I периода, произошел относительно скоро после постройки: ров был затянут намытым песком только на 0,5 м, а в проходе оказалась прокаленной погребенная почва, на которой возведено сооружение и которую прорезали ров и канавка.

II строительный период. Ко времени восстановления оборонительной стены в Саянском каньоне ров был значительно затянут намытым рекой песком, так же как и северная стенка вала, и, следовательно,

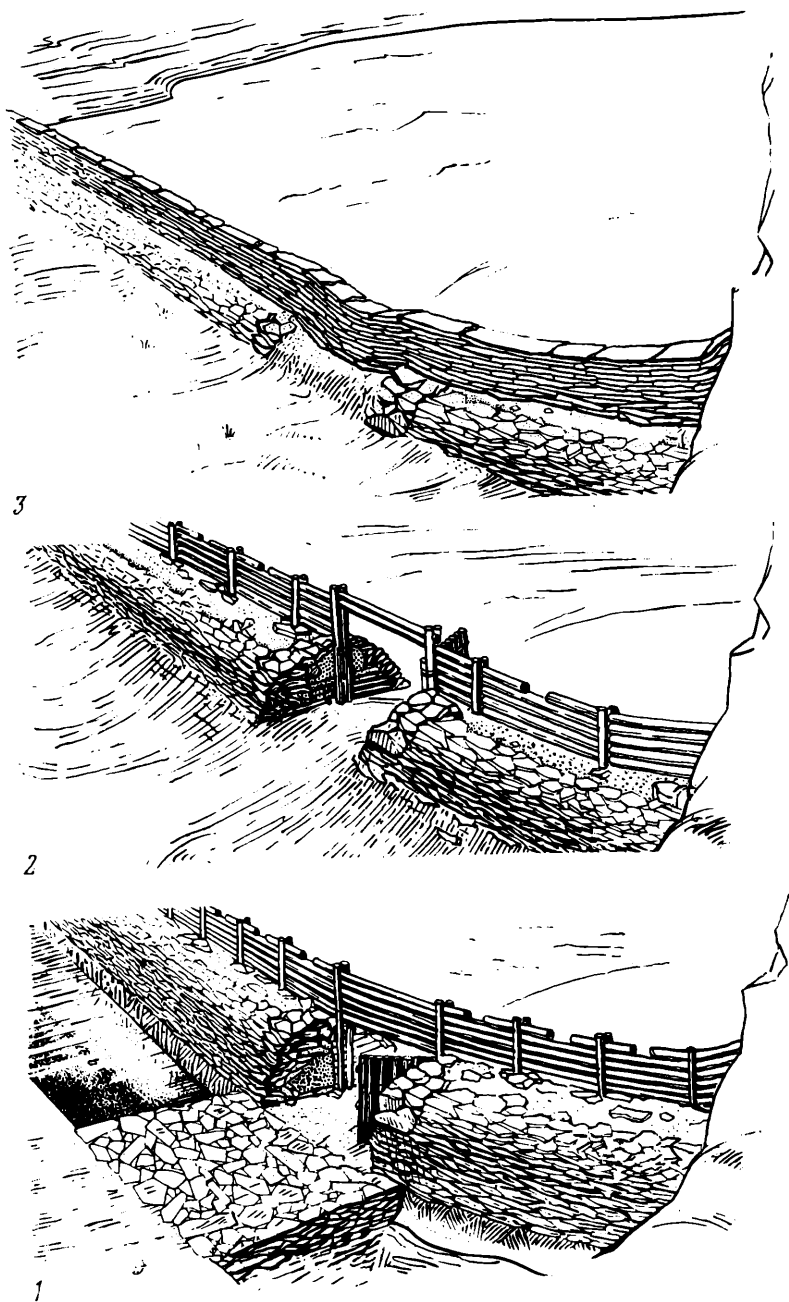

Рис. 1. Реконструкция крепости Омайтура

1 — I строительный период; 2 — II строительный период; 3 — III строительный период

канавка, и заклад рва в проходе, хотя ров был еще заметен. Глубина его в этот период не менее 0,7—0,9 м. Вал из-за такого «подъема» уровня дневной поверхности стал ниже на 0,6—0,8 м; таким образом, высота его около 1—1,5 м. На этом же уровне сооружаются запирающие остатки прохода ворота второго периода и новые деревянные укрепления по гребню вала. Возможно, произведена небольшая подправка каменных облицовок обеих сторон вала — с севера она составляет теперь 10—12 слоев, а с юга — 5—6. У прохода отмечаются небольшие площадки, которые возникли, видимо, вследствие естественного разрушения конструкции (оседание земляного тулова, выпадение каменной об-

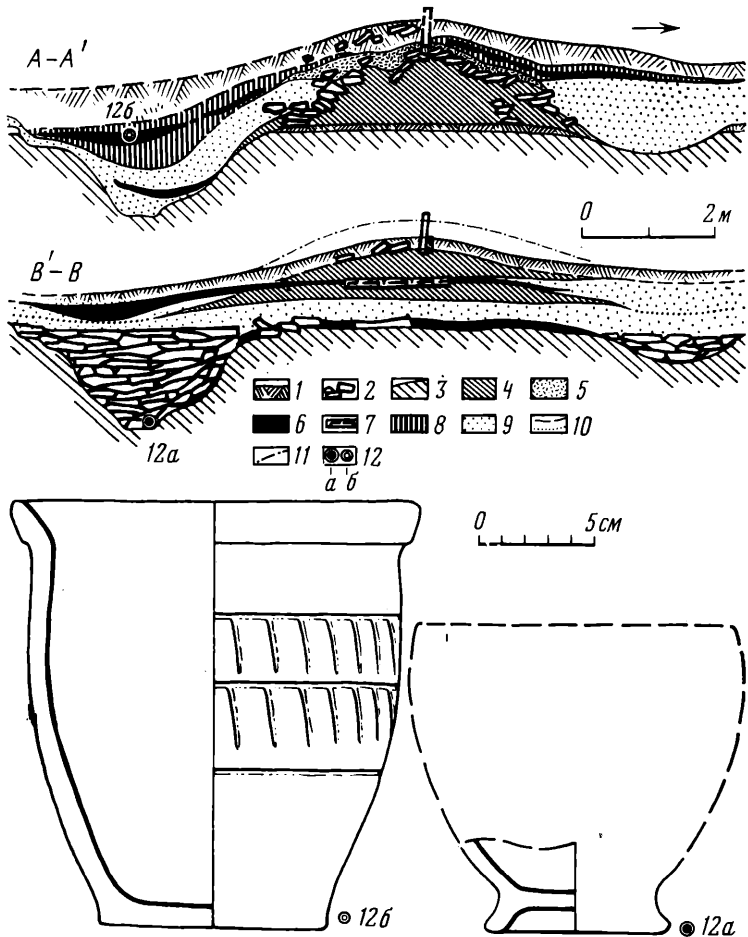

Рис. 2. Разрезы оборонительных сооружений и сосуды I и II периодов функционирования вала

1 — современный дерновый слой и погребенная почва; 2 — строительные камни; 3 — материк; 4 — материковые суглинки тулова вала; 5 — песок, намытый высокими паводками (?); 6 — проклевенная и золотистая почва; 7 — дерево; 8 — намытые суглинки; 9 — намытый песок; 10 — предполагаемые границы слоев; 11 — профиль вала вне прохода; 12а, б — керамические сосуды

лицовки). Вершина вала оставалась земляной, ширина ее по-прежнему от 1 до 1,5 м. На данной площадке вдоль вала по его гребню снова сооружается деревянный «забор» из бревен, уложенных по длине и укрепленных между вертикально установленными столбами. Об этом в первую очередь свидетельствуют остатки сгоревших бревен на гребне вала в траншее 3.

Остатки сгоревших деревянных конструкций лежали в проходе выше погребенной почвы I периода на 1—1,15 м (рис. 2, 2; 1, 2). Торцы земляного тулова вала были укреплены деревянными жердями, уложенными лесенкой и поддерживаемыми вертикально вбитыми колышками с восточной стороны, и также укрепленными жердями диаметром до 10 и бревном по верхней линии приступа — с западной.

Ворота были сделаны из 11—13 неотесанных березовых бревен длиной около 3 м и диаметром 25—30 см каждое, скрепленных поперечными жердями. Вероятно, выступавшие концы поперечных жердей связывались, зажимая между собой березовые бревна. Можно насчитать остатки 7 пар жердей через 40—45 см.

Пожар, бушевавший здесь, уничтожил все деревянные конструкции по верху вала; ворота упали, но сохранили свою конфигурацию, благодаря чему стала возможна реконструкция II строительного горизонта

(рис. 1, 2). Однако и для II строительного периода — II периода функционирования сооружения трудно установить датировку. Предположительно, по находке во рву керамического сосуда в линзе золистых суглинков — следов гибели деревянных конструкций стены II периода (рис. 2, 12б), который имеет некоторые аналогии среди керамики Орду-Балыка — уйгурской столицы VIII—IX вв.³, датировка памятника — VIII в. н. э.

В промежутке времени между гибелью сооружений I и II периодов происходит дальнейшее замыкание рва и пространства к северу от вала песком (рис. 2, 1, 2) и суглинками, лежащими на этот песок. Мощность слоя суглинков, изначально являвшихся туловом вала, вымытых из него, 0,8 м, ширина 3,5—5 м. В данном слое (рис. 2, 8) прослеживается линза золистых суглинков — «горелой земли» шириной 2,7 м и толщиной 0,2 м; севернее вала ее ширина около 2 м, толщина 0,1 м.

III строительный период. К этому времени грозная некогда стена практически не существовала. Вал, затянутый землей, выступал местами выше уровня древней поверхности не более чем на 0,5 м. В этот момент, а нам представляется, что это было связано с событиями середины XVII в., когда Алтын-хан Лоджан получил в 1666 г. разрешение на постройку оборонительного сооружения и начал строительство укрепления близ устья р. Сизой⁴. Судя по проведенным археологическим исследованиям, строители вала III периода не стали ни очищать вал, ни обновлять ров. По гребню вала в земляное тулово был вбит ряд вертикальных плит, подобных тем, из которых ранее делалась облицовка. Плиты подпирались вертикальными колышками или жердями (?), установленными к северу впритык к камням с промежутками 15—20 см между ними. С южной стороны, примыкая к этим плитам, была сложена каменная стенка шириной до 0,7 м (1—2 ряда) и высотой до 1,5 м (10—12 слоев). Обломки горных пород были хорошо подобраны друг к другу и уложены горизонтально способом сухой кладки. Спустя какое-то время стенка начала разрушаться — верхние камни падали, вероятно, на северную сторону, а ниже — на южную. Они перекрыли уже затянутые вал II периода и ров (рис. 2, 1, 3). Распаду нижних камней на север, возможно, мешали колышки или жерди, остатки которых обнаружены по гребню, даже в бывшем проходе.

Во всяком случае, весь этот процесс развала был завершен примерно к середине XVIII в., так как П. С. Паллас, описывая со слов стариков, как укрепление использовалось, отмечает, что видел «земляной с камнями вал без рву и, как по следам видно, с воротами»⁵. Ворота и проход III периода нами не обнаружены.

Таковы наши представления об этом памятнике. Не все заключения, сделанные ранее⁶, остались незыблемыми после второго сезона раскопок. В частности, следует признать, что Омайтура-крепость возводилась и подправлялась трижды, причем дважды ее строителями было население Минусинской котловины, остерегавшееся передвижек в степях Центральной Азии и наиболее близкой ее части — Туве.

Впервые, вероятно, стену возводят в начале II в. до н. э. тесинцы, используя приемы строительства, аналогичные технике сооружения склепов (горизонтальные кладки вокруг земляных пирамид над деревянными конструкциями, деревянный тын вокруг сруба)⁷. Подобные конструктивные приемы сохраняются и позже, в таштыкских склепах, где продолжает существовать в небольшом количестве и кубковидная посуда⁸. Население Минусинской котловины, скорее всего, возводит крепость в наиболее удобном для защиты месте — в Саянском каньоне, опасаясь нападения хунну, в начале II в. до н. э. появляющихся в Туве.

Во второй раз население кыргызского каганата укрепляет вал, вероятно, в середине VIII в. н. э. опасаясь продвижения уйгуров, хотя и не исключено, что это происходит несколько раньше и в какой-то мере связано с походами тюрок II каганата в начале VIII в.⁹ Видимо,

именно с этим периодом функционирования крепости связано ее название Омайтура.

В XVIII в., по сообщению П. С. Палласа, именно русские называли вал «Логонова осада», а «татары, как и самые тутошные горы, и Саянский острог,— Омайтура»¹⁰. Дата XVII в. известна по письменным источникам, и искаженное имя Алтын-хана Лоджана дошло в наименованиях «Логонова» или «Лозанова осада».

¹ *Кызласов Л. Р.* Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. н. э. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1980. С. 51; *Длужневская Г. В., Варламов О. Б.* Раскопки «крепости Омая» // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 122—130.

² *Длужневская Г. В.* Раскопки средневековых памятников в Саянском ущелье Енисея // АО 1980 г. М., 1981. С. 177, 178; *Она же.* Продолжение раскопок средневековых памятников в Саянском ущелье Енисея // АО 1982 г. М., 1984. С. 198, 199.

³ *Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д.* Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 90, рис. 4, 1.

⁴ *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 44, примеч. 4.

⁵ *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3, кн. 1. С. 544.

⁶ *Длужневская Г. В., Варламов О. Б.* Раскопки «крепости Омая». С. 122—130.

⁷ *Пшеницына М. Н.* Работы позднетагарского отряда // АО 1967 г. М., 1968. С. 179, 180.

⁸ *Пшеницына М. Н.* Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1980. С. 85; *Грязнов М. П.* Таштыкская культура // Там же. С. 90—118.

⁹ История Тувы. М., 1964. Т. 1. С. 81.

¹⁰ *Паллас П. С.* Путешествие ... С. 543, 544.

ХРОНИКА

М. В. АЛЕКСАНДРОВА

СЕКТОР ОХРАННЫХ РАСКОПОК
в 1985—1986 гг.

Ведущим направлением работы сектора в 1985—1986 гг. оставались выявление археологических памятников, которым грозит частичное или полное уничтожение в результате строительных или сельскохозяйственных работ, а также природной деятельности, и проведение на них исследований.

Полевые исследования. В 1985 г. сектор организовал своими силами три (в 1986 г.— пять) крупные новостроечные экспедиции, работавшие несколькими отрядами, а с привлечением сотрудников других подразделений Института соответственно 18 и 23. Всего в 1985—1986 гг. работало 49 хоздоговорных экспедиций. Большинство экспедиций — многолетние. Наиболее крупными по объему финансирования были Псковская (В. В. Седов), Калининская (Л. В. Кольцов), Алтайская (В. А. Могильников), Северо-Кавказская (А. Н. Гей), Деснинская (А. С. Смирнов), Клин-Ярская (В. С. Флеров), Ставропольская (С. Н. Кореневский), Дагестанская (Р. М. Мунчаев, Г. Г. Пятых), Фанагорийская (В. С. Долгоруков). В 1985 г. для проведения археологических изысканий в зоне мелиоративного строительства в Дагестане создана большая новостроечная экспедиция — Дагестанская (Р. М. Мунчаев, Г. Г. Пятых); в этом же году завершила свою работу в качестве хоздоговорной Причерноморская экспедиция (В. В. Бжания). В 1986 г. в результате реорганизации Таманской экспедиции (Ю. М. Десятчиков) возникла Запорожская экспедиция (М. В. Калашников); 1986 г. также был последним годом работы Ставропольской экспедиции (С. Н. Кореневский).

Полевыми исследованиями сектора было охвачено четыре республики. Подавляющее большинство экспедиций работало на территории РСФСР, меньшие по объему археологические изыскания проводились в Казахской ССР, Киргизской ССР и Украинской ССР. Ежегодно экспедициями сектора исследовалось около 200 памятников, в том числе шесть-семь древнерусских и античных городов, более 50 поселений, около 30 курганных и грунтовых могильников, около 1000 погребений. Общая площадь, на которой изучался культурный слой, в 1986 г. превысила 20 тыс. кв. м.

Приведем более подробные сведения по тем многолетним экспедициям, результаты работ которых не отражены в настоящем сборнике.

Алтайская экспедиция (В. А. Могильников) при участии Института этнографии АН СССР, Уральского и Челябинского университетов и Тобольского пединститута пятью отрядами производила археологические разведки по трассе проектировавшегося канала Сибирь — Средняя Азия. Работы велись в Тюменской и Курганской обл. РСФСР, Кустанайской, Тургайской и Джезказганской обл. Казахской ССР. Рекогносцировочным раскопкам подвергнуты поселения Уки 1, 2, Юргаркуль, Ст. Погост, Средний Балкан, Юртабор и курганы разновременных эпох.

Анапская экспедиция (Е. М. Алексеева) при участии Краснодар-

ского археологического музея-заповедника продолжала охранные стационарные археологические раскопки на территории заповедника «Гор-гиппия» (г. Анапа, Краснодарский край). Культурный слой изучен на площади 1275 кв. м. Полученные материалы отражают несколько периодов истории древнего города.

Основные охранные стационарные исследования Волго-Окской экспедиции (А. Е. Леонтьев), действовавшей двумя отрядами, были сосредоточены в г. Ростове (на территории Митрополичьего сада и около Успенского собора) и Ростовском р-не Ярославской обл. Всего на разных памятниках было вскрыто 1238 кв. м культурного слоя. Впервые получены данные о первоначальном поселке, существовавшем на месте Ростова до конца X в., собран материал для разработки дендрохронологической шкалы. Кроме того, раскапывались стоянка эпохи бронзы (у д. Липовка) и городище раннего железного века (у д. Филимоново).

Запорожская экспедиция (М. В. Калашников), действующая с 1986 г., осуществляя охранные раскопки, исследовала участок некрополя, прилегающего к Красноармейской батарееке — укрепленному поселению первых веков нашей эры (пос. Красноармейский, Темрюкский р-н, Краснодарский край). На вскрытой площади 925 кв. м изучено 94 погребения, выявлено три хронологических пласта, 90 % всех захоронений относится к XVI—XVII вв. Наибольший интерес представляют находки склепов I—II вв. н. э.

Ильичевская экспедиция (Э. Я. Николаева) продолжала охранные стационарные исследования крепости V—VII вв. у пос. Ильич и в 1986 г. провела спасательные раскопки обжигательных печей у пос. Батарейка (Темрюкский р-н, Краснодарский край). Культурный слой исследован на площади 730 кв. м. В крепости раскапывались участки оборонительных сооружений, рыбозасолочный комплекс. Благодаря систематическим раскопкам крепости границы античного периода для этого региона расширены на два века.

Курская экспедиция (А. И. Пузикова) продолжала охранные стационарные раскопки городища Глебово (Алябьево) и многослойного поселения Переверзево II (Золотухинский и Курский р-ны, Курская обл.), а также произвела разведки в зоне проектируемого Курского водохранилища. Общая площадь, вскрытая раскопками, составила 700 кв. м. Возникновение Глебовского городища отнесено к началу VI в. до н. э. На Переверзево II выделяются слои: скифский (VI—V вв. до н. э.), роменский (IX—начало X в.), русских поселенцев (XVI—XVII вв.).

Ляйлякская экспедиция (Г. А. Брыкина) производила стационарные охранные раскопки и разведки по выявлению памятников в Ляйлякском р-не Ошской обл. (Киргизская ССР). Исследовались грунтово-курганские могильники первой половины I тысячелетия н. э. Оут-Сай, Ташрават I—III и поселение близ кишлака Кайрагач. Впервые для этого района открыт тип захоронений в грунтовых ямах, где погребенные лежали в деревянных ящиках; обнаружены остатки культового сооружения.

Поволжская экспедиция (В. В. Дворниченко) продолжала стационарные охранные раскопки городища золотоордынского времени Сарай-Бату (с. Селитренное, Харабалинский р-н, Астраханская обл.) и завершила исследование могильника сарматского времени и эпохи позднего средневековья у с. Косика (Енотаевский р-н). Площадь культурного слоя, изученного раскопками на городище, 2400 кв. м, на могильнике — 2000 кв. м. Сарматский могильник у с. Косика — первый полностью изученный памятник такого рода на Нижней Волге.

Северная экспедиция (С. В. Ошибкина) двумя отрядами, преобразованными в 1986 г. в Северную и Онежско-Сухонскую экспедиции, производила стационарные охранные раскопки на мезолитических стоянках (Веретье и Сухое) и могильниках (Попово и Песчаница), а также на средневековых могильниках (Шуйгино и Нефедьево) в зоне про-

ектировавшихся перебросок северных рек в Архангельской, Вологодской, Костромской областях. Особенность мезолитических памятников — хорошая сохранность жилищ. Сорок погребений в районе Волока Славенского дали обильный вещевой материал, оставленный смешанным славяно-финским населением.

Ставропольская экспедиция (С. Н. Корневский) двумя отрядами продолжила поиск и стационарное исследование археологических памятников в зоне строительства Большого Ставропольского канала и Родниковской оросительной системы (Предгорный, Петровский, Арзгирский р-ны, Ставропольский край). Раскопано 35 курганов (от эпохи бронзы до средневековья), содержащих 207 погребений. Уникален комплекс каменных сооружений под насыпями четырех курганов (конец средней — поздняя бронза): захоронения окружены прямоугольными каменными оградками, в которых сделаны входы; к ним подводят дороги, так же обрамленные камнем.

Таманская экспедиция (Ю. М. Десятчиков) двумя стационарными отрядами продолжала охранные раскопки городища X—XI вв. н. э. у ст. Голубицкая и соседствующих с ним могильников, античного поселения на окраине пос. Кучугуры, эллинистического — у ст. Запорожская. Все эти памятники характеризуют разные периоды Азиатского Боспора, а также древнерусский город и позднее мусульманское население. Большой интерес представляют исследования земляных склепов II в. до н. э. с коллективными захоронениями в курганно-грунтовым могильнике — некрополе античного города Киммерия.

Фанагорийская экспедиция (В. С. Долгоруков) продолжала стационарные охранные археологические исследования древнегреческого города Фанагории (район пос. Сенной, Темрюкского р-на, Краснодарский край). Работы велись на площади 1475 кв. м. Раскапывались участки «южного города» и архаического некрополя. Впервые найдены могилы, принадлежавшие первым греческим поселенцам Фанагории (последняя четверть VI в. до н. э.).

Цнинская экспедиция (Р. Ф. Воронина) в 1985 г. продолжала охранные раскопки древнемордовского памятника конца IX—XI в. — Лядинского могильника и провела рекогносцировочные раскопки одноименного поселения (с. Новая Ляда, Тамбовский р-н, Тамбовская обл.). На могильнике изучалась его центральная часть; на площади 100 кв. м было обнаружено 21 погребение, давшее обильный и интересный материал.

Заседания сектора. В 1985—1986 гг. проведено 50 заседаний сектора, в том числе семь Отдела археологической службы, подразделением которого является Сектор охранных раскопок. Традицией стали совместные заседания с другими научными подразделениями Института. Их основная цель — обсуждение научных работ, в частности плановых тем сотрудников Сектора охранных раскопок. Состоялось шесть заседаний совместно с Отделом неолита и бронзы, одно — с Отделом славяно-русской археологии, одно — с Отделом теории и методики. Сотрудниками прочитано более 30 научных докладов в различных подразделениях Института, не считая отчетных сообщений о полевых работах экспедиций. На заседаниях сектора с докладами или информацией о работе экспедиций выступили 13 сотрудников других подразделений Института.

Публикации. За последние годы в секторе охранных раскопок все большее значение уделяется научной обработке и подготовке к публикации археологических материалов, добываемых новостроечными экспедициями. Основным изданием сектора стала серия «Археологические открытия на новостройках». Первый том этого издания (20 печ. л.) вышел в свет в конце 1986 г. («Труды Северо-Кавказской экспедиции»). Монография Г. Е. Афанасьева «Население бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. Аланский вариант салтово-маяцкой культуры» опубликован в 1987 г. В 1986 г. вышел из печати выпуск КСИА (188), полностью посвященный работам на новостройках. Результаты исследо-

ваний новостроечных экспедиций нашли также отражение в 22 статьях и 33 заметках и тезисах общим объемом около 20 п. л. Опубликованная печатная продукция дополняется отчетами о раскопках, до сих пор остающимися основным показателем научной активности сотрудников сектора. За два года ими подготовлены отчетные материалы общим объемом более 110 а. л., не считая более 1600 стр. приложений и более 40 альбомов иллюстраций.

Плановые научные темы отражают индивидуальные научные интересы сотрудников и, как правило, базируются на материалах новостроечных экспедиций. За два года завершены, обсуждены и признаны выполненными 13 плановых тем.

Работа В. Л. Державина «Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам Ставропольской экспедиции, 1980 г.)» вводит в научный оборот археологический материал, полученный в ходе исследования памятников в зоне строительства Большого Ставропольского канала. Исследование В. И. Мельника «Поповичские курганы» содержит информацию о ряде погребений периода средней и поздней бронзы, раскопанных Северо-Кавказской экспедицией в Калининском р-не Краснодарского края. Работа В. В. Сидорова «Многослойные памятники каменного века озер Волжского бассейна» задумана как публикация материалов раскопок Волго-Окской экспедицией ряда крупных поселений. Плановые научные темы сотрудников сектора отнюдь не исчерпываются работами публикационного характера. Труд А. Е. Леонтьева «Культурный слой Ростова Великого» представляет собой научное обоснование проекта охранных зон культурного слоя Ростова Великого. Задача плановой работы Р. Ф. Ворониной, построенной на материалах раскопок Цнинской экспедиции 1983—1985 гг.— «Типологическая классификация вещевого материала Лядинского могильника». В основе работы А. С. Смирнова «Неолит Верхней и Средней Десны», рекомендованной при обсуждении к защите в качестве кандидатской диссертации,— анализ неолитических и энеолитических памятников бассейна Десны и культурно-географически связанного с ним Поочья; базируется работа на материалах Деснинской экспедиции, которую автор возглавляет ряд лет. Цель исследования А. Н. Сорокина «Бутовская мезолитическая культура» — изучение памятников этой культуры, раскапывавшихся Деснинской экспедицией, и характеристика и периодизация этих древностей. В работе А. Н. Гея «Новотиторовская культура и ее место среди культур эпохи бронзы» на основе материалов главным образом Северо-Кавказской экспедиции определяется историческое место выделенной культуры и предлагается ее предварительная хронологическая схема. В своей плановой работе «Хронология срубной культурно-исторической общности в Западном Предкавказье», построенной на материалах Донской экспедиции, И. А. Сорокина выявила и исследовала облик и специфику срубных погребений Нижнего Дона и Прикубанья. Материалы Ставропольской экспедиции, рассмотренные в антропологическом аспекте, стали объектом работы Г. П. Романовой «Палеоантропология населения Ставрополя в эпоху ранней и средней бронзы». Ее задача — изучение морфологических особенностей населения ранней и средней бронзы северных районов степного Ставрополя.

Некоторые сотрудники разрабатывают темы, непосредственно не связанные с тематикой новостроек. Работа Г. Е. Афанасьева «Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв.» на примере лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры рассматривает роль экономического фактора в формировании и эволюции поселений, проблеме этнического состава носителей этого варианта. В работе Г. Г. Пярых «Некоторые аспекты происхождения основных типов погребального инвентаря срубной культуры Поволжья» анализируется вопрос о происхождении металлических изделий, керамики и некоторых других категорий и делается вывод, что базой их формирования явились постка-

такомбные и абашевские образования. В работе М. В. Александровой «О палеолитическом культурном слое (в аспекте поселений открытого типа с остатками жилищ)» рассматриваются методические вопросы, связанные с изучением остатков палеолитических жилищ, предлагается концепция палеолитического культурного слоя.

Диссертации. В 1985—1986 гг. на заседаниях Специализированного Совета по защите докторских диссертаций Института успешно защитили кандидатские диссертации четыре сотрудника сектора: А. Н. Гей: («Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе европейской части СССР»), В. И. Мельник («Степное Поволжье в эпоху средней бронзы. (Преемственность и взаимодействие культур)»), В. В. Сидоров («Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья»), А. В. Сазанов («Мелкая пластика Боспора в I—IV вв.»).

Теоретический семинар. С 1985 г. одной из новых форм работы сектора стал теоретический семинар «Социальная дифференциация. Поиски археологических критериев». Состоялось шесть заседаний. Среди вызвавших наибольший интерес—доклады Г. Е. Афанасьева («К методике социальной интерпретации салтовских городищ»), В. В. Седова («Зарождение города в славянском мире»), И. С. Каменецкого («Погребальный обряд и имущественная дифференциация»).

Участие в конференциях. Сотрудники сектора приняли участие в семи региональных и всесоюзных конференциях, где прочитали 18 докладов, а также выступили на двух международных форумах (V Международный конгресс славянской археологии, Киев, 1985 г.—Н. Н. Фарраджева; 2-й Международный конгресс по болгаристике, София, 1986 г.—Г. Е. Афанасьев).

Популяризация археологических знаний в период полевых сезонов стала одной из постоянных форм деятельности сотрудников сектора. Она осуществлялась в виде занятий со студентами—участниками раскопок, выступлений перед местным населением (около 20 лекций), экскурсий по раскопкам (61), выступлений в местной печати (около 10), лекций перед строителями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
- АСГЭ — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж
- ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
- ГИМ — Государственный Исторический музей
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии
- МГУ — Московский государственный университет
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР
- ИИМК — Институт истории материальной культуры
- КАТЭК — Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс
- ОИН — Отделение исторических наук
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт истории языка и литературы
- ЧКМ — Череповецкий краеведческий музей
- ЯКМ — Ярославский краеведческий музей

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Г. Е. Афанасьев.</i> Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ	3
<i>А. С. Смирнов, А. Н. Сорокин.</i> Деснинская экспедиция в 1984—1985 гг.	12
<i>Л. В. Кольцов, М. Г. Жилин.</i> Итоги работ Калининской экспедиции в 1984—1985 гг.	19
<i>В. С. Флёров.</i> Клин-Ярская экспедиция в 1983—1985 гг. (памятники VIII—VII вв. до н. э. и II—VIII вв. н. э. в Кисловодске)	24
<i>Н. Ф. Лисицын.</i> К изучению памятников эпохи камня на новостройках Южной Сибири (1975—1985 гг.)	31
<i>С. Н. Корневский, М. А. Романовская.</i> Металлические изделия бронзового века из могильника у хут. Веселая Роща в Ставрополе	34
<i>М. В. Андреева, П. Г. Дервиз.</i> Погребальный комплекс эпохи средней бронзы	40
<i>В. А. Семенов.</i> Памятники эпохи бронзы в Туве	52
<i>М. Н. Пшеницына, А. С. Поляков.</i> Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии	58
<i>Г. Н. Курочкин.</i> Золотые изделия из Большого Новоселовского кургана	66
<i>Я. М. Паромов.</i> Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984—1985 гг.	72
<i>Т. М. Кузнецова, О. А. Ульянова.</i> Новая находка бронзового зеркала из Краснодарского края	78
<i>Н. А. Макаров.</i> Лепная керамика Восточного Прионежья IX—XII вв.	83
<i>Г. В. Длужневская.</i> Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея (по материалам работ 1980—1982 гг.)	93

Хроника

<i>М. В. Александрова.</i> Сектор охранных раскопок в 1985—1986 гг.	99
«Список сокращений»	103